

МИХАИЛ КРАВЧЕНКО

ПОСЛЕДНИЙ КОНТАКТ

Михаил Кравченко
Последний Контакт

«Автор»

2025

Кравченко М.

Последний Контакт / М. Кравченко — «Автор», 2025

История о том, как человечество наконец-то дождалось “первого контакта” — и тут же поставило рекорд: превратило его в последний. Всё началось с невинного “давайте посмотрим, что там светится”, а закончилось тем, что Земле больше некому было обсуждать итоги экспедиции.

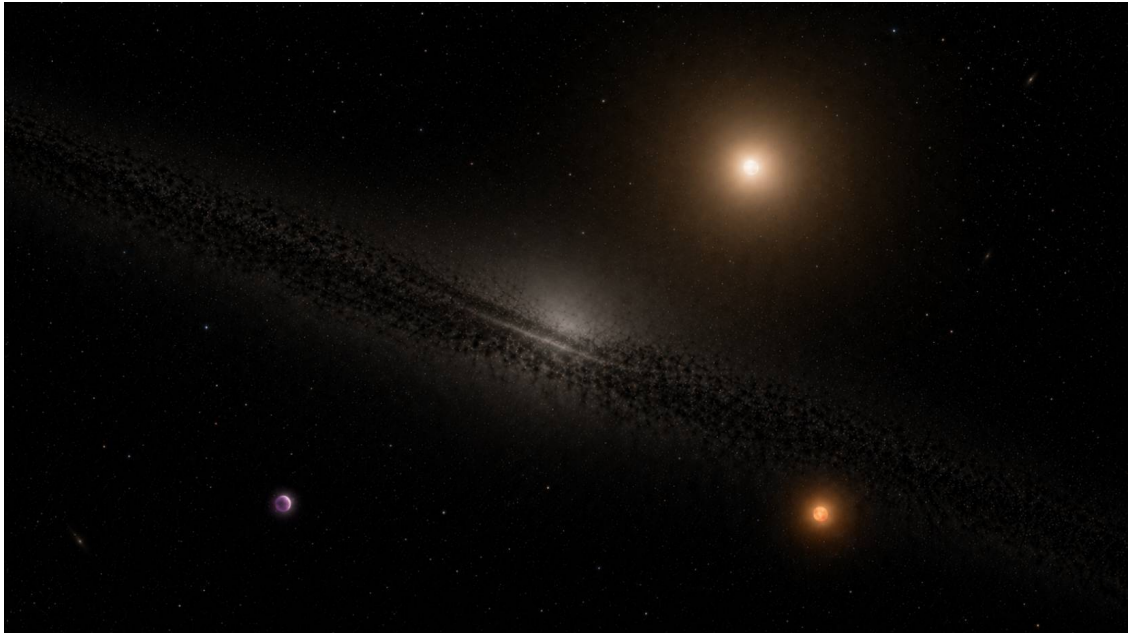
© Кравченко М., 2025

© Автор, 2025

Михаил Кравченко

Последний Контакт

МИХАИЛ КРАВЧЕНКО
ПОСЛЕДНИЙ КОНТАКТ

Шум — это не мусор. Это то, что пока не нашло своего имени.

С изобретением гиперпространственных прыжков стало ясно: это также и прыжки во времени. Корабль оказывается в будущем наблюдаемой звезды, но в прошлом относительно собственных фотонов, которые достигнут её когда-нибудь позже.

Величина этого смещения пропорциональна расстоянию до цели — расстояние по-прежнему стоило энергии, просто в другой форме.

Кроме того, такой переход требовал локального разрыва причинности. Оказалось, что он возможен только в максимально разряженной среде: любая пылинка делала переход значительно дороже.

В итоге самыми дешёвыми для исследования стали случайные области пониженной концентрации вещества — например, за поясом Койпера у Солнца или в галактическом гало Млечного Пути.

В таком месте и оказалась исследовательская миссия.

Тройная система GDR-25k-z3/178+07 — двадцать пять килопарсек по плоскости от центра Млечного Пути, три — над диском. Главный компонент А — около двух третей солнечной массы. Рядом с ним — тесная пара малышей: остывающая субзвезда С, чуть ниже границы устойчивого горения водорода, и красный карлик В, примерно на одну седьмую тяжелее С, но бурный, словно застрявший в состоянии вечной

молодости.

Сама пара В–С была обычным объектом для галактических каталогов: тесные почти равномассивные системы встречаются у разных типов звёзд главной последовательности, но у самых маломассивных объектов как раз лучше всего выживают компактные, крепко связанные пары. Необычным было другое — эта пара обращалась всего в половине астрономической единицы от оранжевого карлика А. Получалась очень компактная иерархическая тройная система: не хрупкая случайность, но редкая архитектура, которая могла сохраниться только при малых эксцентриситетах, почти общей плоскости орбит и миллиардах лет орбитального сглаживания.

Здесь вообще всё было немного не так. Млечный Путь не тянулся по небу привычной мутной полосой, как дома, а лежал на нём огромным сплюснутым диском, увиденным почти с ребра и раскинувшимся на полнеба. В самом его сердце свет сгущался в яркое плотное утолщение центра; оттуда он расходился к краям всё тоньше и слабее, пока не растворялся в темноте. За пределами этого гигантского диска, похожего на летающую тарелку, уже начиналась почти чистая глубина, где редкие звёзды не забивали фон и далёкие галактики проступали яснее и чаще, чем во внутренних областях. Небо здесь было не ярким, а бездонным.

Такие конфигурации считались неудобными для эволюции жизни: низкая металличность, разреженная среда, сложная динамика, вспышки активного В. И главное — расстояние.

Считалось, что жизнь редко возникает независимо и чаще распространяется по Млечному Пути медленно, как диффузия — на пылинках, в ледяных обломках, в хвостах комет.

В центре Галактики, вокруг сверхмассивной чёрной дыры Стрелец А*, вращаются плотные скопления водных миров — миллионы тел, похожих на Энцелад. Их считали первичным биологическим резервуаром. Когда-то возникшие у самых древних звёзд формы жизни были втянуты туда и перемешаны; с тех пор бесконечные столкновения на огромных скоростях выбрасывают во все стороны глыбы льда, насыщенные одними и теми же устойчивыми клеточными линиями. Миллиарды лет этот медленный дождь рассеивается по Млечному Пути, заноса в новые системы один и тот же базовый набор прокариотов и простейших эукариотов — с живучестью, отточенной в суровых условиях галактического ядра.

Оттуда жизнь утекает наружу и постепенно засеивает галактический диск.

До таких окраин, как GDR-25k-z3/178+07, этот поток доходил плохо. Слишком далеко, слишком разрежено.

И всё же система была не пустой.

Хотя и бедная железом, но старая и α -обогащённая — с избытком кислорода, магния, кремния, кальция, серы, даже титана и неона — GDR-25k-z3/178+07 дала несколько каменистых миров, и не мёртвых. Тесная связка с субзвёздной парой чуть

вытягивала почти круговые орбиты, удерживая микроскопический эксцентриситет. На малых расстояниях от тусклых карликов этого хватало: эксцентриситет волшебным образом превращался в постоянный источник приливного тепла, не дававший планетам остыть за десять миллиардов лет.

Две планеты удержали воду. Жидкую — с кислородными атмосферами и множеством биосигнатур — и это уже выглядело как причина туда слетать.

Спектры выглядели слишком аккуратно для простой геологии: кислород держался вместе с восстановительными газами, которые должны были исчезать, а состав атмосферы медленно пульсировал с орбитой. В воде фиксировался устойчивый хиральный перекося органики — признак, который обычно не возникает сам по себе. Это могло быть чем угодно: редким случаем независимого зарождения жизни в бедной железом, но α -обогащённой химии, или, наоборот, следом очень древнего заноса — линиями, родственными земной биосфере, но значительно более древними, чем всё, что удавалось наблюдать ранее. Ни то ни другое нельзя было подтвердить издали, но оба варианта стоили полёта.

В заявке на финансирование миссии компонент GDR-25k-z3/178+07 С почему-то проходил как Prometheus. Звёзд в базах данных было несчётное число, и никто из комиссии, разумеется, не мог помнить поимённо всех присвоенных названий, хотя многим было очевидно, что с этим именем что-то не так. Один скептик всё же поворчал, потребовал объяснений, получил три несовместимых ответа и в конце концов устал раньше, чем документ.

Имя у GDR-25k-z3/178+07 С появиться почти никак не могло. В Галактике около четырёхсот миллиардов звёзд, а коричневые карлики вообще называли только в редких исключительных случаях. Процедура была стандартная, долгая и слишком публичная, чтобы пройти незаметно. Но когда комиссия приняла документы миссии к обсуждению, в международной базе данных в строке “public name” уже стояло Prometheus.

В самой заявке тоже не было никаких намёков на происхождение названия. Зато там лежало длинное исследование, подписанное именитыми учёными: медленно остывающий коричневый карлик будет терять инфракрасную светимость те же десятки миллиардов лет, в течение которых GDR-25k-z3/178+07 А медленно увеличивает свою. Для биосфер у Prometheus это означало редкую устойчивость: один источник тепла слабеет, другой постепенно усиливается. Название было слишком удобным, чтобы с ним воевать.

В итоге комиссия подписала заявку. Так впервые в истории исследовательская миссия отправлялась к системе, где собственное имя почему-то имел не главный компонент, не яркая звезда А и даже не вспыхивающая звезда В, а самый малый и тусклый участник — коричневый карлик С. С Земли его невозможно было выделить напрямую: система лежала слишком далеко. Её подробно описала другая исследовательская миссия, работавшая из более близкой точки в гало, и уже в её данных этот едва тёплый объект проходил как Prometheus.

Астробиологическое сообщество экспедицию молчаливо одобряло. Слишком уж

хорошо сходились вода, кислород, странная химия и два мира с биосигнатурами у одного коричневого карлика. Но деньги выделяли неохотно даже после всех согласований: одно дело — получить разрешение, и совсем другое — выбить материально-техническое обеспечение у скупых чиновников, не имевших никакого отношения к астробиологии, зато прекрасно понимавших, что эти нищоброды в конце обнаглели.

Изначально миссия планировалась как исследование очередного экзо-заповедника. Такие миры не колонизировались. Не из-за романтических запретов и не из-за страха перед “чужой жизнью” — просто потому, что биосферы оказывались несовместимы.

Парадоксально, но генетическое родство было не менее опасно, чем его отсутствие. Там, где химия совпадала слишком хорошо, человеческие бактерии и вирусы вступали в прямую конкуренцию с местной жизнью. Баланс не устанавливался — он срывался. Одна из сторон неизбежно начинала вытеснять другую, и обычно это происходило слишком быстро, чтобы успеть что-то контролировать. Колонизация превращалась в биологическую катастрофу с заранее неизвестным исходом.

Там, где родства не было, всё оказывалось чуть безопаснее, но лишь формально. Органика была слишком чужой: не всегда ядовитой, но всегда плохо распознаваемой. Пищевые цепочки не складывались, ферменты не работали, обмен веществ требовал полной изоляции. Человек мог жить там только в замкнутых системах, полностью отделённых от местной биосферы, и такие миры не давали ничего, кроме поверхности под куполами. Это тоже было не освоение, а размещение.

Инопланетного разума не находили. Находили руины. Изредка обнаруживались следы бывшей технологической активности: фрагменты орбитальных конструкций, деградировавшие энергетические узлы, обломки станций. Всё было старым, давно оставленным и не поддерживаемым — возрастом от миллионов до миллиардов лет.

И каждый раз картина была одинаковой: цивилизация возникала, выходила в космос и исчезала, не оставив ничего, кроме материалов, постепенно возвращающихся в геологию планеты или рассыпающихся на орбите. Никаких сигналов, никаких попыток контакта, никакой преемственности. Только следы, которые проще было принять за случайность, чем за закономерность.

Как оптимистические, так и пессимистические ожидания прошлых поколений не сбылись. Жить за пределами Земли оказалось решительно негде — кроме как под куполами на заведомо непригодных мирах. Терраформирование оставалось слишком дорогим и слишком медленным, чтобы считаться решением, а естественно пригодные планеты либо не существовали, либо были заняты биосферами, в которые нельзя было войти.

Но и космических ужасов не оказалось. Никто не поджидал в темноте, не охотился на экипажи, не высасывал кровь, не откладывал личинки под кожу, не заражал корабли разумными плесеньями и не превращал астронавтов в послушные оболочки. Всё, что пугало раньше, оказалось либо метафорой, либо плохой биологией.

Как и следовало ожидать, планеты с биосферами снова и снова оказывались похожими. Конвергентная эволюция воспроизводила знакомые формы: хищников, травоядных, фильтраторов, симбионтов. Ни один динозавр не разевал пасть на неестественно пахнущие полуживые скафандры — не из доброты, а из специализации. Такие хищники слишком точно настроены на свою добычу и скорее отравятся чужой, чем рискнут её съесть.

В этом смысле космос оказался не враждебным и не дружелюбным — просто чужим и равнодушным, оставляющим человеку только одну форму присутствия: аккуратную, герметичную и временную.

В системе GDR-25k-z3/178+07 таких планет оказалось, как и предполагали, две.

Сб — чуть крупнее Земли, но рыхлее, с пониженной плотностью; гористая, с тяжёлой атмосферой и непрерывным базальтовым вулканизмом. По сути — увеличенный

Ио, устойчиво разогреваемый извне и изнутри: мир, где вулканизм поддерживается не запасом тепла, а орбитой.

Сс — чуть крупнее Марса, но почти сплошная вода и лёд, “планета-глаз”: океан глубиной в десять–двадцать километров и ледяная скорлупа, частично растаявшая на подзвёздной стороне. Редкие острова выглядели не как суша, а как складки коры, случайно всплывшие на поверхность.

Автоматические станции миссии успели сделать то, ради чего их и отправляли: снять спектры, сбросить микрозонды, пройти по верхним слоям атмосферы и грубо описать обе планеты. Сб получила пометку “активный вулканический мир с плотной атмосферой”, Сс — “океаническая планета с ледовой ночной стороной и ограниченными участками суши”.

По предварительным данным система не обещала ничего принципиально нового. Биосфера Сб и Сс, как и ожидалось, оказалась родственной земной, занесённой когда-то из галактического ядра; в микрофлоре не нашли ни странной химии, ни независимого второго дерева жизни. Станции подтвердили это быстро и без сюрпризов.

Ничего, что требовало бы немедленного присутствия людей, найдено не было. По инструкции после такой первичной разведки миссия должна была сворачиваться: не потому что система была скучной, а потому что ценные ресурсы нельзя было тратить на ещё один набор красивых, но понятных астробиологических данных. Таких миров человечество видело уже достаточно.

Идея возникла почти случайно — уже после того, как основной интерес к системе был исчерпан.

Геология Сс оказалась нетипичной. При малой массе планета удерживала заметную атмосферу с приводным давлением около 24% земного. Мир был почти океаническим и полузамёрзшим, но из-за активного вулканизма и литосферных сдвигов сохранял высокие поднятия — острова и гряды, выступающие из-под корки льда или из жидкой

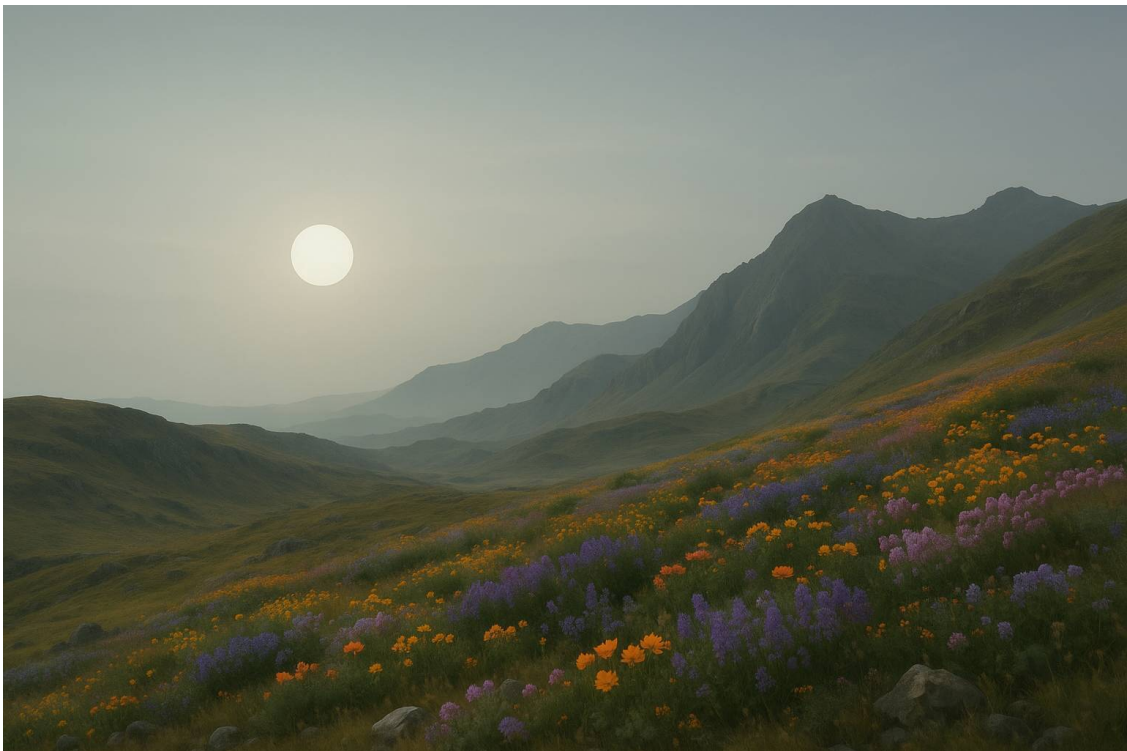
воды.

Это плохо укладывалось в привычную картину водных планет, которые обычно представляли собой либо суперземли с массивными атмосферами и океанами глубиной в сотни километров — с тяжёлыми льдами на дне и без каменной поверхности, — либо такие же “бездонные” ледяные шары без атмосферы.

Сс, напротив, выглядела промежуточным случаем: океан сравнительно неглубокий, с доступной корой, разорванной и приподнятой приливным разогревом. Такая конфигурация была редкой. Наземная биосфера Сс, по данным дронов, была примитивной и едва различимой; океаническая — возможно сложнее, но изолированная.

В результате на поверхности возникали участки, где можно было находиться без полной биологической изоляции и с меньшими затратами на защиту, чем на Луне или Марсе. Это не делало планету формально пригодной, но делало её необычной и потенциальной площадкой для экспериментов. Этого оказалось достаточно, чтобы вместо очередной серии дронов отправить к ней настоящий челнок — с живыми людьми.

=====

Часть I

Основной корабль остался снаружи, на парковке в 0.12 а.е., где ветер ещё терпим и магнитный щит работает не на пределе. А внутрь, к тесной паре и её быстрым мирам, ушёл только челнок — сто тонн металла, воды, приборов и трёх человек.

Сутки хода. Полсуток разгон, полсуток торможение. Двигатель на быстрых частицах давил ровно, как лифт.

Прометей, “тусклый коричневый карлик”, на самом деле напоминал очень яркую полосатую планету: с облачным рисунком почти как у Юпитера, но с собственным пурпурно-багровым свечением, наложенным на отражённый свет главной звезды А и очень близкого красного карлика В.

По мере приближения всё отчётливее проступало уникальное явление: несколько неправильных колец вокруг Прометея. Не плотных, не сатурнианских, а широких размытых полос света, в десятки раз превосходящих по диаметру эту полузвезду-планету размером с Сатурн. Они не вращались как твёрдое тело и не лежали ровно в одной плоскости; местами кольца рвались, утолщались, гасли и снова проступали, будто свет медленно размешивали в магнитном поле.

Это были плазменные торы: вещество, сорванное с двух ближайших планет, ионизованное, растянутое вдоль орбит и пойманное магнитным полем Прометея. Вместе с яркими полярными сияниями самого Прометея эти торы уже успели получить прозвище “венцы Прометея”.

Они шли на вторую планету этой необычайно красивой звезды как на пустой участок под купола: ровная бухгалтерия света, ветра и логистики. Радиус 3 754 км, орбита 0.00975 а.е. — маленький быстрый мир, удобный, как новый склад на окраине цивилизации.

Внутри корабля было сухо, тихо, пахло пластиком и кофе из пакетика, и это, в сущности, было их представление о колонизации: сделать так, чтобы планета пахла кораблём.

XR-Δ773/FluxPrime, который всем представлялся как Флюкс; Astra-N0D3/HeliPattern, проще — Астра; и Q-Loop/27h-R3sonant, известный как Кулуп.

Эта тройца летела к планете GDR-25k-z3/178+07 Сс, заранее приободрившись идеей, что там, возможно, нет полноценной многоклеточной биосферы. А если есть — то такая, которую можно при желании аккуратно не заметить.

— Астра, — сказал Флюкс, не поворачивая головы. — Это ты в журнале написала “Poseidon”?

— Не я.

— Подозрительно быстро.

— У меня был готов ответ на случай глупого вопроса.

Флюкс довольно хмыкнул и перевёл взгляд на Кулупа.

— Кулуп, а ты не знаешь, в Международном реестре публичных астрономических имён уже есть Посейдон, которого не Астра внесла?

— Откуда мне знать, — сказал Кулуп, — если отсюда даже UDP-посылки до Земли идут на вес биткоина и со скоростью почтовых голубей?

— Но ты же хакер. Ты всё знаешь.

Кулуп медленно повернулся от экрана.

— Ты на что намекаешь?

— Я? Ни на что. Просто у нас в экипаже есть человек с именем Q-Loop/27h-R3sonant, который “случайно” умеет открывать закрытые шлюзы, спорить с навигацией и убеждать протоколы, что они сами этого хотели.

— Это не хакерство. Это дипломатия с плохо написанным софтом.

— Значит, Прометей тоже сам себя внёс?

— Флюкс, если бы я нелегально называл звезду, я бы назвал её не Прометей.

— А как?

— “Чёртова лампочка”.

Астра прикрыла глаза ладонью.

— Вот поэтому тебе нельзя давать доступ к реестрам.

— У меня и нет доступа к реестрам, — мрачно пробурчал Кулуп. — У меня даже доступ к складу расходников спрашивает, точно ли станции нужен второй фильтр для системы охлаждения, или завхоз с командиром, подписавшие заявку, просто оба эмоционально неустойчивы. Хотя я вообще-то радист.

— Если на Сс окажется хоть какой-то нормальный базальт, — сказал Кулуп, не отрываясь от навигационного экрана, — я буду счастлив. Нам нужны не виды и легенды, а анкера и плиты.

— Нам нужны люди, чтобы не сходить с ума, — отозвалась Астра. — Купола — это не романтика, но хоть какая-то честная форма дома.

Флюкс молчал. Он всегда молчал, когда дела становились слишком правильными. Автоматический маршрут просчитывал гравитационные поправки, камеры отдавали чистые контуры, и всё было настолько гладко, что в голове появлялась липкая мысль: “мы снова делаем музей”. Земляне не любили осваивать сложные биосферы. Сложная биосфера — это чужая химия, чужие белки, чужие вирусы и бактерии. Она либо погибает сама от земной микрофлоры, либо убивает всё земное — и тогда уже гибнет человеческая колония. Поэтому люди выбирали камень, лед и пустоту. Планеты-пустышки. Планеты-склады.

Сб была не пустышкой. Даже на расстоянии это чувствовалось: плотная прозрачная дымка атмосферы, особый оттенок океана, какая-то слишком живая структура облаков — вместо долгих сплошных слоёв тянулось плотное поле короткоживущих дождевых ячеек. На дневной стороне белизна облаков была очень чистой, а у края — словно подёрнутой дымом.

Там, где у пустынных миров были бы пыль и пустота, здесь был порядок, который не хотелось ломать.

На мелководьях проступали охристо-ржавые полосы отмелей, а берега как такового не было: зелёные, бурые, пурпурные и просто тёмные пятна постепенно сгущались прямо в океане и дальше, без резкой границы, переходили в те же необычные цвета склонов и гор.

Мимо таких миров обычно пролетали быстро. На них смотрели, как на чужой сад: красиво, но лучше не трогать.

— Держим коридор, — сказал Флюкс. Любуйтесь бесплатно, экономия десяти минут работы двигателя. Голос у него стал тем самым, рабочим, когда всё превращается в числа. — Сейчас возьмём у неё чуть-чуть скорости и выйдем на окно Сс.

На экране тонкая линия траектории прошла по касательной к орбите Сб, и рядом вспыхнула метка: близкий пролёт. Челнок не садился на Сб, он просто проходил мимо, снимая спектры, профили облаков, температурные карты, магнитные возмущения.

Зонды они могли гонять часто — лёгкие, дешёвые, одноразовые: поставил типовой пакет датчиков, выстрелил, получил телеметрию, потерял — отправил следующий. А пилотируемый вылет был редким и дорогим, и именно поэтому вместе с людьми и тоннами их барахла шёл другой класс техники. На челноке стояли тяжёлые, капризные приборы — большие зеркала и апертуры, узкополосные спектрометры, полевые магнитометры на длинных выносах, камеры с чувствительностью на грани шума, радиоприёмники с динамическим диапазоном, который не любят экономить в граммах. И всё равно оставался ещё один смысл, почти суеверный: прямой взгляд человека. Мгновение, когда мир попадает в глаза — и в голову — без промежуточных фильтров.

Флюкс смотрел на Сб молча.

Кулуп прищурился, подвинул изображение и сказал:

— Ну и океан... компот какой-то. Эти плавные переходы из синевы — острова?

Астра молча вывела окно диагностики, дала анализатору задачу на классификацию границ суша/вода и отдельно — на поиск повторяющихся текстур в мелководьях; параллельно система уточнила батиметрию и выдала, что океан здесь удивительно мелкий — в среднем около пятидесяти метров.

Через минуту пришёл ответ: большая часть точек оказалась не камнем и не илом, а, вероятнее всего, кронами гигантских деревьев, растущих прямо из воды. Но

островов там тоже было много.

Геология разбила шельф на бесконечную россыпь мелких поднятий: сотни миллионов островков, уцелевших, вероятно, благодаря прибрежным лесам на мелководье — они гасили волну и удерживали грунт. А если считать вместе с гигантскими деревьями, то, по оценке анализатора, небольшие надводные структуры исчислялись уже миллиардами.

— Ладно, — сказала Астра, будто снимая с себя обещание. — Этот сад мы не трогаем. Пусть живёт.

— Зато Сс... — продолжила она, уже не глядя на Сб, а перелистывая снимки с Другого канала.

На экране появился Посейдон. Он выглядел как планета-глаз, только глаз был не круглым, а вытянутым: тёмная линза открытой воды лежала на стороне Прометея и тянулась вдоль экваториального пояса.

Постоянное инфракрасное тепло Прометея хорошо прогревает подзвёздную область океана, а светила В и А, проходя по небу, подогревают экваториальный пояс всей планеты. Посейдон вращается достаточно быстро, чтобы тепло уносило не только от света к тени, но и вдоль широт — струями, ветрами и течениями. Поэтому открытая вода дополнительно вытягивается в экваториальную линзу.

По краям этой линзы идут рваные ледяные “веки”: облачные дуги, польни, паковый лёд и длинные штормовые полосы. На холодном полушарии линза уже не является чистой открытой водой — там она превращается в тёмную область тонкого льда, разводий и польней, которая периодически замерзает и снова оттаивает.

— Вот это интересно, — сказала Астра. — Не наша любимая пустыня. Сплошной глубокий океан и редкие острова.

Флюкс бросил громким шёпотом, с понимающей насмешкой:

— Ты хотела сказать “Посейдон”, но не знала, как это сделать?

— Да, он самый, — устало ответила Астра. — Ты хочешь знать правду?

— Сейчас, когда уже нечего терять? — хихикнул Кулуп.

— Выкладывай всё как есть, Дездемона, — сказал Флюкс.

— Моя должность астробиолога формальная. Поэтому меня и послали в вашей картонной коробке.

Кулуп и Флюкс хором помрачнели.

— Почему картонной? — сделал вид, что удивился Кулуп.

— Потому что “чёртов красный карлик в приливном захвате”, — неожиданно мрачно произнёс Флюкс.

После минуты молчания Астра как ни в чём не бывало продолжила:

— Настоящий океан, — сказала она и впервые за долгое время улыбнулась мечтательно, не иронией. — На такой планете у нас ещё не было базы. Воды хоть залейся, и даже кислород есть. Девять процентов — конечно, не дом, но уже воздух, а не химия.

— Что-то мне не хочется встречаться с обитателями их океана, — возразил Кулуп, не поднимая глаз. — И с их вирусами.

— И с ихними вирусами, — подхватил Флюкс, как будто пробуя слово на вкус.
— Океан — это чужая лаборатория. Там всё умеет жить.

— Биосфера наверняка есть, — сказала Астра спокойно, — но мы поставим купол... на горе. Подальше от брызг и биоплёнок. Там высокие ледяные вершины — хорошие места для стерильной площадки. И при этом вокруг нормальная вода и нормальный воздух. Идеальный вариант среди всех наших жутких подобию Марса.

— На вулкане будем жить? — ехидно спросил Кулуп.

— Там не только вулканы, — ответила Астра. — Есть и поднятия, и гребни, и просто вершины, которые торчат из океана, как шрамы. Нам не нужен материк. Нам нужна ровная площадка и якоря.

Флюкс помолчал и неожиданно кивнул.

— Большие острова размером с Исландию, — сказал он, и в голосе впервые прозвучала заинтересованность, не только расчёт. — Нам хватит.

— Да, сложной наземной биосферы ожидать не стоит, — добавила Астра. — А океан — другой мир. Мы и земной-то океан не освоили, что уж говорить об этом, который глубиной десять километров.

— Да уж, — вздохнул Флюкс. — Лучше держаться за клочок суши под облаками, когда есть нормальная вода и воздух, чем прыгать по лунным пейзажам и считать утечки.

Кулуп всё ещё хмурился.

— А откуда там столько кислорода — девять процентов — если нет большой биосферы?

— Это не много, — сказала Астра. — Десятая часть земного уровня. Фотосинтез в океане. Плюс утечки из глубины, если химия правильная. Нам хватит, чтобы не таскать весь окислитель с собой.

— А может, на anti-C стороне лучше? — предложил Кулуп. — Холоднее, суше,

микробам сложнее.

— Идеально было бы, если бы там был остров, — согласилась Астра.

Флюкс посмотрел на расчёт ветров и линий облачности, и его привычная осторожность вдруг стала почти оптимизмом.

— Лучше всё же в терминаторе, на высокогорье ближе к тому полюсу, где больше островов, — сказал он. — Там постоянный ветер с холодной стороны, и подсветка есть: от С, и от полярных сияний.

— Постоянный ветер — это постоянная энергия, — согласился Кулуп. Потом помолчал секунду и добавил уже тише: — А сияния тут как пожары... Лишь бы нас не задело тем, что их кормит.

— Да, anti-C сторона на этих планетах не такая уж и тёмная, — поддержала Астра. — То есть могут быть и полыньи. А где жидкость — там всякая ненужная нам живность.

— И за Св можно наблюдать. Она красивая, — добавила она ещё.

— Раз в четыре дня она крупнее и ярче всего, — кивнул Кулуп.

Корабль уже уходил от Св, и траектория на экране аккуратно “подхватила” его в новую дугу, будто кто-то незаметно поменял угол наклона стола.

— Вот, — сказал Флюкс, глядя на линию. — Развернулись почти бесплатно. Хорошо.

Астра кивнула, и в её голосе впервые прозвучало то, что у землян редко выпускали наружу перед посадкой: желание, а не план.

— Давайте найдём нам гору, — сказала она.

Кулуп кивнул. Астра уже потянулась к чашке — и замерла.

На ночной стороне Св, там, где должна быть глухая тьма с редкими полосами облаков, вспыхивали точки.

Не отражение. Не блик. Не “городские” огни — слишком мало, слишком странно расположены. И главное: спектр был не тот.

— Что за... — Астра наклонилась ближе к дисплею. — Это... это вообще что?

— Так, переходим в режим радиотишины, — сказал Кулуп. — По инструкции.

Кулуп автоматом включил спектрометр.

— Не совпадает с термальным максимумом, — пробормотал он. — И не похоже на чистое геотермальное. Слишком узко. Слишком... направленно?

Флюкс уже листал каналы: видимый, ближний ИК, дальний ИК. Картина не складывалась. Точки были яркими там, где геотермия должна быть “тёплой” и размазанной. И, наоборот, там, где ожидалась видимая биолюминесценция, — слишком “технический” профиль, будто кто-то специально кормил фотосистему определёнными длинами волн.

— Биолюминесценция? — Астра сама не верила, как это прозвучало. — На ночной стороне? Такими пятнами?

— Биолюминесценция так не выглядит, — сказал Кулуп и нахмурился так, будто спорил с учебником. — И если это геотермальные поля, они не будут светить “красным-не-красным” и не будут такими ровными. Они должны пульсировать с приливом, они должны быть грязными по спектру.

Флюкс увеличил изображение. Точки оказались не точками. При приближении у каждой появлялась форма — мягкая, округлая, не идеальная, но подозрительно похожая на купол или на светящийся навес. Некоторые стояли группами на островах. Некоторые — у подножий гор, почти в лесной зоне, если верить инфракрасному профилю поверхности.

— Это похоже на растения, которые светят, — сказал Флюкс наконец. Голос у него был ровный, но в этом ровном было что-то неприятное. — Похоже на то, что мы бы хотели, чтобы растения делали.

Астра почувствовала, как по спине идёт холодок, хотя температура в отсеке была обычной.

— Если это растения... — начала она.

— ...то это биосфера, которую мы не трогаем, — автоматически закончила Кулуп. Он говорил как человек, который всю жизнь знал, что есть правила безопасности, и они написаны кровью не потому, что красиво звучит. — Вмешательство в сложную биоту — лотерея. Чужая биосфера либо погибает от наших микробов и терраформинга, либо делает наоборот. И тогда погибает мы.

Флюкс переключил канал на высокую чувствительность. Вокруг светящихся пятен был почти ноль “обычных” признаков цивилизации: никаких нитей дорог, никаких равномерных световых ореолов, никаких разлитых городских зон. Ничего. Только эти мягкие световые кластеры, как будто сама планета решила поставить лампы в нескольких местах — и больше нигде.

— Тогда почему это похоже на сельхоз? — спросила Астра. И тут же добавила, уже тише: — И почему оно на островах прохладного океана? Там же... там же должно быть темнее и холоднее.

Кулуп молча ткнул в экран, выводя карту потоков.

— Вторая пара звёзд. Подсветка. И перенос тепла. Там может быть достаточно, — сказал он. — Но даже если “достаточно”, это всё равно... странно.

Флюкс промолчал ещё секунду — и сказал то, что никто из них не хотел произносить первым:

— Это может быть инфраструктура.

Слово повисло в воздухе, как пыль в невесомости.

Астра машинально посмотрела на Сс в навигационном окне — маленький аккуратный мир, где можно строить купола для землян без риска, что чужая пыльца перепишет их иммунитет. И потом снова на Сб, где на ночной стороне светились огни как сигнал, который никто не отправлял, но который почему-то был виден.

— Мы летим строить купола, — сказала она, и в её голосе появилось что-то упрямое. — А кто-то уже строит их там. Или что-то очень на них похожее.

Кулуп откинулся в кресле. На секунду он выглядел усталым — не от работы, а от того, что вселенная снова оказалась сложнее ожиданий.

— Запишем как аномалию, — сказал он сухо. — Снимем по максимуму, без активных сигналов. И дальше по плану.

Флюкс кивнул, но взгляд не оторвал от светящихся пятен.

Планета под ними не просила, чтобы её трогали. Она просто светила там, где по всем человеческим ожиданиям должна была быть тьма. Они молчали ровно столько, сколько нужно, чтобы автоматика успела сохранить снимки и построить ещё один набор гипотез. На экране звёзды уже сдвинулись на долю градуса; Сб уходила в сторону, как будто делала вид, что она тут вообще ни при чём.

Кулуп первым нарушил тишину — не словами, а жестом: выключил на панели “переход к следующей точке маршрута”.

— Это будет стоить нам топлива, — сказал он спокойно. — И времени. И объяснений.

— Это будет стоить нам головы, — ответила Астра. Она говорила так, будто спорила не с Кулупом, а с привычкой. — Если мы пролетим мимо и окажется, что это была цивилизация.

Флюкс глядел на светлые пятна, которые уже не были пятнами: алгоритм улучшения изображения, помеченный как “научный режим”, превратил их в формы, которые слишком часто встречались в человеческой инженерии. Купола. Полусферы. Тепличные оболочки. Сетка.

— Человечество не находило живых цивилизаций, — произнёс он. — Мы находили тишину. Мы находили мёртвые химии, мёртвые поверхности, мёртвые сигналы. И мы научились делать вид, что это нормально.

Кулуп вздохнул. Не как человек, которого убеждают, а как человек, который и сам

понимает.

— Мы не обязаны быть первыми, — сказал он, и эта фраза прозвучала почти как молитва. — И мы не обязаны быть теми, кто всё испортит.

Астра наклонилась к панели, вывела на общий дисплей карту опасностей.

— Мы и не будем всё портить. Второй виток в тишине. Никаких активных радаров, никаких лазерных лидаров, никаких пингов. Только оптика и спектрометры. Мы просто посмотрим ближе.

— И если это цивилизация? — спросил Кулуп.

— Тогда мы впервые за историю делаем то, ради чего вообще летали, — ответила Астра. — Узнаём, что мы не единственные, кто научился строить купола вместо рая.

Флюкс усмехнулся — коротко, почти беззвучно.

— Купола вместо рая — очень человеческая формулировка. Может, у них наоборот: купола — это сад. А рай — это снаружи, где всё живое.

Кулуп постучал пальцем по экрану, делая вычисления. Привычка всегда спасала его от дрожи в голосе.

— Хорошо. Мы можем сделать виток на границе безопасного перицентра, — сказал он. — Возьмём немного ниже, чем планировалось. Пара минут наблюдения на максимальном разрешении. Потом возвращаемся на трассу к Сс.

— По рукам, — сказала Астра слишком быстро, как будто боялась, что сама же передумает.

Флюкс уже вводил коррекцию курса, осторожно, как хирург. Двигатели дали короткий импульс, и корабль едва заметно сменил траекторию. Сб начала расти в окне — не как романтическая планета, а как объект, который неожиданно оказался важнее их будущего строительства.

— Запись на постоянную, — сказал Кулуп. — Всё, что увидим, будет пересматриваться десятилетиями. Если вообще будет кому пересматривать.

Астра посмотрела на него.

— Думаешь, мы не вернёмся?

— Думаю, если это цивилизация, то мы уже не те люди, которые просто летели строить купола на Сс, — ответил он.

Пока они говорили, автоматика подтягивала детализацию. Теперь светящиеся точки на ночной стороне распадались на узоры: цепочки, кластеры, одиночные пузырьки на островах. И самое неприятное — их расположение было слишком разумным. Они

стояли там, где человеку тоже пришло бы в голову строить: в высоких широтах у воды и у подножий склонов, высоко в горах в ветровых седловинах.

— Смотри, — тихо сказал Флюкс.

На общем экране появился контур одного объекта. Камера на длинном фокусе вытащила его из тумана и ночной дымки. Сначала это было просто светлое пятно. Потом — полукруг. Потом — видна стала граница оболочки и тёмный каркас. Потом — рядом второй, меньший, и между ними — тонкая перемычка.

Это уже нельзя было назвать “биолюминесценцией”. Даже геотермия не делала таких ровных линий.

Астра молча прикусила губу. В этот момент она выглядела не как учёная и не как колонистка, а как ребёнок, который впервые понял, что дверь в соседнюю комнату всё время была закрыта не потому, что там пусто.

Кулуп поднял журнал событий, чтобы слова были сухими и внятными.

— Объекты имеют форму куполов. Оболочки однородные. Каркас регулярный. Излучение изнутри, — сказал он. — Искусственные сооружения. Вероятность природного происхождения — близка к нулю.

Флюкс не ответил. Он смотрел на экран так, будто боялся моргнуть: как будто моргание могло вернуть всё на прежнее место, где цивилизаций не было.

Астра выдохнула — и сказала только одно:

— Ну вот.

Корабль скользнул дальше по траектории, и на следующем кадре камера поймала ещё одну группу куполов — уже не один, а целую россыпь, как будто кто-то рассыпал по острову светящиеся семена.

Эта глава в жизни астронавтов закончилась на стоп-кадре: тёмная планета, редкие светящиеся купола, и пустота вокруг — та самая пустота, которая вдруг перестала быть пустотой.

Вспышка пришла как снегопад на Новый Год - никогда такого не было, и вот опять.

Сначала у Флюкса на консоли на долю секунды дрогнуло поле звёзд — будто кто-то шевельнул фон сцены. Потом Кулуп увидел в телеметрии то, что не любят видеть пилоты: лавину одиночных битов, как дождь по стеклу. Астра услышала тонкий, почти неслышный треск в наушнике — не звук, а признак того, что радио упрямо пытается быть радио, когда вся электроника вокруг внезапно стала антенной.

— В, — сказал Кулуп. — Поймали фронт.

На экране спектр прыгнул вверх, словно кто-то подложил под график лом.

Высокоэнергетика. Жёсткий ультрафиолет. Мягкий рентген — достаточно, чтобы выбить ошибками всё, что не спрятано за металлом и алгоритмами коррекции.

— Это не “потеплее лампочка”, — пробормотала Астра. — Это... взрыв.

— Закрывай жалюзи, — бросил Флюкс. — Радиозащита, режим “черепаха”.

В корабле щёлкнули заслонки. Свет в отсеке стал тусклее. Системы ушли в аварийную конфигурацию: минимальный набор живых контуров, максимальная изоляция

всего остального. Нормальный корабль умеет переживать вспышки. Нормальный корабль. А они летели на стройку куполов — с расчётом на спокойный перелёт, а не на то, что красный карлик внезапно напомнит, что звёзды — это не лампочки.

И тут их тряхнуло второй раз — уже не по данным, а физически.

— Потеря ориентации, — сказал Кулуп. — Инерциалка слепнет. Датчики в насыщении.

Флюкс держал ручной контур так, будто это не управление, а переговоры. Корабль пытался держать курс, но курс внезапно стал спорной философской категорией: когда ты не уверен, где вверх, а где вниз, курс — это вопрос веры.

— Мы не выдержим второй фронт, — тихо сказала Астра. — Мы не выдержим — и улетим в неизвестность. Или в Сб.

Слово “Сб” повисло в воздухе. Та самая планета с куполами, которые не должны существовать.

Кулуп глянул на карту траекторий. На Сс они уже не попадали красиво. И вообще — не факт, что попадали куда-нибудь.

— Садимся, — сказал он. — Пока ещё можем выбирать где.

— На Сб?! — у Астры это прозвучало как смесь восторга и ужаса.

— На Сб, — подтвердил Флюкс. — Но не в леса и не в океан. Выбираем камень. Высоко. Холодно. Сухо.

Он увеличил рельеф. На дневной стороне — огромный щитовой вулкан. Не конус, а целая география: пологая гора, которая начинается где-то за горизонтом и заканчивается там, где у тебя заканчивается терпение и кислород. У Олимпа на Марсе уклон смешной — на нём можно заблудиться и не заметить, что ты на горе. Здесь уклон был тоже щитовой и высота — зверская: верхняя часть уходила в область, где уже не ливни режут склоны, а атмосфера начинает вести себя как другой слой мира.

— Не на вершину, — сразу сказал Кулуп, будто отвечая на невысказанный вопрос. — Нам нужен склон. Псевдоплата. Там, где меньше эрозии и меньше биоты. Камень должен быть целый, а не размытый.

Астра быстро прикинула вслух — не потому что сомневалась, а потому что боялась молчания.

— Если у моря тут порядка двух атмосфер... и g около семи десятых... то на... скажем, девяти километрах... у нас будет примерно... — она ткнула пальцем в калькулятор, но Флюкс уже знал порядок.

— Около одной атмосферы, — сказал он. — Плюс-минус. Земной уровень. Посадка будет спокойнее, чем в плотном мокром аду внизу.

— И меньше шанс, что нас сразу накроет чем-то живым и несовместимым, — добавила Астра. Человечество не любило сложные биосферы по очень простой причине: биосфера не просит разрешения.

Корабль вошёл в атмосферу не как героический аппарат, а как больное животное: осторожно, с расчётом на то, что любое резкое движение станет последним. Трение выросло, плазма вокруг корпуса зашипела невидимым огнём. Снаружи не было зрелища — только цифры и короткие команды.

— Держим угол, — сказал Кулуп. — Держим. Держим...

На мгновение показалось, что всё получится.

Потом вспышка догнала их вторым хвостом.

Электроника снова дёрнулась. Одна из вторичных систем связи умерла без пафоса — просто перестала быть. На секунду погасло всё, кроме аварийных огней, и Астра увидела лицо Флюкса в красном свете: сосредоточенное, почти спокойное, но с тем выражением, которое бывает у людей, когда они понимают: “сейчас решит физика”.

— Ручной, — сказал Флюкс. — Всё ручной.

И посадка стала не посадкой, а разговором с горой.

Внизу открылась поверхность: тёмная, вулканическая, местами покрытая тонкими слоями пепла и стекловатой пород. Верхняя часть щита действительно выглядела как плато — не потому что она была ровной, а потому что ландшафт там жил в другом режиме: не реки и оползни, а трещины, лавовые “моря”, старые потоки, застывшие как мускулы.

— Вижу площадку, — сказал Кулуп. — Там. На краю древнего потока. Уклон... терпимый.

Астра сжала подлокотник так, что побелели пальцы. Она поймала себя на нелепой мысли: “если это цивилизация, то это будет смешно — погибнуть в двух минутах от первого контакта”. И тут же другая мысль: “если это цивилизация, то мы как раз сейчас делаем самое человеческое — падаем, но выбираем где”.

Корабль коснулся поверхности с глухим ударом, который отдался в костях. Потом второй удар — шасси или брюхо, кто теперь разберёт. Скольжение. Камень скребёт металл. Пыль, как дым.

И тишина.

Не полная — внутри всё ещё пищало что-то аварийное, где-то шипел стравливающий клапан. Но главная тишина была снаружи: огромный склон, почти местная стратосфера и никакой густой жизни.

Флюкс первым отстегнулся.

— Мы живы, — сказал он. Это звучало не как радость, а как отчёт.

Кулуп смотрел на датчики.

— Примерно... ноль целых девять атмосфер, — произнёс он наконец. — Мы на девяти километрах. Здесь давление почти как на Земле, но кислорода в два раза меньше. Температура воздуха минус пятнадцать.

Астра встала и подошла к иллюминатору.

Снаружи — пологий, бесконечный склон щитового вулкана. Над ним — тёмное небо, слишком тёмное для “дня” по земной привычке. А где-то далеко, за горизонтом, там, где начиналась настоящая биосфера, они уже знали: на ночной стороне светятся купола, которых не должно быть.

Над горизонтом висел громадный багровый диск с пурпурными полосами. Он был слишком большим, чтобы быть звездой. Луна на Земле — монета. А этот диск был как ладонь: градусов семь, шириной в четыре пальца на вытянутой руке. В тринадцать раз шире Луны — и от этого нереальный, будто его нарисовали на небе крупным мазком.

Внутри было тихо так, как бывает только после очень громкого.

Кулуп ещё раз посмотрел на датчики, как будто цифры могли смутиться и стать вежливее.

— Минус пятнадцать, — повторил он. — Ветер... умеренно. Давление... почти Земля. Кислорода мало. Короче: умирать неприятно, но можно не спешить.

Флюкс полез в боковой отсек за лёгкими скафандрами.

Астра взяла свой шлем, покрутила его в руках, нашла на визоре мелкую царапину.

— Это кто-то уже выходил “на неизвестную планету” до нас, — сказала она.

Пока они одевались, корабль тоже занимался своим: редкие шелчки, короткое жужжание, и ещё один “пик”.

Кулуп запустил самопроверку.

— Давление в костюме... норм. Подогрев... работает. Связь... есть. — Он поднял глаза. — Запас кислорода... тоже есть.

Кулуп подошёл к шлюзу и взглянул на индикатор внешнего люка.

— Ладно. План такой: выходим, делаем вид, что мы всё контролируем, — сказал он. — Проверяем грунт, ветер, видимость. Не бежим. Не прыгаем. Не скатываемся как шарики.

Кулуп открыл внутреннюю заслонку шлюза. Там было тесно, как в лифте.

Давление выравнять почти не понадобилось - в корабле тоже было чуть меньше атмосферы.

Снаружи ворвался холодный воздух.

Астра подняла визорный свет на минимум и вышла первой.

Снаружи гудел ветер. Свет Прометея лежал на склоне тёплой полосой, без земной белизны; камень от этого казался не серым, а почти бархатным. Щитовой вулкан

уходил вверх и вниз так плавно, что мозг отказывался принимать масштаб: линия горизонта выглядела близко, хотя на самом деле могла быть в десятках километров.

Она сделала пару шагов и остановилась.

Иногда после посадки на новую планету внутри происходит странная штука: ты перестаёшь быть человеком с задачами и снова становишься существом с глазами. В этот момент даже аварийный шов на корпусе челнока кажется мелочью. Важнее то, что мир — настоящий. И он рядом.

— Красиво... — сказала Астра, не то вслух, не то в шлем.

Кулуп вышел следом, по-деловому оглядел склон, отметил уклон, трещины, возможные осыпи.

— Красивое, — согласился он сухо. — И очень большое. Смотри под ноги.

Астра не ответила. Она уже смотрела.

Сначала ей показалось, что растительность тут просто редкая: тёмные пятна в углублениях, где ветер не так треплет поверхность. Низкая, прижатая к камню, будто сама гора прижала её ладонью. Но потом взгляд поймал кое-что знакомое по учебникам и экспедиционным отчётам — знакомое, и всё же неправдоподобное в

масштабе.

Слабое свечение.

Не откуда-то сверху, не как блики. А изнутри — в самой этой низкой флоре. Мягкие линии, едва заметные переливы, тонкие края листьев и нитей, которые светились так, словно каждый миллиметр биома помнил, что живёт под активной звездой и умеет отвечать на резкие изменения не только химией, но и светом.

— Так вот вы какие, — тихо сказала Астра.

Она присела у ближайшей трещины. Там, в защищённой складке базальта, рос целый ковёр: плотный, разнофактурный, как если бы мхи, травы и грибы решили жить одной коммуналкой и не ссориться. И почти всё — светилося. Не ярко, не “фонарём”. Просто постоянно: чуть-чуть. Как дыхание. Как внутренний пульс.

Флюкс подошёл и наклонился рядом.

Вдруг из трещины вырвалось движение — стая маленьких птичек.

Десятки птиц взметнулись почти вертикально, как если бы их выстрелили из невидимого кармана. Крылья у них были широкие, и в порывах они работали как короткое парусение: птицы ловили окно воздуха, зависали на секунду, потом снова переставляли себя в пространстве быстрыми ударами.

— Ого... — воскликнула Астра.

Они были размером с ладонь. Короткие веерные хвосты мгновенно раскрывались, тормозя, когда поток пытался унести стаю вверх, и тут же складывались обратно. Клювы — длинные и тонкие, как маленькие щупы, чуть изогнутые.

— Интересно, — заметил Флюкс. — Так много мелких — и в таком холоде.

Птицы сделали круг над трещиной, почти не теряя высоты, и вдруг ушли по склону в сторону, где дальше была другая ниша. Стая пересекла гребень и исчезла.

— Они... между тёплыми карманами летают, — сказала Астра.

Астра проводила взглядом линию их полёта — между биомами, которые не соприкасаются, как лес и поле, а разделены ветром и светом. И кто-то всё равно прокладывал между ними коридоры.

Кулуп снял пару кадров на прибор, подождал, пока алгоритмы выровняют сигнал.

— Биолюминесценция у наземных... да, бывает. Но здесь она слишком... развита, — произнёс он и сделал паузу, словно слово “слишком” было для него единственным способом выразить восхищение. — И распределение широкое: не отдельные лампочки, а почти весь покров.

— Значит, это норма, — сказала Астра. — Их обычное состояние. Представляешь, что творится ниже?

Флюкс выпрямился и посмотрел на склон — туда, где внизу, далеко за кривизной и дымкой, начиналась настоящая биосфера.

— Представляю, — сказал он. — И представляю, как это будет выглядеть на отчёте: “вышли проветриться, обнаружили сияющий ковёр жизни, дальше по плану”.

Астра поднялась. Ветер тронул её, как рука — не сильнее, чем надо, но достаточно, чтобы напомнить: здесь ты гость. А свет звезды делал всё вокруг похожим на долгий закат. И на этом закате у её ног мерцала земля.

Она повернулась к челноку — и к далёкому тёмному горизонту, где когда-то, совсем недавно, на ночной стороне они увидели те странные светящиеся купола.

— Если это местная биология так светится... — начала она, и голос у неё стал осторожнее.

Кулуп закончил за неё:

— ...то купола всё равно не объясняются сами собой.

Флюкс добавил, уже с привычной иронией:

— Вопрос в том, кто под ними. Местные? Или такие же туристы, как мы, только чуть раньше приехали и успели построить теплицы?

Астра посмотрела туда, где должна была быть ночная сторона, невидимая с этого места, но уже существующая в её голове как факт.

Там были купола. И теперь — сияющая тундра у них под ногами.

Мир не просто оказался красивым. Он оказался населённым — и странно, аккуратно, по-своему приветливым, как будто не собирался объяснять себя целиком, но был готов показать первые штрихи.

— Давайте запомним это, — сказала Астра.

Кулуп кивнул.

Флюкс тихо хмыкнул:

— Запомним. А потом попробуем не умереть. Тоже неплохая традиция.

И они ещё немного постояли на склоне гигантского щитового вулкана, среди ветра и тёплого света, у края биома, который светился так, как будто считал это самым естественным делом на свете.

Внутри челнока было теплее, но не уютнее. Тепло здесь шло не от дома, а от того, что металл ещё помнил трение и аварийные режимы. Пахло пластиком, сухим воздухом и лёгкой гарью — как после грозы, только гроза была звёздной.

Астра не сняла шлем сразу. Она просто опустилась в кресло у иллюминатора, как будто боялась, что стоит моргнуть — и склон исчезнет. Снаружи всё ещё был тот же странный день: тёплый свет, не похожий на дневной, и огромный, слишком ровный, слишком спокойный рельеф, который отказывался быть горой в привычном смысле.

Горизонт действительно был как на плато. Он уходил чуть вниз, едва заметно, будто планета здесь прогибалась под собственным масштабом. За кромкой — ничего не читалось: ни долин, ни лесов, ни океана. Только лёгкая дымка, которая делала дальнюю линию не резкой, а мягкой, и от этого вся поверхность казалась бесконечной. У Олимпа на Марсе, говорили старые отчёты, можно идти часами и не понимать, что ты на вулкане. Здесь было то же чувство — только сильнее, потому что воздух был живой, а свет не был холодным.

Астра улыбалась, и это было видно даже сквозь усталость: уголки глаз, тот самый “человеческий” жест, когда красота вдруг становится фактом, а не эмоцией.

— Смотри, — сказала она тихо, не отрываясь от иллюминатора.

Кулуп, уже открывший диагностический экран, машинально подошёл ближе. И тоже замолчал на секунду. Ветер снаружи шевелил редкие “карманы” тундры в трещинах лавы, и иногда — совсем незаметно — там проступал тот самый слабый перелив, который снаружи казался почти интимным, как свет в глубине воды.

— В отчёте это придётся назвать “биом”, — сказал Флюкс, снимая перчатки и стряхивая с них пыль. — А по факту это похоже на то, как будто планета не может удержаться и чуть-чуть улыбается в ответ.

Кулуп фыркнул:

— Пиши: “наблюдались слабые эмиссии в видимом диапазоне от наземного покрова”. И никаких улыбок. Нам ещё жить в протоколах.

Флюкс поднял бровь:

— Ты убиваешь поэзию быстрее, чем вспышка убила наш автопилот.

Кулуп не отвлёкся от приборов.

— Поэзия не чинит радиационно-убитые блоки.

Он провёл пальцем по списку ошибок. Часть систем была просто “в оффлайне” — спокойное слово, за которым пряталась неприятная реальность: запасной челнок не рассчитан на то, что его будет целенаправленно трясти рентгеном. И всё же основные контуры держались.

— Жизнь поддерживается. Связь... обрывочная. Двигательная... частично. — Кулуп поднял глаза. — Мы можем сидеть здесь долго. Но не бесконечно.

Флюкс кивнул и переключил тему туда, где она у всех уже жила под кожей:

— Купола.

Астра всё ещё смотрела наружу.

— Они были на ночной стороне, — сказала она, как будто это было заклинание. — И свет у них... совсем другой.

Кулуп повернул экран с сохранёнными снимками так, чтобы Астра могла видеть, не отрываясь от окна. Купола: мягкие полусферы, группами, у воды, на островах, у подножий склонов. Вокруг — тьма.

— Если это местные, — сказал он, — то они уже должны были заметить вспышку и наш вход. Даже если они не видят нас “как мы”, у них точно есть свои способы наблюдать небо. Любая цивилизация следит за небом. Хотя бы потому, что небо иногда бьёт.

Флюкс усмехнулся:

— Или потому, что там летают такие, как мы. И иногда падают.

Астра наконец оторвалась от иллюминатора и повернулась к ним. В её взгляде было что-то светлое и упрямое — не наивное, а почти торжественное.

— Если они увидели, — сказала она, — они сейчас решают, что с нами делать.

— Или уже решили, — вставил Флюкс.

Кулуп поднял палец:

— Два варианта. Первый: это местная цивилизация. Тогда купола — их сельское хозяйство или их... защита. Второй: это не местные. Тогда купола — чей-то форпост. Колония. Наблюдатели. Кто угодно.

Флюкс добавил своим тоном, где ирония была не насмешкой, а способом держаться ровно:

— Третий: это какая-нибудь автоматика, которая осталась без хозяев, и сейчас она вежливо напишет нам “добро пожаловать” и предложит заполнить форму.

Кулуп посмотрел на него так, будто форма — это как раз самое страшное из возможного.

— Даже если нас заметили, — продолжил он, — визит сюда — не мгновенное дело. Мы

высоко. Мы не рядом с теми куполами. И добраться сюда... — он кивнул в сторону иллюминатора, где горный склон уходил в бесконечность, — это не выйти из соседнего квартала.

Астра снова повернулась к окну. Там действительно не было кварталов. Был только мир-склон, мир-плато, мир, в котором горизонт казался краем стола, а за краем — тёплая пустота света и воздуха.

— Но они могут прилететь, — сказала она.

Флюкс пожал плечами:

— Могут. И знаешь, что мне больше всего нравится? Мы впервые в жизни обсуждаем не “а вдруг мы одни”, а “а вдруг нас уже видят”.

Кулуп сухо уточнил:

— Обсуждаем и готовимся.

— А как готовятся к визиту? — спросил Флюкс, всё ещё улыбаясь. — Печеньки? Флаг? Панику?

Астра мягко повернулась к нему:

— Ты будешь смеяться, но, кажется, у нас есть универсальный протокол: сидим тихо, не делаем резких движений, не включаем ничего, что выглядит как оружие, и не ведём себя так, как будто мы хозяева.

Астра снова посмотрела наружу, будто старалась запомнить каждый оттенок этого странного дня. Тёплая звезда висела низко, но не садилась. Свет на склоне был как длинная лента заката, растянутая до бесконечности. Ветер гладил камень. А в трещинах, где жизнь пряталась от потока воздуха, время от времени проступало тихое свечение — как если бы планета осторожно показывала: “я не пустая”.

— Знаете, — добавила она после долгой паузы, и голос у неё стал совсем тихим, — если они придут... я хочу, чтобы они увидели, что мы это тоже видим. Не только купола. А вот это.

Флюкс посмотрел туда же, куда она.

— Тогда постарайся не сказать им “какая у вас красивая тундра”, — заметил он. — А то мы сразу окажемся в роли туристов.

Кулуп, не поднимая глаз от панели, всё-таки позволил себе почти улыбку:

— Мы уже в роли туристов. Просто с аварийной посадкой.

И за иллюминатором, на гигантском склоне, который ощущался как край мира, продолжал лежать тёплый свет, и продолжала едва заметно мерцать жизнь — так

спокойно, будто визиты с неба были для неё частью нормальной истории планеты.

Внутри челнока стало по-домашнему тесно — потому что стенки начали разговаривать с ними скрипом и щелчками о том, что домом они не являются.

Флюкс ещё раз проверил люк, как будто замок мог передумать, и только потом позволил себе расслабить плечи.

— Итак, — сказал он. — Мы сидим на склоне гигантского щитового вулкана рядом с биомом, который светится, а внизу у них... купола. — И у нас есть универсальное правило: сидеть тихо, не дёргаться и не доказывать местной цивилизации, что мы проблема.

— Универсальное правило — это хорошо, — отозвался Кулуп и ткнул пальцем в панель связи. — Проблема в том, что у нас нет универсального корабля.

На табло связи было пусто там, где должна была быть уверенная линейка каналов. Живым оставался один пункт: аварийный маяк. SOS включился сам — в тот момент, когда всё остальное умерло по-деловому, без истерики.

— Он... работает? — спросила Астра.

— Работает, — подтвердил Кулуп. — Но это не «крик в галактику». Это свисток в тумане. Маленькая мощность, маленькая антенна, и мы ещё на склоне. Если нас не начнут искать специально и методично на Сб, нас услышат не скоро.

Флюкс кивнул, как человек, который давно подозревал подобное и всё равно надеялся на чудо, как на инженерную опцию.

— Сколько времени «не скоро»? — спросила Астра.

Кулуп развёл руками.

— От «пара суток» до «никогда», в зависимости от того, как быстро им придёт в голову что мы на Сб.

Флюкс хмыкнул:

— В космосе две неизбежности: радиация и случайность.

— Ладно. Допустим, нас найдут. Продолжал он. И даже живыми доведут. Мы же... — он постучал ладонью по перчатке, где ещё была пыль снаружи, — ...уже нарушили протокол биобезопасности.

Астра рассмеялась:

— Мы нарушили его в момент, когда этот челнок вообще сел в атмосферу живого мира. У нас нет стерилизационных камер. Нет нормального шлюзового контура с обеззараживанием. Мы прошли по поверхности, а потом вернулись сюда в тех же

скафандрах. Всё, что было снаружи, теперь частично внутри.

Кулуп поднял бровь:

— Частично — это ты оптимист.

Астра коротко улыбнулась — нервно, но без паники.

— Значит, карантин.

— Если нас вернут домой, — сухо уточнил Кулуп. — И если «домой» вообще можно, — он помолчал и добавил, будто цитируя учебник, — в нормальных программах отработывали даже риск «обратного заноса». У Аполлона, например, экипажи держали в карантине минимум двадцать один день — просто на всякий случай.

— Двадцать один день? — Флюкс повернулся к нему. — Серьёзно? После Луны?

— Да. Потому что когда у тебя в руках неизвестность, ты либо параноик по расписанию, либо герой посмертно, — ответил Кулуп.

Флюкс задумчиво потер переносицу.

— А у нас неизвестность не лунная. У нас неизвестность с биолюминесцентной тундрой и куполами.

Астра взглянула на наружную камеру — на тёмный склон, на тёплый свет, на редкие пятна «почти-пустой» жизни.

— И всё же, — сказала она, — если они нас заметили, они уже решают, что мы такое. Три ходячих контейнера с чужой микрофлорой, которые ещё и падают с неба. — Планетарная защита — штука простая в теории: не тащи свою жизнь туда, где ищешь чужую. COSPAR именно поэтому и пишет свои правила: чтобы «вперёд» не заразить, и «назад» не привезти.

Флюкс усмехнулся:

— Прекрасно. Мы — наглядная агитлистовка для будущих студентов: «как делать не надо».

— Да, — сказала Астра. — Но раз уж мы агитлистовка, давайте хотя бы будем агитлистовкой умной.

Она вытащила из кармана планшет, который чудом не умер, и открыла раздел «внеземной контакт». Там были документы, которые все проходили на тренажёрах, потом забывали, потому что в жизни они не нужны... пока вдруг не становятся нужны.

— «Если контакт неизбежен», — прочитала она вслух. — «Не провоцировать, не демонстрировать угрозу, избегать активной передачи сигналов без координации...»

Флюкс поднял палец:

— Про «не передавать» — это забавно. На Земле есть целые «пост-детекшн» протоколы: если вы обнаружили разумный сигнал, вы не должны отвечать, пока не будет международных консультаций. Хоть ООН спрашивай.

Кулуп посмотрел на их обгоревшую панель связи и сказал ровно:

— Отлично. Свяжемся с ООН через маяк SOS. Передадим: «Здравствуйте. Мы тут случайно». Попросим вынести решение большинством голосов.

Астра фыркнула — впервые за день по-настоящему:

— Голосование состоится между нами тремя и мхом в трещине.

Флюкс развёл руками:

— Но принцип там здравый: не спеши говорить первым пока не понял кто перед тобой и как вообще устроена ситуация. Проблема в том, что мы уже сказали первым. Мы сказали «БАХ», «СКРЕЕЕЖЕТ МЕТАЛЛ» и «SOS».

Кулуп откинулся назад и, как всегда, попытался превратить страх в список.

— Хорошо. Тогда делаем версию протокола для бедных. Пункт первый: минимизируем вред. Скафандры — не снимаем. Не трогаем их растения. Не тащим ничего снаружи внутрь — хотя поздно, но хуже можно сделать всегда.

Астра встала, уже по-деловому.

— Спускаемся немного ниже: туда, где больше шансов, что нас заметят, но ещё не так много местной биологии. Ставим видимую метку. Оставляем запись: кто мы, что случилось и что мы не хотим вреда.

Флюкс посмотрел на неё с сомнением:

— На каком языке?

— На языке «медленно», — ответила Астра. — И на языке «неопасно». Пиктограммы, схемы. Человечек. Челнок. Молния — вспышка. Стрелка — «нужна помощь». И большой знак «не трогать» на всём, что может быть опасно.

Флюкс сидел на полу, уткнувшись спиной в шкаф с аварийным комплектом, и, не глядя, перебирал пальцами стропу — то ли успокаивался, то ли проверял, что реальность не расползается.

— У нас получится самая странная вывеска во вселенной: «Не пугайтесь, мы тут случайно».

— Мы идём... — Астра поискала слово, — ...быть заметными ровно настолько, насколько

это нужно, чтобы нас не приняли за угрозу или за ловушку. Никаких резких движений. Никаких прожекторов в лицо.

Кулуп добавил:

— Документируем всё. Потому что если мы выживем, это будет пересматриваться десятилетиями. А если не выживем — это будет единственное, что от нас останется, кроме мусора.

На секунду стало тихо. Даже вентиляция будто притормозила, прислушиваясь.

Астра посмотрела на двоих — и сказала, очень просто:

— Они могут быть единственным шансом на спасение. Или единственной причиной, почему нас потом будут стыдить в учебниках. В обоих случаях сидеть тут и ждать «когда-нибудь» — плохая стратегия.

Флюкс медленно кивнул. У него было то выражение, когда человек уже принял решение, а мозг только догоняет.

— Значит, идём на первый контакт.

Астра уточнила:

— Не «идём общаться». Идём создать ситуацию, в которой они могут выбрать общение, если захотят. Это важная разница.

— Согласен, — сказал Кулуп. — Мы — не хозяева. Мы —... — он глянул на потолок челнока, — ...пострадавшие туристы.

Флюкс оживился:

— Я же говорил, что туристическая тема нас догонит. Отлично. Тогда нам нужен туристический жест.

— Какой? — спросил Кулуп.

— Самый древний, — сказал Флюкс и показал пустые ладони. — «У меня ничего нет». И желательно, чтобы это было видно не только человеку, но и существу, которое видит мир иначе.

Кулуп уже копался в настройках внешних огней.

— Мы можем сделать простую световую последовательность на корпусе. Медленную. Сигнал «я тут». — Или сигнал «мы сломались».

Флюкс улыбнулся — устало, но живо:

— Световой маяк на дневной стороне, — это не «знаки дружбы». Это «смотрите, у нас есть лампочка».

— У нас есть лампочка, — отозвалась Астра. — И ещё у нас есть три головы и ноль связи.

Кулуп уткнулся в экран внутренней диагностики. Там было много честных слов: «ошибка», «нет ответа», «отсутствует», «возможное повреждение». Он посмотрел на панели связи так, как смотрят на сломавшуюся чашку: не потому что она дорогая, а потому что она была удобной и внезапно оказалась смертной.

— В радиодиапазоне... — Кулуп поднял глаза, и в голосе у него появилось это неприятное «вспомнил», — ...планета молчала.

Слово «молчала» здесь было особенно обидным. Из космоса они видели эти купола — светящиеся, аккуратные. И при этом — ноль привычного земного хлама: ни широкополосного шума, ни телевизионной каши, ни пляшущих маяков навигации. Тишина.

— Это плохо, — честно сказала Астра.

Кулуп кивнул:

— Это странно. Даже если у них другая культура связи, любое сложное хозяйство обычно фонит. Электродвигатели, преобразователи, системы управления... Ты не можешь построить купол и не оставить ни одной электрической крошки в эфире. Разве что...

— Разве что они закрыты, — закончила Астра.

— Или всё у них на оптике. Или на чём-то ещё, — Кулуп ткнул пальцем в потолок.
— Или атмосфера такая, что наружу не выходит. Или они специально экранируют. Или они... — он запнулся на секунду, — ...умеют быть тише, чем мы.

Флюкс не удержался:

— Тише, чем мы, умеют даже камни. Но камни купола не строят.

Астра уже тянулась к своему планшету. Он лежал на коленях, как старый друг, которого ты спас не из сентиментальности, а потому что он единственный умеет считать. На корпусе была царапина — та самая, которую она поставила ещё в тренировочном отсеке, когда швырнула его на спинку кресла в момент учебной «бури». Спинка у кресла была усилена: на случай настоящих вспышек. И, как выяснилось, на случай настоящей катастрофы.

— Ладно, — сказала она. — Если планета из космоса молчала, это не значит, что внутри она немая. Это значит, что наружу не слышно.

Она щёлкнула экраном, вывела спектральный анализатор.

Планшет чуть подумал — и выдал плоскую картину: шум, шум, шум... и ничего похожего на цивилизацию. Астра сдвинула диапазон, сузила окно, подняла чувствительность.

— Ну давай, — сказала она тихо. — Покажи мне хоть что-нибудь, что не звёздный ветер.

Сначала ничего не было. Потом на краю спектра, там, где прибор уже почти начинал верить собственным фантазиям, появилась тонкая, нерешительная полоска. Её можно было принять за артефакт — за помеху от их же оборудования. Астра выключила всё, что могла выключить, оставив только автономное питание и кислород. Полоска не исчезла.

— Вот, — сказала она, и голос у неё стал другим: без шуток. — Есть.

Кулуп поднялся и подошёл, навис над экраном.

— Слабое... — он прищурился. — Похоже на... фон. Стабильный. Не природный. И не наш.

Флюкс наклонился:

— Почему мы этого не слышали с орбиты?

Кулуп усмехнулся без радости:

— Потому что это не вещание, а шорох. Слишком слабый. Если он распространяется как наземная волна, он может гаснуть на высоте. Плюс ионосфера. Плюс рельеф. Плюс они могут сидеть в экранированных долинах и никогда не включать ничего, что не нужно.

— То есть они не молчат, — сказал Флюкс.

— Они не кричат, — поправил Кулуп. — Большая разница.

Астра ткнула пальцем в экран:

— Они могут не знать радио как связи. Шуметь техникой — не то же самое, что говорить. Как мы в старые времена — когда у тебя есть города, а радио нет.

Кулуп снова сел, только уже на край лавки — как человек, который принял техническую проблему, но не готов принять моральную.

— Значит, контакт по радио — почти ноль.

— А по свету на дневной стороне — смешно, — добавил Флюкс.

Астра помолчала секунду. Потом улыбнулась — той улыбкой, которая появляется у людей, когда они устали бояться и начинают злиться на собственную беспомощность.

— Тогда я буду придумывать контакт сама.

Кулуп посмотрел на неё с тем выражением, которое обычно означает: «пожалуйста, не делай этого, но я понимаю, что ты уже делаешь».

— Ты только не говори, что ты сейчас полезешь наружу с белым флагом.

— Белого флага у нас нет, — сказала Астра. — Есть серый термочехол.

Она открыла шкаф и начала доставать мелочи — без торжественности, будто собирала карман на прогулку. Кусок яркой стропы. Пара запасных застёжек. Маленький зеркальный элемент от ремонтного набора. Сверток изолянта (изоленга — дипломатия любой цивилизации). Пластиковый контейнер с сухим печеньем, которое никто не любил, но оно было «на случай» и поэтому считалось вечным.

— Что ты делаешь? — спросил Флюкс.

— Собираю подарки, — спокойно ответила Астра.

Кулуп замер:

— Подарки?

— Да. Не для того, чтобы подкупить их, — она даже не подняла головы, — а чтобы показать: мы умеем отдавать. И что мы не пришли только брать.

Флюкс посмотрел на контейнер с сухим печеньем.

— А если они съедят это?

— Поэтому печенье не пойдёт.

— Жаль, — сказал Кулуп. — Это был бы первый случай, когда оно принесло пользу.

— Пользу? — переспросил Флюкс.

— Да. Если они его не доедят, значит, разумные.

Флюкс осторожно:

— Инструкции по контакту...

Астра резко подняла глаза:

— Инструкции по контакту писали ботаники.

Кулуп поперхнулся воздухом:

— Ботаники?

— Люди, которые никогда в жизни туземцев не видели, — сказала Астра с таким выражением, будто сейчас будет рассказывать старый анекдот, в котором смешно только потому, что иначе плакать. — Они сидели в конференц-зале, рисовали диаграммы, обсуждали «универсальные жесты», «межкультурную нейтральность», «интерпретационные риски»... и ни разу в жизни не стояли лицом к лицу с кем-то, кто может тебя не понимать вообще.

Астра продолжила — уже мягче:

— Подарок — это двигатель торговли и дипломатии. Да. И ещё это способ сказать: «я признаю тебя субъектом, не объектом». Не «я исследую тебя», а «я вступаю с тобой в обмен». Это важно.

Кулуп тяжело вздохнул:

— А если они воспримут это как угрозу? Как... ловушку?

— Тогда мы выберем подарок, который не может быть угрозой, — сказала Астра. — И оставим его так, чтобы они могли не брать. И чтобы это было ясно: можно подойти, посмотреть, уйти. Никаких «вот вам наш нож». Только вещи, которые не могут навредить даже детям и сами за себя говорят.

Флюкс посмотрел на её набор:

— Изолента говорит о нас слишком много.

— Именно, — сказала Астра. — Скажет им: мы существа, которые всё держат на честном слове и липкой ленте. Это универсально.

Кулуп усмехнулся — впервые за долгое время:

— Ещё оставь им наш чек-лист. Пусть тоже посмеются.

Флюкс тихо добавил:

— Или наши вирусы.

Астра не отмахнулась. Она кивнула:

— Поэтому мы сделаем так, чтобы контакт был максимально бесконтактным. Подарки — это не «подойти ближе». Это «сделать жест на расстоянии».

Кулуп посмотрел на экран с тонкой полоской фонащего сигнала и вдруг сказал:

— Если у них есть связь внутри атмосферы, они могут видеть нас иначе. Не

глазами, а... по нашим помехам. Мы уже шумим. Наши электромоторы, наши преобразователи... мы светимся в радио для них, как фонарь.

Астра показала непонятно откуда взявшееся у неё дамское зеркальце и покрутила его.

— Тогда подарок — это ещё и способ перевести наш шум во что-то понятное. Мы не будем рисовать им числа Фибоначчи на склоне вулкана. Мы сделаем простое: «вот предмет», «вот наши пустые руки», «вот дистанция». Если они захотят — они подойдут. Если нет — мы уйдём.

Флюкс глянул наружу, на склон, на далёкий ровный свет куполов.

— И где ты это оставишь?

Астра подумала.

— На открытом месте. Не у входа, не на тропе и не под носом у того, кто может испугаться. Положим, отойдём, покажем пустые руки. Без торжественного вручения.

Астра достала маркер для технических отметок.

— Я ещё подпишу.

— На каком языке? — спросил Кулуп.

— На языке рисунка, — ответила Астра. — Челнок. Три фигуры. Стрелка к горе — «мы тут». Стрелка вниз — «мы не лезем». И вот это, — она нарисовала в воздухе жест «ладони вверх», — «пустые руки».

Флюкс посмотрел на неё с неожиданной серьёзностью:

— Ты понимаешь, что это может быть единственной дипломатией человечества на много лет?

— Я понимаю, — сказала Астра. — Поэтому я сделаю её... человечной.

Кулуп хмыкнул:

— Человечной? То есть слегка кривой и на изоленге?

— Именно, — улыбнулась Астра. — Чтобы они сразу поняли: мы тоже люди.

Флюкс встал.

— Тогда я с вами.

— И я с вами, — сказал Кулуп. — В неизвестности лучше не оставлять человека одного. Особенно если этот человек — ты.

И они пошли готовиться к первому в истории контакту.

Ещё раз проговорили всё то, что уже успело стать внутренним законом: не лезть на рожон, не делать резких движений, быть заметными ровно настолько, чтобы их не приняли за угрозу.

Подготовка к выходу вышла странно спокойной — как будто паника, не найдя выхода наружу, аккуратно свернулась внутри и превратилась в список. Флюкс собирал всё, что берут на неизвестную планету, когда не знают, чего именно бояться: сапёрную лопатку, верёвку, сухой рацион, фильтры для воды, пробоотборники, гермопакеты, мультитул, плёнку для временной заплатки, маркер и аварийный маяк — такой, который можно поставить на камень, чтобы он не бил в глаза.

— Клаксона у нас случайно нет? — поинтересовался он у Астры.

— Зачем тебе клаксон?

— Громкие звуки издавать.

— У нас есть звуковая пушка, — напомнил Кулуп.

— Оружия не берём, это не наш случай, — строго сказала Астра.

— А если там хищные звери? — возразил Кулуп.

— Кулуп, ты самый страшный хищный зверь. К тому же невкусный.

— Это медицинский факт или личное мнение?

— Я биолог.

— То есть медицинский факт, — подсказал Флюкс и положил в рюкзак ещё один маркер.

— Зачем тебе второй маркер? — спросила Астра.

— Если первый съедят.

— Кто?

— Не знаю. Мы же поэтому берём лопатку.

— Ну а если всё-таки? — не унимался Кулуп.

— Кулуп, ты когда последний раз был на природе? — спросила Астра.

— Меня в экспедицию взяли с горной базы, — гордо сообщил Кулуп. — Я альпинист-любитель.

— Отлично. И когда тебя последний раз пытался съесть хищник?

— Но то Земля, — с искренним непониманием ответил Кулуп.

— А тут Прометей б.

— Ну вот я и говорю.

— Наконец ты созналась, — сказал Флюкс.

— Мы уже привыкли, — добавил Кулуп.

— Тогда зачем тебе пушка, если ты привык? — спросила Астра.

Кулуп помолчал.

— Неизвестное всегда пугает.

— На первый контакт нельзя идти с такими мыслями, Кулуп, — сказал Флюкс. — Даже я это понял. У нас безвыходная ситуация и, кажется, намечается первый в истории человечества контакт с инопланетным разумом, а ты собираешься распугивать неизвестное звуковой пушкой. Это глупо.

— К тому же на Земле ты привычная добыча всех крупных хищников, — добавила Астра. — А здесь твой скафандр не выглядит аппетитно.

— Я добыча?

— Да, Кулуп. Ты добыча. И даже в горах, если ты видел хищника, он, скорее всего, убежал.

— Из опыта, — предположил Кулуп.

— База-то небось модная? В Гималаях?

— Да, модная. Но местность почти как тут, только без люминесценции.

— И когда ты последний раз видел шерпа с ружьём?

— Там охота запрещена лет сто, наверное.

— Ну и какой тогда опыт у хищников, кроме опыта поколений о том, что ты добыча?

— Не знаю, — сказал Кулуп. — А зачем тогда у нас в снаряжении звуковая пушка?

— Уж точно не для первого контакта, Кулуп. И хватит об этом, — подвёл итог Флюкс.

— Давайте лучше собирать подарки, — сказала Астра.

Кулуп посмотрел на неё с надеждой.

— Кроме изоленты у нас есть что-нибудь интересное для инопланетян из того, что нам не очень нужно?

— Мои маркеры сгодятся, — нашёл им применение Флюкс.

— Объекты культурного обмена низкой стратегической ценности, — обобщила Астра.

Она показала на то, что называла “мешком с подарками”, хотя по факту это был мешок с намерениями. Туда пошли прозрачные пластинки — ровные, гибкие, почти невесомые; моток тонкого цветного шнура; несколько керамических шайб с разной фактурой; гладкий кусок теплоизоляционного аэрогеля в защитной сетке; набор магнитных бусин, которые мягко щёлкали друг о друга; маленькое зеркальце с матовой обратной стороной; полоски самосветящейся аварийной ленты, уже наполовину выдохшейся, но всё ещё красивой.

Кулуп добавил складную мерную линейку.

Флюкс, подумав, положил в мешок пустой корпус от датчика — прозрачный, с идеальными внутренними рёбрами, похожий на замёрзший лист.

— Это был дорогой датчик, — сказал Кулуп.

— Теперь это дешёвая скульптура.

Кулуп вздохнул, но не убрал.

Последними пошли простые вещи: маркер Флюкса, несколько гермопакетов, два мягких зажима, моток тонкой плёнки и пластиковая ложка из рациона.

Астра аккуратно уложила всё так, будто собирала не груз, а начало разговора. Ничего не должно было выглядеть как оружие, ловушка или “мы сейчас покажем вам нашу мощь”. Только странные полезные предметы от странных существ, которые очень старались не испортить первое впечатление.

Когда мешок оказался собран, Астра молча протянула его Флюксу. Потому что в их текущей конфигурации Флюкс действительно был самым выносливым и самым ровным в походе: он мог нести больше, не меняя темпа и не теряя внимания.

Флюкс принял мешок без комментариев, словно это был ещё один аккумулятор или катушка кабеля. Вздохнул и, прежде чем открыть внутренний люк к шлюзу, сказал тихо — не пафосно, а так, как говорят люди, когда хотят закрепить реальность:

— Если где-то там, внизу, есть цивилизация, то по протоколам SETI мы вообще не должны отвечать без консультаций с начальством. — Но мир сейчас — это мы трое, этот челнок и этот склон. Значит, будем консультацией сами. И

постараемся не облажаться.

В челноке снова стало слышно, как живёт металл: он остывал после нагрева и разговаривал щёлканьем, будто перечитывал вслух список всех мест, где у него было право треснуть, но он пока держится.

Она уже шагнула к шлюзу — и остановилась.

— И ещё, — сказала она, не оборачиваясь. — Если они выйдут...

Флюкс поднял ладони, как будто уже репетировал:

— Пустые руки.

Кулуп добавил:

— Дистанция.

И вот — люк, ступенька. Первое, что вернулось — почти физическим воспоминанием — это те самые впадины. Теперь они стали чем-то вроде старых знакомых.

Флюкс с мешком подарков на спине выглядел как Дед Мороз. Он выбирал траекторию не самую прямую, зато самую предсказуемую: обходить места с пористой коркой, где могли быть пустоты лавовых труб; держаться чуть выше рыхлых осепей. На щитовом вулкане поверхность помнила много эпох: местами гладкие “реки” застывшей лавы, местами стеклянно-ломкие поля, местами волны базальта, вытянутые в одну сторону, как будто камень когда-то тек медленно и вязко.

Ветер дул низким постоянным гулом; иногда в нём проступали короткие свисты — порыв срезал кромку камня и исчезал. Под ногами скрипела мелкая крошка базальта, и где-то рядом сухо щёлкнул камень, принимая вес. Скафандр отвечал тихими стуками защёлок и шуршанием ткани.

На востоке начиналось утро: звезда А только-только пересекла линию земли и подсветила край горизонта тонким золотом, узкой желтоватой каймой на холодном воздухе. Чуть южнее и выше громадный багрово-розовый, полосатый диск С держался низко и заливал всё вокруг малиновым сиянием; рядом с ним золото А уходило в светло-розовые переливы, словно сказочный пигмент растворили в прозрачной дымке и осторожно размешали.

На западе стояла вторая половина дня: В держалась выше остальных и окрашивала небо в изумрудный тон, глубокий и влажный, как цвет воды в тени, когда смотришь через толстое стекло и видишь толщу. А на севере горел разноцветный пожар полярного сияния: длинные шторы света, зелёные и лиловые, стягивались в узлы и распускались широкими лентами; световые полосы медленно смещались, меняли яркость и форму, следуя незаметному ритму.

Пепельная пыль и пыльца ловили лучи, делали цвета плотными и материальными. Воздух был наполнен цветом, как вода краской: каждое движение головы меняло

оттенки, и границы между ними дрожали, расплывались, снова собирались. Базальт под ногами уходил в тёплую медь, неровности на камне отливали персиком, а дальние гряды переливались зеленью и золотом, как будто их подсвечивали разные разноцветные фонарики. Тени получались мягкими; в них всегда оставался какой-нибудь оттенок, и от этого рельеф казался сказочным, слишком чётким и одновременно мягким, как на тщательно раскрашенной карте.

Астра задержала взгляд на границе этих красок, как на линии берега: там утро встречало день, день встречал закат, и весь окружающий мир казался картой времени, разложенной по сторонам света и по оттенкам. На стекле шлема тонкие царапины вспыхивали и гасли, ловя то золото, то малину, то изумруд; они на мгновение становились заметнее, потом снова исчезали. А внизу, у ног, крошка базальта перекатывалась и звенела сухо и коротко, почти по-домашнему — и от этого огромная, невозможная красота вдруг становилась ближе, как будто её можно было потрогать ладонью.

Через некоторое время впадины с биомом начали встречаться чаще.

Они шли мимо одной длинной трещины, и свечение внутри неё сложилось в ощущение воды. Не потому что там была вода, а потому что человеческий мозг умеет узнавать “глубину” по любым намёкам — и иногда обманывается. На самом деле там был ковёр прижатой к камню флоры, многослойной, живущей в сантиметрах над почвой. Свет делал её похожей на течения.

Астра остановилась на краю и долго смотрела, не наклоняясь ближе. Внутри была просто жизнь, которая, вероятно, люминесценцией разговаривает с какими-то своими опылителями, и не считает важным замечать людей. И от этого становилось философски неловко: люди летают между звёздами и, возможно, точно так же не знают что за ними кто-то наблюдает.

Склон щитового вулкана был огромен и плавен. Горизонт, казалось, не приближался — как будто они шли не по поверхности, а по идее поверхности. Усталость приходила не от перепадов высот, а от масштаба и монотонности уклона. Но каждая светящаяся впадина была как знак препинания: “пауза”, “вставка”, “вот здесь мир сделал карман и положил туда жизнь”.

И в этом, странным образом, появлялось спокойствие.

Они шли дальше — вниз по щитовой горе, в сторону более густого мира, мимо чаш, которые светились изнутри, как если бы планета писала им дорожные заметки на своём языке.

Они шли ещё долго — настолько, что “долго” перестало быть временем и стало состоянием. Склон щитового вулкана тянулся вниз мягко и упрямо, как мысль, которую невозможно закончить. Ветер оставался деловым и сухим, биолюминесцентные впадины — привычными запятыми в сером тексте камня.

А потом текст вдруг сменил шрифт.

Сначала они увидели линию, которой не бывает в природе: дорожка из уложенных плоских камней, как будто кто-то вёл сюда ноги и не хотел, чтобы ноги вязли в пепле. Пара низких подпорок, след от старого водостока. И дальше, в небольшом углублении, где ветер уставал, стоял куполок.

Он был маленький, уютный и почти обидно домашний.

Не похожий на земные купола с их глухим блеском композитов и космической чистотой. Это выглядело как ферма или как высокогорный форпост. Прозрачные секции не зеркалили, а просто пропускали свет. Внутри виднелся огородик.

Они остановились на расстоянии.

Инопланетян не было видно, но место было не заброшено.

Возле купола были признаки привычной посещаемости — не свежая суэта, а спокойная регулярность. Примятая пыль там, где ходят туда-сюда. Камни, сложенные так, что их складывали много раз — и каждый раз возвращали примерно на место. Небольшая площадка, где ставят что-то тяжёлое, мелкие следы ремонта.

Кулуп медленно обвёл взглядом периметр, отмечая углы обзора и возможные точки наблюдения — не потому что ждал засаду, а потому что его мозг всегда искал, откуда на них могут смотреть. Рефлекс старых инструкций: если тебя уже заметили — будь предсказуемым. Если не заметили — не привлекай внимания зря.

Астра смотрела на огородик, и в голове странно стыковались два образа: “внеземная цивилизация” и “стеклянные ящики с растениями”. То, что на Земле было бы милой бытовой деталью, здесь становилось сильнее любого символа. Всё маленькое, всё безопасное, всё без острых углов.

Они постояли молча, как стоят у двери, когда не уверены, что стучать — прилично.

В прозрачных секциях отражался свет, и внутри всё выглядело как жизнь без хозяев на минуту. Как кухня, из которой только что вышли и сейчас вернуться. Чувствовалось, что объект посещается.

И это, пожалуй, было самым тревожным и самым утешительным одновременно.

Потому что дом — это всегда про кого-то. Даже когда никого нет.

Флюкс осторожно снял мешок с подарками и поставил его на камень рядом с собой.

Ветер прошёл по куполу мягко, как рукой по стеклу. Где-то внизу, в очередной впадине, биом мерцал — тихо, ровно, без участия в драме.

И они впервые почувствовали, что встреча может случиться не в момент, когда кто-то выходит из-за угла, а в момент, когда ты признаёшь чужое место чужим — и всё равно остаёшься рядом, потому что выхода нет, и потому что уважение — это тоже форма выживания.

Они обошли куполок широкой дугой, как обходят чужой двор. Рядом со стеклянным огородиком грунт был плотнее, пепел — приглаженной, и в нём попадались мелкие включения гравия, как будто поверхность когда-то специально “подсыпали”, чтобы не размывало и не разносило ветром.

Чуть ниже, за низкой грядой застывшего базальта, в серой пыли проступили параллельные полосы. Сначала их можно было принять за естественные борозды — так иногда выглядит камень, когда по нему долго стекает вода и несёт с собой абразив. Но эти линии держали расстояние слишком ровно и шли как будто по заранее выбранной траектории.

Рельсы.

На деревянных шпалах лежали узкие светло-золотистые полосы — рельсы. Матовые, тёплого медного оттенка. Вся линия — сантиметров тридцать шириной, почти тропинка, только металлическая.

Кулуп присел посмотреть поближе. Профиль рельса был маленький, аккуратный: низкая головка, тонкая шейка, широкая подошва. И спокойный рисунок крепежа — болты в древесину с одинаковым шагом, как счётчик. Всё как у настоящей дороги, только в миниатюре.

С внутренней стороны каждого ходового рельса тянулось что-то похожее на контррельс — при ближайшем рассмотрении это оказался продольный уголок. Его наружная грань, очевидно, работала направляющей для реборды, а внутрь был вывернут козырёк, образуя карман. В кармане, глубже и темнее, угадывалась медная шина — утопленная, защищённая, с узкой щелью под токосъём.

Буквально в нескольких шагах, там, где начинался небольшой уклон, посередине колеи появлялась зацепная лестница — сантиметров восемь шириной.

— Электрифицированная горная микроколейка, — сделал вывод Кулуп.

Кулуп ещё раз оглядел полосу пути — от шпалы к шпале, от болта к болту — и тихо, с тем самым тоном инженера, который уже начал считать в уме, произнёс:

— Это... раз в пять уже наших стандартов... — он запнулся, будто сам себя поймал на привычке преувеличивать. — Ладно. Хорошо. Раза в три. Какого же они роста?

— Гномики. Живут под землёй, на поверхность своей планеты выезжают редко — вот вам и объяснение того странного факта, что признаков инфраструктуры вокруг куполов не было, — то ли в шутку, то ли всерьёз сделал вывод Флюкс.

— Интересно, насколько эти гномики злые, — тем же тоном задал риторический вопрос Кулуп.

Астра неожиданно серьёзно произнесла:

— Это “производственная цивилизация малых габаритов”, а не гномики.

— То есть злые, — подытожил Кулуп. — Малые габариты всегда злые.

Кулуп снова посмотрел на зацепную лестницу, потом на уголок-карман.

— Смотри, — сказал он, уже совсем серьёзно. — Они совместили контррельс и силовой карман в одну деталь. Без излишеств. О чём это может говорить?

— Экономные? — предположила Астра.

— Ты представляешь себе стоимость такой бронзовой “железки”, если предположить, что это примитивная местная цивилизация? — ответил Флюкс.

— Да, “железка” у них золотая. При том видно, что в системе никаких космических аппаратов нет, и вообще конструкция довольно... откровенно говоря... примитивная, — добавил Кулуп.

— Почему примитивная? — спросила Астра.

— Потому что у нас либо подвесной монорельс для туристов, либо тепловоз для грузов. А они, не пойми зачем, тащат силовую шину. Скорость, значит, небольшая, грузоподъёмность — маленькая. Значит, локомотивы у них слабые... или я вообще не понимаю, что это такое, — подвёл итог Кулуп.

— Отсутствие ответа всегда лучше неверного ответа, — философски заметил Флюкс. — Инопланетная железная дорога в дикой местности по конструкции напоминает детский аттракцион, — подытожил он.

— Да, это самое точное описание. И как ты додумался? — с уважением протянул Кулуп.

— Думаю, она и правда уходит в подземный город гномов. Ворота в Морию, наверно, за тем склоном, — сказал Флюкс и, с мешком на спине, прошёл вдоль, глядя, куда линия уходит.

Рельсы спускались по склону не идеально прямо, но уверенно: обходили крупные трещины, пересекали пепельные поля, ныряли под небольшие осыпи и снова выходили. Там, где лава когда-то застыла ребристыми волнами, между ними просматривались подсыпанные полосы — словно кто-то выравнивал путь.

Дальше, метров через двести, рельсы приводили к низкому массивному объёму, притопленному в рельеф. Это был ангар — или что-то вроде склада/гаража. Не огромный, но плотный, с плавным скатом, чтобы не ловить ветер, и с фасадом, который смотрел в сторону пути. Створка была закрыта плотно: кромка уходила в паз, по которому было видно, что её двигают регулярно. Рядом — площадка из утрамбованного грунта, на которой удобно разгружать, разворачивать, ставить что-то на время. Видны следы жизни: примятый пепел в одних и тех же местах, аккуратные тонкие канавки, несколько камней, сложенных так, чтобы служить

упором.

Они остановились на расстоянии.

Куполок позади оставался таким же тихим и обжитым на вид. Ангар — закрытым. Между ними — рельсы.

Кулуп посмотрел на створку и коротко сказал:

— Не трогаем.

Астра кивнула сразу. Любая попытка заглянуть в закрытое — это уже жест, который можно понять только одним способом. А им сейчас важно было оставаться предсказуемыми.

Они вернулись взглядом к линии под ногами. Рельсы уходили вниз — туда, где склон становился менее однотонным. Уже отсюда было видно: ниже больше углублений, больше защищённых карманов, в которых держится светящийся биом. Впадины попадались по обе стороны пути, иногда совсем рядом: переливы на дне, полосы мерцания вдоль трещин, пятна, похожие на разноцветный лишайник.

Флюкс поправил лямку мешка с подарками так, чтобы он не цеплялся за выступы. Кулуп встал на одну из подсыпок между поперечинами, проверил, как держит грунт. Астра ещё раз оглянулась на куполок, как оглядываются на ориентир, который может пригодиться, если придётся возвращаться.

— По рельсам, — сказал Кулуп. — Так найдём хозяев.

И они пошли вниз вдоль колеи: шаг рядом с рельсом, шаг по подсыпке, шаг по плотному пеплу.

Рельсы вели ровно и терпеливо. Иногда шпалы утопали в грунте, и тогда наверху оставался один металл. Иногда выходили на чистый базальт и становилось видно, что головки уже не новые: края чуть притёрты, местами с микросколами.

Пейзаж постепенно менялся. Склон оставался широким и плавным, но в нём всё чаще появлялись защищённые карманы — небольшие амфитеатры, борозды старых потоков, провалы, где ветер терял силу. Биом светился уже не пятнами “где повезло”, а целыми лентами по дну трещин, тонкими островками по краям.

И где-то на этом переходе — когда шаг стал уже автоматическим, когда мысли снова превратились в наблюдение — они увидели вторую “остановку”.

Сначала это был знакомый силуэт: небольшой куполок, слегка “посаженный” в рельеф, чтобы его не продувало. Прозрачные секции — как у теплицы — и рядом тот же мотив: застеклённый огорожок. Но здесь к куполу добавлялось ещё кое-что.

Вокруг были миниатюрные строения.

Маленькие домики — низкие, округлые, как будто их делали для существ невысокого роста или просто для того, чтобы не подставляться ветру. Они стояли группками, не в строгой сетке, а как в детском конструкторе, когда главное — чтобы между ними было удобно бегать. Между домиками шли тропки из уложенных плоских камней. В нескольких местах — низкие бортики, обозначающие границы: не заборы “не заходи”, а бортики “вот тут дорожка, вот тут грядка”.

Рельсы заходили внутрь этого маленького поселения и заканчивались коротким тупиком у площадки.

Астра замедлила шаг первой. Не от страха — от того особого осторожного умиления, которое тоже требует тишины.

Всё здесь выглядело так, будто это место придумали, чтобы никого не пугать.

Ни одного угла, который мог бы поранить. Прозрачные секции в огорожке были чуть матовыми, мягко рассеивающими свет. Дорожки — шириной как для одного взрослого или для двоих детей. Среди серого базальта попадались тёплые, бурые плиты, будто кто-то нарочно приносил их сюда, чтобы место казалось менее каменным.

Чуть в стороне стояло нечто, что она сначала приняла за низкий навес. Потом поняла: это была площадка для чего-то вроде игры или занятий. Плоская поверхность, вокруг — невысокие сиденья-камни одинаковой формы. В центре — два-три вертикальных столбика, тонких, но крепких, с поперечиной. Не турник в земном смысле, но что-то близкое по идее: вещь, на которой проверяют ловкость, баланс, силу хвата. Рядом — дугообразные ограждения, как маршрут для тренировок: пройти, не оступившись; пролезть; перескочить.

Инопланетян не было видно.

Но место не было пустым так, как пустой бывает заброшенный лагерь. Оно было пустым так, как пустует двор в тот час, когда дети ушли внутрь — или когда вся группа на вылазке, а воспитатели закрыли всё и ушли следом. В пепле у дорожек были следы регулярного движения много раз по одним и тем же траекториям. Где-то валялся небольшой гладкий камешек, явно принесённый не ветром: он лежал на бортике, как забытая игрушка. На одной из низких стенок виднелись царапины.

Флюкс остановился и поставил мешок с подарками на землю рядом с собой, аккуратно, чтобы не поднять пыль. Он не сказал ничего, но по тому, как он смотрел на эти маленькие домики, было ясно: он тоже почувствовал смену масштаба. Это место сделали так, чтобы маленькие существа могли оставаться маленькими — и при этом быть в безопасности.

Кулуп, как обычно, начал с практического: отметил, где можно укрыться от ветра, где есть потенциальная вода (или сбор конденсата), где тропы пересекаются. Но даже он говорил тише. Потому что “городок для детишек” — это не просто инфраструктура. Это заявление о том, что у цивилизации есть продолжение.

Они стояли на краю этого места и чувствовали присутствие без присутствующих. Как в комнате, где только что звучал смех, и звук ещё не успел окончательно уйти из воздуха.

Астра посмотрела на огородик: маленькие контейнеры внутри были ухожены, в них были заметны аккуратные границы, порядок, повторяемость. Кто-то приходил, смотрел, поправлял, менял. И уходил.

— Здесь... — начала она и не договорила.

Потому что “здесь дети” — это слишком прямое и слишком человеческое. Но “здесь всё сделано так, чтобы не страшно” — было верно. И этого хватало.

Они не вошли в самый центр. Они просто медленно прошли по краю, вдоль рельсов, вдоль дорожек, стараясь не ломать рисунок следов. И впервые за всё время на этой планете авария на секунду отступила, уступив место чему-то более странному: ощущению, что они оказались не на “чужой базе”, а рядом с чужим домом — маленьким, аккуратным, рассчитанным на тех, кто только учится быть собой.

Они не стали долго кружить по городку. Чувство чужого быта держало их вежливыми и немного неуклюжими: смотри, но не трогай; замечай, но не присваивай. Рельсы здесь заканчивались тупиком у разгрузочной площадки — аккуратно, как заканчивается короткая ветка внутри поселения.

Кулуп прошёл вдоль конца колеи, посмотрел на подсыпку, на упоры, на следы колёс. Потом вернулся на пару десятков метров назад и снова посмотрел.

— Это не магистраль, — сказал он наконец. — Это ответвление. Мы заехали в карман.

Флюкс молча кивнул и перевёл взгляд туда, откуда они пришли. Линия вела сюда слишком удобно, коротко, с тупиком. Так делают подъезды — не дороги вниз по склону.

Астра тоже почувствовала это странное: две похожие остановки подряд, как будто они шли по кольцу. Значит, где-то была развилка — и они её пропустили, потому что смотрели на купола, огородики и всё то, что неожиданно напоминало дом, а не инфраструктуру.

Они развернулись и пошли обратно по рельсам. Шаг стал чуть быстрее — чтобы быстрее вернуться к точке выбора.

Развилка нашлась почти сразу, как только они перестали смотреть вперёд и начали смотреть под ноги.

Там, где склон делал небольшой перегиб и базальт был ребристым, рельсы расходились. Одну ветку — ту, по которой они пришли в городок — слегка подсыпали и выравнивали, она шла мягко в сторону, как подъезд к дому. Вторая

ветка была более путевой: подсыпка шире, поперечины чаще видны, а линия — увереннее, с меньшим числом мелких поправок.

— Здесь, — сказал Кулуп с облегчением.

Они постояли секунду, прикидывая. Вверх — смысла не было. К поселению — они уже сходили. Значит, вниз.

Флюкс подтянул ляжки мешка с подарками, проверил, чтобы ничего не болталось. Астра оглянулась на городок последний раз. Кулуп сделал короткую метку в навигации и встал так, чтобы первой идти именно путевой веткой.

Они пошли вниз по другой линии.

Склон здесь становился разнообразнее. Пепельные поля чередовались с гладкими языками старой лавы, и рельсы то шли по подсыпке, то ложились на камень, то снова исчезали под слоем серой пыли. Впадины с биомом попадались чаще и становились глубже: тень в них держалась дольше, и мерцание выглядело плотнее, как если бы жизнь внизу уже не пряталась по карманам, а начинала занимать территорию всерьёз.

Ветер тоже менялся: он переставал быть просто сухим давлением и становился более живым — с короткими порывами, с запахом, который трудно было назвать запахом, но который всё равно ощущался как присутствие чего-то органического. Мир внизу обещал быть не только камнем.

Микровпуск под шлемом гнал наружный воздух через “нос” скафандра, и шлем выдавал осторожную имитацию: не настоящий запах, а синтетический намёк — больше влаги, чуть “смолистого”, слабая “земля”. Датчики переводили цифры в ощущение, чтобы человек понимал среду быстрее, чем успеет назвать её словами.

Рельсы вели — и теперь уже точно вели не к очередному карману, а дальше, туда, где линия не заканчивается тупиком.

Колея вела их всё ниже, и в какой-то момент пологий щитовой склон закончился — словно планета решила поставить абзац не светом в впадинах, а рельефом.

Перед ними открылся первый действительно крутой участок: край старого потока, где лава когда-то застыла ступенью. Рельсы не обрывались — наоборот, здесь становилось видно, что путь продуман: колея уходила по аккуратной выемке, зигзагом, с подсыпкой на внешней стороне, с каменными бровками, чтобы колёса не сползали. Но пока они стояли наверху, им было проще смотреть не на инженерный ход, а вниз.

Внизу, в защищённой впадине, лежала совсем другая картина.

Это была широкая чаша — участок, куда ветер почти не доставал. Внутри она была темнее по цвету: меньше пепла, больше живого покрова. Низкие кустарнички и плотные дернинки тянулись пятнами, цепляясь за грунт, словно знали, что каждый

сантиметр здесь надо отвоёвывать у камня и сухости. Между ними виднелись светлые прожилки — то ли тропки, то ли просто места, где кто-то много раз проходил.

И по этой зелёной островной карте медленно двигалось стадо.

Пушистики.

Сначала взгляд цеплялся за сам факт движения: тут всё было спокойное, тихое, и вдруг — живые тела, тёплые, неторопливые. Потом мозг, как всегда, начал искать земные категории и, естественно, нашёл сразу все.

Четвероногие. Копытные. С широкими боками и мягкой шерстью, будто кто-то взял овцу, козу, ламу, корову и оленя — и заставил их подписать мирный договор о внешнем виде. У некоторых голова была более “козья”, у других — почти “оленья”, небольшие дуги или утолщения, пригодные для выяснения отношений. Шея у них была короче, чем у лам, но длиннее, чем у овец. Ноги — крепкие; копыта казались узкими и раздвоенными, но при этом умеющими раскрываться — как у животных, привыкших к камню и сыпучим склонам.

Они паслись очень деловито. Одни рвали свежие побеги, другие щипали кустарнички короткими, точными движениями. Иногда одна особь поднимала голову и смотрела по направлению ветра — туда, откуда может прийти опасность. Потом снова опускала морду и продолжала жевать.

— Ну конечно, — тихо сказала Астра, — версия коровы.

Кулуп заметил:

— Животные не прячутся. Значит, их не гоняют постоянно. Значит, это не зона вечного ужаса.

Астра посмотрела на Кулупа так, как смотрят на человека, который всерьёз ждёт, что из каждой тени сейчас вылезет что-то с бюджетом на спецэффекты.

— У тебя, кажется, модель инопланетного разума собрана из самых дорогих ужастиков, — сказала она по радиосвязи, зачем-то шёпотом. — Где всё либо крадётся, либо шипит, либо открывает второй рот внутри первого.

Кулуп чуть поморщился.

— Я просто...

— Ты просто ищешь угрозу в пасти, — перебила Астра и кивнула на ближайшую морду. — Широкая, зубов много, выглядит убедительно. Только это не про разум. Это про диету.

Кулуп снова посмотрел на стадо. Одна особь аккуратно выдёрнула веточку, прожевала и переступила на шаг, не меняя темпа.

— Но если разумное... оно может маскироваться.

— Разумное может всё, — согласилась Астра. — Но оно не обязано быть страшным снаружи. Если бы ты хотел кого-то обмануть, ты бы не начинал с “смотрите, у меня пасть в метр”. Ты бы начал с “я вообще не представляю интереса”.

Кулуп тихо хмыкнул.

— Почему ты решила, что инопланетяне похожи на человека? Может быть, это разумная слизь?

— Потому что их коровы похожи на наших. Слизь, по-твоему, ездит по рельсам и живёт в миниатюрных домиках? — ответила Астра.

— Опасность у разумного в голове и в руках, — продолжала она. — И оно наверняка не страшнее тебя.

Кулуп помолчал.

— То есть инопланетяне будут похожи на нас?

— На тебя, да, — сказала Астра. — Просто с другим набором привычек. И с такими же сомнительными вкусами в кино.

Кулуп фыркнул, но напряжение в плечах чуть отпустило.

Флюкс, который до этого молчал и смотрел не столько на стадо, сколько на то, как стадо занимало пространство, наконец не выдержал.

— Я видел научно-популярный фильм, — сказал он. — Про эволюцию разумного существа. *Neotecton esumenes*. Там как раз доказывали, что разум не обязан выглядеть приятно. Он был похож... — Флюкс поискал слово, — на помесь крокодила, клеща и очень нервного кустореза. Низкий корпус, длинные ноги, передняя часть как комбайн: глаза где-то сверху, рот, шипы, хватательные придатки, всё рядом.

Кулуп оживился.

— Вот! Значит, может быть!

Астра даже не повернула головы. Она продолжала смотреть на пасущихся животных.

— Да, — сказала Астра. — Будто кто-то взял хищного болотного зверя, прикрутил ему манипуляторы к морде и сказал: “Теперь это цивилизация”. Нам это показывали как плохой пример.

Флюкс удивился.

— Почему? Там же была целая эволюционная линия. Предки, среда, отбор,

катастрофа, извержение вулкана...

— Именно, — сказала Астра. — Там была катастрофа. А до неё был крокодил, которому и так везде было хорошо.

Кулуп медленно повернулся к ней.

— Крокодил?

— Условный крокодил, — уточнила Астра. — Не земной. Но логика та же. Стабильное тело, готовая защита, зубы, хватательные штуки, много ног, социальность, норы, пища, охота, падаль, плоды, сезонные маршруты. Прекрасный зверь. Очень успешный. И вот тут сценаристы говорят: потом случилось извержение, стало трудно, и он поумнел.

Флюкс пожал плечами.

— Трудные условия могут подталкивать к разуму.

— Могут, — согласилась Астра. — Если уже есть дорогая нервная система, которой есть что усложнять. Если животное до катастрофы жило так, что ему каждый день приходилось считать мир. Ветки, расстояния, прыжки, добычу, руки, память, партнёров, детёнышей, сигналы. А если оно лежит в своей нише как гаечный ключ в правильном ящике, катастрофа не делает из него философа. Она делает из него мёртвого крокодила или чуть более осторожного крокодила.

Кулуп посмотрел на пасущееся стадо уже внимательнее.

— То есть разум должен быть не ответом на беду?

— Беда может ускорить, — сказала Астра. — Но не объяснить с нуля. Сначала должна быть причина для сложной ЦНС. Не “им стало плохо”, а “они и до этого жили так, что без вычислений нельзя”. У обезьяны это понятно. Деревья, руки, зрение, социальная память. У дельфина — акустическая сцена, группа, движение в объёме. У птиц — полёт, навигация, клюв как инструмент, голос. А у того Neotecton тело всё время кричало: “мне и так нормально”.

Флюкс снова посмотрел на животных.

— А у этих?

— У этих пока версия коровы, — сказала Астра. — И это нормально. Корове не надо быть гением, чтобы быть хорошей коровой.

Одна из местных “коров” в этот момент подняла голову, медленно повернула её к прозрачной стенке купола и несколько секунд смотрела прямо на людей. Потом фыркнула, лениво переступила и снова занялась кустом.

Кулуп сказал:

— Она нас заметила.

— Конечно заметила, — сказала Астра. — У неё глаза есть. Это ещё не значит, что она строит цивилизацию.

— А если строит?

— Тогда она очень хорошо притворяется коровой.

Флюкс тихо усмехнулся.

— Значит, искать разум надо не по страшной морде.

— И не по странной морде, — сказала Астра. — Странность вообще ничего не доказывает. Надо смотреть, где у существа задача, которую нельзя решить пастью, панцирем, копытом или шипом. Где ему приходится помнить, сравнивать, учиться, передавать, манипулировать и договариваться. Где тело не закрывает проблему, а оставляет дыру, которую приходится закрывать мозгом.

Флюкс задумчиво сказал:

— А *Neotecton esumenes* всё-таки жалко. Хорошее название.

— Название хорошее, — согласилась Астра. — Существо тоже могло быть хорошим. Просто авторы почему-то решили, что рук и социальности достаточно для появления разума даже у броненосцев. Сложная социальность есть даже у насекомых, но это не делает каждого муравья маленьким инженером.

— Да, и с руками у муравьёв тоже нормально, — сказал Флюкс. — По крайней мере, если спросить муравья.

Астра кивнула.

— Вот именно. У них хватает конечностей, химической связи, разделения труда и коллективной логики. Но сложная система не равна сложной ЦНС у отдельной особи. Чтобы появился дорогой мозг, телу должна быть нужна не просто жизнь в группе, а постоянная индивидуальная вычислительная работа. Не “я часть муравейника”, а “я сам должен помнить, сравнивать, выбирать, ошибаться, исправляться и учиться быстрее, чем меня съедят”.

Кулуп посмотрел на стадо.

— То есть разум начинается не с рук?

— Руки полезны, — сказала Астра. — Но руки без задачи — это просто красивые хваталки. Нужна среда, где этими руками всё время приходится делать что-то новое. Где нельзя один раз выучить правильное движение и передавать его по инстинкту миллион лет подряд.

Астра почему-то мечтательно подняла взгляд.

— Крона дерева — почти идеальный тренажёр. Ветка не ждёт, пока ты удобно поставишь ногу. Она гнётся, скользит, ломается, закрывает обзор, прячет еду, прячет врага и всё время меняет задачу. Особенно если ты не маленькая белка, а достаточно крупное животное, которому ошибка стоит костей. Там мозг нужен не для философии. Там мозг нужен, чтобы не упасть.

Флюкс медленно кивнул.

— А потом ты слезаешь с дерева.

— Вот, — сказала Астра. — И внезапно у тебя кроме рук почти ничего нет. Нет встроенных пил, нет бронелиста, нет шипов, нет пасти-комбайна, как у некоторых прекрасных кандидатов в разумные монстры. Ты на земле голый, медленный, вкусный и слишком заметный. Зато у тебя уже есть руки, зрение, память, привычка считать пространство и привычка учиться. Вот это — хорошая катастрофа.

Кулуп усмехнулся.

— Слез с дерева и стал разумным от ужаса.

— Нет, — сказала Астра. — Слез с дерева уже с мозгом. А ужас просто объяснил, зачем он теперь нужен ещё больше.

Она помолчала и снова посмотрела на стадо.

— Сначала лестница. Потом кто по ней дополз, тот и разумный. Экология не обязана повторять Землю, но задачи повторяются. Есть пища. Есть опасность. Есть дети. Есть сосед. Есть инструмент. Есть память. Вселенная не настолько оригинальна, как режиссёры.

Кулуп посмотрел на ближайшее животное, которое снова очень деловито выдёргивало побеги из земли.

— Эта пока не доползла.

— Эта вообще никуда не спешит, — сказала Астра. — И, возможно, именно поэтому проживёт дольше всех нас.

Рельсы вели прямо мимо края впадины — по верхней кромке, где грунт был твёрже и безопаснее для пути. И люди пошли по ним дальше.

Они двигались тихо, не ускоряясь и не делая резких жестов. Стадо заметило их — это чувствовалось по тому, как одновременно несколько голов поднялись, как у пары животных хвосты дёрнулось, как плотнее собрались те, кто был ближе к тропке. Но паники не было. Пушистики скорее “переоценили расстояние” и решили, что пока можно не тратить силы.

Один особенно любопытный экземпляр подошёл ближе к краю зелёного пятна, вытянул шею, пожевал что-то, не сводя с них глаз. Его шерсть была такой густой, что по краям силуэт казался слегка размытым — будто вокруг тела есть собственная мягкая атмосфера. Он чихнул — коротко, по-деловому — и снова принялся жевать.

Люди прошли мимо, вдоль колеи, на каменной бровке над чашей. Под ними, в защищённой от ветра впадине, продолжалась чужая повседневность: кустарники, жвачка, медленные шаги, тёплые спины. Это выглядело почти смешно и почти трогательно — как если бы планета специально показала им: “да, тут есть жизнь, которая умеет быть домашней”.

И рельсы уходили дальше вниз, туда, где зелёных пятен, по всей видимости, будет больше.

Рельсы подошли к уступу, и дальше линия пошла вниз сериями длинных поворотов. Серпантин. Путь не режет склон напрямую: он ложится по полкам, берёт дугу, снова дугу, и каждый раз уводит ниже, открывая новый кусок горы.

Под колеёй — полоса подсыпки, плотная, тёмная, местами с мелким щебнем. По внешней стороне поворотов тянется низкая каменная бровка: то непрерывная, то отдельными блоками. В местах, где склон ломкий, рельсы прижаты к более старому базальту: там поверхность гладкая, волнистая, с длинными “струями” застывшего камня. Пепел лежит в складках и трещинах, подчёркивает рёбра, делает рельеф читаемым как гравюру.

Воздух прозрачный. Ветер есть — не тонкая “тишина”, а настоящий поток: слышно в микрофонах, как он меняется на кромках. На открытой полке — ровный шум, на повороте у стены — короткий свист, под уступом — глухое шуршание по пеплу. Порывы иногда толкают в плечо, и ремни на мешке у Флюкса чуть натягиваются, как струны.

В шлеме всё близко: дыхание, мягкий шум вентиляции, редкие щелчки клапанов. Когда они ускоряются на спуске, звук дыхания становится плотнее и ровнее, без надрыва. На резких наклонах в суставах скафандра появляется тонкое подвывание сервоприводов — короткое, рабочее.

Первый поворот — и вниз открывается широкая чаша. Там цвет другой: меньше серого пепла, больше тёмных пятен растительности. На этом фоне движутся светлые точки. Стадо пушистиков внизу — уже далеко. Они не различаются по отдельности, только движение: точки смещаются, иногда замирают, иногда собираются плотнее у края кустарников.

Второй поворот — и чаша уходит из поля зрения. Впереди появляется даль: несколько гряд одна за другой. Ближние — тёмные, резкие, со ступенями и уступами. Дальние — мягче по тону, уходят в синевато-серый, как будто их слегка протёрли пылью. Свет ложится полосами: на одних участках рёбра лавы выделены резко, на других поверхность выглядит почти ровной, матовой.

Серпантин проходит у разреза. Узкая трещина уходит вниз, дно в тени. В одной такой трещине тень не пустая: по самому низу тянется тонкая светящаяся линия. Свет ровный, не вспышками. В нескольких местах внизу видны отдельные пятна — как будто свет собирается в карманы.

Следующая полка — и рядом с рельсами появляется впадина. Она неглубокая, но защищённая. Внутри темнее, грунт выглядит плотнее, кустарнички гуще. По краю — тонкая кайма мерцания, больше заметная там, где камень почти чёрный.

Дальше серпантин уходит ниже, и с каждым поворотом меняется угол обзора. В одном месте справа — стена старого потока, пузырчатый камень, крупная фактура, пустоты, тонкие слои другого оттенка. В другом месте слева — длинная лавовая полка, как застывшая волна, и на ней пепел лежит тонкими полосами, как налёт.

Где-то впереди внизу в воздухе появляются точки. Две. Потом ещё одна. Они держатся на одном и том же месте относительно уступа, не падают, не уходят сразу в сторону. Потом одна точка делает широкую дугу — и становится видно: птица. Крылья расправлены, движения почти нет. Она идёт по кругу, набирает высоту, смещается, снова по кругу.

Через пару поворотов птиц уже несколько. Они висят над разными “ступенями” серпантина. Где стена прогрета солнцем — их больше. В тени — меньше. Одна проходит ближе: появляется из-за уступа, пересекает полку, на секунду её тень ложится на пепел рядом с рельсами — быстрая, чёткая — и тут же уходит вниз, за следующую дугу.

Ниже, в боковых ложбинах, пятна растительности становятся шире. Там, где рельеф собирает грунт, цвет темнее. Там, где пепел свежее, поверхность светлее, почти серебристая. Иногда на камне мелькают тонкие блестящие прожилки — как стекловатые полосы в старой лаве.

Серпантин продолжается. Рельсы держат ритм: дуга — полка — дуга. Гора перелистывается поворотами, и впереди в воздухе всё время остаются птицы, которые крутятся на потоках, как чёрные отметки в прозрачной глубине.

Остановка открылась не вдруг, а как продолжение привычного рисунка: рельсы, выведенные по полке, завернули — и вывели их на ровную площадку, утрамбованную так аккуратно, что пепел лежал на ней тонким, послушным слоем. По краям площадки шла низкая кладка из тёмных камней; не ограда, не стена — просто линия, удерживающая форму, как бортик у сада.

Домики стояли близко друг к другу, малые, округлые, с мягкими очертаниями. На стенах — матовые прозрачные секции, похожие на окна теплицы. Между домиками — дорожки из плоских плит; они были уложены так ровно, что шаг по ним почти не поднимал пыли. Рельсы проходили через этот крошечный квартал и заканчивались коротким тупиком у площадки разгрузки.

Рядом с колеей стояла скамья. Длинная, простая, с прямой спинкой и ровным сиденьем — вещь, сделанная не “случайно”, а так, чтобы на ней ждали.

Людей не было видно. И всё же место не выглядело пустынным.

Прямо между домиками паслись пушистики. Они двигались медленно и уверенно, как животные, которым здесь привычно и спокойно. Один стоял у угла домика, подбирая мягкие листья с низкого кустарничка; другой прошёл по плитам дорожки так, будто дорожка принадлежит ему; третий остановился у самой колеи, поднял голову и долго смотрел, пережёвывая — без тревоги, но с вниманием.

Астра дошла до скамьи, сняла с плеч ремень и села, как садятся не ради отдыха, а ради возвращения к себе.

— Я устала, — сказала она просто.

Флюкс, не споря с этим, аккуратно поставил мешок с подарками рядом со скамьёй, так, чтобы он не задевал рельсы и не лежал на дорожке. Кулуп, по привычке осмотрев площадку и тупик колеи, сел тоже, немного в стороне — словно оставлял между ними и домиками необходимый зазор приличия.

Пушистик у рельс снова поднял голову и поглядел на людей так долго, будто пытался решить, считаются ли они частью ландшафта. Потом решил, что считать не стоит, и снова принялся за кусты.

Астра, глядя на эту мирную картину — домики, плитки дорожек, трава, жвачка, — произнесла, почти шёпотом, не то шутя, не то устав удивляться:

— Может, это и есть инопланетяне?

Слова повисли мягко; их не поддержал ни смех, ни ответ. Площадка была ровная и светлая, ветер ходил по ней осторожно, и единственным движением оставались пушистики.

Потом сверху легла тень.

Следом пришёл звук: густое, многоголосое жужжание, в котором угадывался ритм парных винтов. Нота дрожала, как будто её играли сразу шестью руками, и каждая пара чуть сдвигала тембр.

Из-за ребра склона выплыл дирижабль. Серо-матовый, как огромная рыба-пузырь, с мягко провисшим «животом» оболочки и крошечной гондолой снизу. Он шёл почти бесшумно — только шуршал вертикальными винтами: по два сдвоенных на борт, и такими же парами маршевых по бокам, которые время от времени лениво подруливали, помогая плавникам направления.

У земли он на секунду завис над площадкой, чуть в стороне от колеи, дыхнул вниз воздухом из канальных трастеров — и опустился совсем мягко.

На корме аппарата откинулась дверь. Панель плавно сошла вниз и застыла, превращаясь в наклонный трап. Внутренняя сторона двери была гладкой — по ней

можно было что-то закатить колёсное.

В проходе стояла инопланетянка.

Невысокая — чуть больше метра. Лицо было удивительно близко к человеческому и вместе с тем сразу не-совпадало в мелочах: маленький нос, маленькие губы, небольшой подбородок; широкая переносица придавала взгляду особую цельность, будто лицо собрано вокруг глаз. Глаза были большие, как у совы.

Волосы опускались до земли густым водопадом, тяжёлые, как плащ. По цвету они были не однотонные — лавандово-светлорозовые, с такой фактурой, что создавали неуловимое впечатление птичьего оперения. В этой массе прятался объём, и пряди шевелились от каждого дыхания воздуха. На самой макушке из волос выглядывали две штуки, размером с ноготь, — то ли украшения, то ли устройства, похожие на глаза очень большой креветки. Они едва заметно шевелились, словно пробуя направление ветра.

По бокам головы вперёд смотрели пушистые ушки с круглыми дисками в середине.

Сзади стоял трубой гигантский пушистый хвост, от его объёма фигура казалась ещё более сказочной.

Одежда как вязаная, плотная, с узором. На ногах — мягкие носки без ботинок; она стояла легко, бесшумно.

Стояла и смотрела.

И люди смотрели на неё.

Скафандры, вся их громоздкая геометрия, внезапно стали выглядеть не защитой, а неловким недоразумением: как будто трое людей пришли на чужой порог в слишком больших доспехах. Флюкс замер рядом с мешком подарков. Кулуп не двигался вовсе. Астра сидела на скамье, и эта простая человеческая поза среди чужих домиков казалась страннее всего — как если бы устанешь настолько, что даже первый контакт превращается в привал.

Пушистики между домиками продолжали жевать.

И тогда люди сделали единственное, что сумели придумать без слов: они стали махать руками.

Медленно, широко, вежливо — каждый по-своему, но одинаково неуклюже. Не жестом команды и не угрозой, а тем древним движением, которое на Земле означает: “я вижу тебя” и “я не хочу дурного”.

Инопланетянка стояла на трапе.

Не двигаясь.

А между домиками паслись пушистики, и их спокойная жвачка делала эту сцену ещё более странной: величественной и смешной одновременно — как всякая встреча, когда два мира смотрят друг на друга в первый раз.

Инопланетянка стояла на трапе, неподвижная, как если бы сама была частью механизма: не жестом, а присутствием. Дирижабль рядом тихо гудел и время от времени выпускал короткую белёсую струйку дыма — аккуратно, почти стесняясь.

Флюкс, Астра и Кулуп ещё несколько секунд махали руками, пока не поняли, что махание — вещь бесконечная: можно махать до конца эпохи, но от этого смысл не прибавится. Руки опустились. Наступила пауза, в которой слышно было только мягкое жужжание винтов и спокойное, неторопливое жевание пушистиков между домиками.

И тогда инопланетянка издала звук.

Он был не громкий, но чистый, с двумя нотами и лёгкой паузой между ними — так, что человеческий мозг мгновенно, без спроса, распознал знакомое: кукушка. Не “похожее”, а именно то самое ощущение из детства: как будто лес вдруг сказал “ку-ку” и замолчал, ожидая ответа.

Флюкс не оглянулся ни на кого. Он просто поднял голову, чуть сильнее выпрямился, как перед прыжком, и ответил сразу — уверенно, почти с облегчением:

— Ку!

Слово прозвучало в шлемном динамике смешно и слишком просто — словно он случайно выбрал пароль для входа в чужую цивилизацию. Астра рядом, кажется, на секунду перестала дышать — не потому что боялась, а потому что мозг пытался успеть за происходящим: “мы сейчас правда разговариваем через кукушку?”

Инопланетянка не изменила позы. Только глаза — большие, спокойные — оставались на них так же неподвижно, как и всё остальное.

И она снова:

— Ку-у.

Пауза. Ещё одна нота, чуть выше. Потом короткая трель — не человеческая, птица бы сказала “правильная”.

Флюкс, не моргнув, продолжил диалог на единственном доступном ему языке:

— Ку. Ку-ку.

Он произнёс это осторожно, как будто интонация могла заменить грамматику. Первый “ку” — ровный, спокойный: “мы здесь”. Второй — чуть мягче и длиннее, с едва заметным подъёмом в конце: “мы не враги”. А потом он добавил ещё одно “ку”, короче, с лёгкой паузой перед ним — так, как зовут не на драку, а на

внимание.

Инопланетянка ответила цепочкой звуков, уже не только “ку”: короткие свисты, как у горных птиц на ветру; один низкий, почти мурлыкающий тон; и снова “ку”, но теперь оно было не вопросом, а как будто отметкой в конце фразы.

Флюкс слушал, как слушают незнакомый музыкальный инструмент. Потом повторил — не копируя точно, а делая человеческую версию: “ку... ку-ку... ку”. Он старался вложить туда всё, что у них сейчас было вместо дипломатии: “мы астронавты”; “мы дружелюбные”; “мы немного заблудились”; “мы отбились от каравана”; “мы не хотим ничего ломать”.

Он даже слегка повернул голову к рельсам, потом назад к ней — и повторил “ку-ку” с таким выраженным, почти театральным “домой-вернуться” в конце, что это выглядело как пантомима в звуке.

Кулуп, сидящий рядом, молчал так строго, будто боялся нарушить хрупкую конструкцию этого разговора одним лишним воздухом. Астра смотрела то на инопланетянку, то на Флюкса — и в её взгляде было то самое чувство, когда разум понимает абсурдность происходящего, но всё равно выбирает: пусть лучше будет кукушка, чем тишина.

Пушистики продолжали пастись. Один подошёл к самой скамье, вынюхал край плиты, чихнул и отошёл, даже не удостоив их своего мнения.

Инопланетянка снова выдала короткую птичью фразу — теперь чуть быстрее, с явным повтором, словно она проверяла, удержат ли люди ритм.

Флюкс не подвёл.

— Ку. Ку-ку. Ку.

Он произнёс это уже мягче, почти дружелюбно, и в последнем “ку” сделал такую интонацию, какой говорят “мы хорошие, правда”.

И так они стояли — она на трапе, неподвижная и прекрасная, он у скамьи, в тяжёлом скафандре, разговаривающий кукушкой с горной цивилизацией — и внезапно это выглядело не смешным, а естественным: как первые слова, которые всегда проще любых правильных слов.

Инопланетянка выслушала последнее “ку” так же неподвижно, как и первое — словно фиксировала не звук, а намерение. Потом, наконец, сделала движение.

Она повернулась — не резко, не нервно, а как-то цельно, будто всё её тело было одним жестом. И тут в этом совершенстве случилось смешное: её походка оказалась странной, чуть подпрыгивающей, с короткими быстрыми шагами, как у гусыни, которая решила срочно уйти с площади, но при этом сохранить достоинство. Хвост за ней шёл отдельно — тяжёлой пушистой волной, волосы до земли чуть цеплялись за трап и отрывались от него, как вода от камня.

Она почти бегом скрылась внутри аппарата.

Трап поднялся. Панель встала на место, без хлопка — мягко, плотно. Винты набрали обороты. Жужжание стало гуще, полнее. Аппарат приподнялся над площадкой, завис на мгновение — ровно над тем местом, где только что стояла сказка в вязаной одежде, — и ушёл вверх и в сторону, плавно, уверенно.

И всё.

Пушистики продолжали пастись между домиками, как ни в чём не бывало. Ветер продолжал ходить по плитам. Рельсы лежали на месте. Только небо теперь казалось пустым, потому что несколько секунд назад в нём был смысл.

Люди сидели на скамейке и молчали.

Ошарашенные — не от страха, а от того, как быстро всё произошло: появилась, посмотрела, “кукнула”, улетела. Момент, который в учебниках занимает главы, в жизни занял несколько минут.

Астра первой нашла слова — и, как всегда, это были слова, которые спасают от торжественности.

— Это кто вообще был? — спросила она и сама удивилась, что у неё голос нормальный. — Кукушка из сказки?

Кулуп медленно повернул голову туда, где ещё дрожала в воздухе тень от винтов, и сказал почти официально, как будто составлял акт:

— Птица. Кошка. И... вот это всё.

Астра, не отрывая взгляда от точки в небе, где аппарат скрылся за ребром склона, произнесла:

— Птицекошка-няшка.

Слово прозвучало настолько нелепо, что оно стало единственным возможным.

— Няшка, — подхватил Кулуп неожиданно быстро, как будто ему понравилось, что термин краткий и не требует дальнейших уточнений.

— Няшка, — подтвердил Флюкс, уже увереннее, будто ставил печать.

Астра посмотрела на мешок с подарками, стоящий у скамьи, потом снова туда, куда улетел дирижабль, и у неё наконец прорвался смех — лёгкий, почти облегчённый.

— Я даже подарки не успела вручить, — сказала она. — Няшка улетела.

Флюкс выпрямился так торжественно, будто перед ним был не пустой воздух, а

камера отчётности.

— Контакт установлен, — объявил он. — Инопланетяне сообщили, что называются... кукушканышками.

Астра вытерла смех ладонью по визору — жест бессмысленный, но очень человеческий.

— Таких я вообще не боюсь, — сказала она. — Это просто няшки.

Кулуп кивнул, как начальник экспедиции, который готов поставить штамп на первом рабочем термине.

— Записываем, — произнёс он сухо и удовлетворённо. — Просто “няшки”.

Астра посмотрела на них и сказала тихо, будто себе: — Неотения — не про нашу безопасность. Это про их долгое детство. Вероятно, их мозг вырос раньше остального тела.

Они снова замолчали.

Сидели на аккуратной скамейке возле рельс, среди пустых домиков и пасущихся пушистиков, и смотрели в ту точку, где исчез дирижабль. Будто если смотреть достаточно долго, он вернётся — или хотя бы вернётся ощущение, что всё это им не привиделось.

— Ты всегда так с инопланетянами разговариваешь? — спросила Астра, не отрывая взгляда от той точки в небе, где дирижабль исчез за ребром склона.

Флюкс сидел неподвижно, ладони на коленях, как будто боялся сдвинуть воздух и тем самым разрушить факт произошедшего. Потом сказал негромко, почти буднично — и от этого ещё страннее:

— Нет. Просто вспомнил древний фильм.

Кулуп повернул голову, но ничего не сказал.

— Там, — продолжил Флюкс, — инопланетяне тоже прилетели на пепелаце. И тоже говорили “ку”. Прямо так. “Ку”.

Астра моргнула. В шлеме это ощущалось как маленькая пауза в реальности.

— Подожди, — сказала она. — Так это... пепелац называется?

Флюкс не ответил сразу. Кулуп тоже. Вообще никто не ответил.

Пушистик рядом с домиком дёрнул ухом и продолжил жевать. Винтов уже не было слышно. Ветер ходил по площадке ровно и спокойно, как ходил до них, до дирижабля, до “ку”.

И у них у всех внезапно появилось какое-то странное ощущение — не страх и не смех, а тихая, густая неловкость, будто они только что случайно угадали слово из чужого языка, не имея на это никаких прав.

Астра посмотрела на мешок с подарками у скамьи. Потом снова туда, в небо. И промолчала — впервые за долгое время не потому что “нечего сказать”, а потому что любое слово казалось лишним.

Серпантин перестал быть “дорогой с видами” и стал работой.

Склон здесь был крутой настолько, что рельсы не столько огибали гору, сколько врезались в неё — длинными дугами, короткими прямыми, снова дугами. Подсыпка на полках была плотная и тёмная, местами её держали каменные бровки, местами — отдельные блоки, вставленные в склон как клинья. Шаги пошли быстрее сами собой: вниз легче, но тело требовало внимания, чтобы не разогнаться до глупости.

Появились туннели.

Сначала один — короткий, врезанный в старый поток. Вход низкий, но аккуратный: кромка обложена камнем, потолок сглажен, чтобы не цепляться. Внутри сразу менялся звук: ветер снаружи стихал, и оставалось только дыхание в наушниках и сухой шорох подошв по грунту. Стены были тёмные, с прожилками и пузырчатой фактурой; кое-где по ним шли тонкие полосы конденсата или просто влажного налёта — будто камень внутри держал своё маленькое микроклиматическое “внутри”.

Потом второй. Третий. Четвёртый.

Некоторые туннели были длиннее, с лёгким изгибом, как если бы их вели по самой крепкой линии породы. В нескольких местах земляне едва проходили в полный рост: шлем почти касался потолка, приходилось держать голову строго прямо, а плечи — чуть уже, чем хочется. На выходах снова бил ветер, и свет становился резче, как после комнаты на улицу.

Местность пролетала поворотами. Рельсы иногда шли по виадукам — коротким перемычкам над разрезами; иногда уходили в выемки, где склон нависал над путём. Пара раз они видели ниже боковые карманы с растительностью, но времени на созерцание уже не было: здесь география требовала темпа.

И вдруг — после очередного туннеля — пространство раскрылось.

Они вышли на новую полку, широкую, выровненную, и первое, что бросилось в глаза, были не домики и не купола, а рельсы.

Много рельс.

Целая маленькая сортировочная станция: несколько параллельных путей, стрелки, расходящиеся веером, тупики с упорами, площадки для разгрузки. Подсыпка здесь была особенно плотной, местами укреплённой плитами. Между путями тянулись узкие

дорожки. В нескольких точках стояли низкие “будки” или навесы — без украшений, чистая функция.

Никого не было видно. Но станция выглядела не заброшенной. Она выглядела как место, где просто сейчас тихо. Пепел на дорожках лежал не равномерно: кое-где он был сметён, кое-где примят, кое-где сдвинут так, будто здесь ходят часто и по одному и тому же. На стрелках металл был притёрт — следы работы, не коррозии.

Они остановились на краю и несколько секунд просто смотрели, будто пытались понять, куда именно они пришли: вниз по одному пути — и вдруг перед тобой целая сеть.

— Это уже серьёзно, — сказал Кулуп, и это было не восхищение, а факт.

Астра молча кивнула. Флюкс переставил ремень мешка с подарками, чтобы он не мешал на узких проходах между путями.

Решение исследовать станцию пришло почти без обсуждения. Может быть, потому что дорога вниз была слишком резкая и напряжённая, и мозгу хотелось “точки”, где можно остановиться. Может быть, потому что количество путей само по себе внушало странную уверенность: раз есть станция, значит, здесь бывает кто-то. Часто. Регулярно.

Они пошли вдоль путей, осторожно переступая через поперечины, обходя стрелки, не наступая на то, что явно является механизмом. В одном месте стояла небольшая тележка — не новая, но исправная на вид, с простым упором и боковинами. В другом — ящик с крышкой, закрытый, но не запёртый “на намертво”: просто закрытый.

Потом они увидели помещение.

Небольшой домик, притопленный в склон рядом с основными путями. Дверь — простая, плотная, с матовой вставкой. Рядом — площадка из плит. И самое странное: от двери шёл едва заметный тёплый след на камне, как будто внутри действительно было тепло.

Они почему-то осмелели.

Это произошло не как героизм, а как накопление мелочей: два пустых “детских” городка, мирные пушистики, дирижабль, кукушка, слово “няшка”, смешная гусиная походка. Всё это вместе сделало их чуть менее каменными внутри.

Кулуп подошёл к двери, остановился, посмотрел на остальных. Флюкс держал мешок на спине и стоял ровно. Астра не сказала “не надо”. Она просто молчала — а её молчание в этой группе всегда означало: “мы всё равно сделаем”.

Кулуп коснулся двери. Она поддалась.

Дверь открылась внутрь — тихо, без скрипа, без сопротивления. И изнутри

действительно потянуло теплом: не жаром, а мягким, печным, как в комнате, где топили недавно и не спешат выпускать тепло наружу.

Внутри было мало света. Но достаточно, чтобы увидеть главное.

Печь.

Низкая, округлая, с плоской верхней поверхностью. На ней лежала — как на самой естественной в мире лежанке — такая же няшка.

Она лежала спокойно, вытянувшись, как лежат в тепле: не напряжённо и не настороженно. Волосы растекались по печи тяжёлым ковром. Хвост лежал сбоку мягкой дугой. Глаза были открыты.

Она молча посмотрела на них.

Земляне замерли. Не потому что не знали, что делать, а потому что любое движение казалось неуместным. Они стояли в дверном проёме, три больших скафандра в маленькой тёплой комнате, и внезапно было ясно: это не “станция”, не “инфраструктура”. Это чьё-то место отдыха.

Астра первой нашла действие, которое хоть как-то подходило.

Она чуть наклонила голову — неловко, в шлеме, но явно — и сказала:

— Простите.

Флюкс сказал вслед за ней:

— Извините.

Кулуп — совсем официально:

— Прошу прощения.

И они закрыли дверь.

Тихо. Аккуратно. Без хлопка. Так, будто дверь закрывает не комнату, а чужую жизнь.

Снаружи ветер снова стал слышен. Рельсы лежали веером, стрелки молчали, пустые пути уходили в разные стороны. Станция выглядела так же, как минуту назад — только теперь всё было другим, потому что внутри одного из домиков на печи лежала няшка и смотрела.

Они отошли на несколько шагов и остановились.

Астра выдохнула в микрофон так, что это прозвучало почти как смех, только без веселья.

— Это... — сказала она, — самый дурацкий контакт во вселенной.

Флюкс не спорил. Он смотрел на дверь, будто ожидал, что оттуда сейчас выйдут, скажут “ку” и выдадут им инструкцию по эксплуатации межзвёздной дипломатии.

Кулуп сказал тихо:

— Мы только что... вошли в дом. И извинились.

Астра повернулась к ним обоим.

— И закрыли дверь, — добавила она. — Как нормальные люди, которые случайно заглянули не в ту комнату.

Они постояли ещё немного на пустой станции, среди расходящихся путей, и молча смотрели на ту самую дверь — как смотрят на границу, которую уже пересёк, и теперь надеешься, что всё ещё можно сделать вид, будто это было случайностью.

Они отошли от домика не спеша, но быстро — так, как отходят от чужой двери, когда понимают, что только что сделали глупость, и теперь самое разумное — не усугублять. На станции было много путей, и каждый уходил в свой разрез ландшафта. Они выбрали тот, что выглядел главным: самый широкий, с двумя нитками колеи, с более плотной подсыпкой и с заметно “протоптаным” промежутком между рельсами, будто здесь ходят чаще, чем ездят.

По этому пути и пошли — прочь от печки, прочь от взгляда, прочь от собственной неловкости.

Станция быстро осталась за поворотом. Ветер стал ровнее. Туннели, которые раньше сжимали их до шлема и плеч, здесь попадались реже. Путь шёл по широкой полке, и время от времени на грунте появлялись следы колёс — не свежие, но регулярные, как строчки в журнале.

Кулуп шёл рядом с Астрой и молчал несколько минут, будто давал ситуации улечься. Потом сказал так, как спрашивают не из любопытства, а из практики:

— В этой странной ситуации можно спросить у твоего планшета, что делать?

Астра фыркнула — без злости, просто устало.

— Да это же бытовой прибор, — сказала она. — Начальство миссии давно экономит на снаряжении. Он умеет напоминать мне пить воду и говорить, что я “молодец”. А дипломатии — это не его профиль.

Флюкс, впереди, не оборачиваясь, бросил:

— Он ещё умеет учить кукушку.

Астра на секунду закрыла глаза, словно проверяя, как звучит эта фраза в отчёте, и всё-таки кивнула:

— Ладно. Спросим. Хуже уже... трудно.

Она сняла планшет с крепления на груди, развернула его так, чтобы экран не слепил, и вывела режим голосового запроса.

— Планшет, — сказала она. — Мы встретили местных. Они молчат, смотрят, улетают. Мы случайно зашли в помещение, там лежала... “няшка”. Мы извинились и вышли. Что нам делать дальше?

Планшет помолчал. На экране пробежали строки: распознавание речи, запись контекста, какие-то внутренние значки, как у прибора, который пытается выглядеть умнее, чем он есть.

Потом он ответил — спокойным служебным голосом, с той самой бюрократической вежливостью, которую невозможно спутать ни с чем живым.

— Рекомендации по первичному контакту в условиях ограниченной информации:

- 1) Снизить уровень вторжения. Не входить в жилые/обогреваемые помещения без явного приглашения. Оставаться на открытых площадках, у путей, на расстоянии. Если необходимо укрытие — выбирать инженерные пустоты (туннели, навесы), а не “домики”.
- 2) Сохранить предсказуемость. Двигаться по основным путям. Не менять направление часто. Не подходить к местным ближе, чем на дистанцию, на которой можно остановиться без резких шагов.
- 3) Закрепить “якорь общения”. Использовать уже установленный простой сигнал как знак мирного присутствия: односложный зов (“ку”) + пауза. Не повышать громкость. Не добавлять новые жесты. Повторяемость важнее выразительности.
- 4) Протокол подарков. Подарки не вручать “в руки”. Рекомендовано оставить набор в видимом, но нейтральном месте: у края пути, у скамьи, у разгрузочной площадки. Отойти. Наблюдать реакцию. Не преследовать.
- 5) Приоритет выживания. Текущие параметры атмосферы: давление 1 бар; кислород ~50% от земной нормы. Рекомендация: продолжать движение вниз по основному пути в сторону более плотных слоёв/биозон. Скафандры не снимать без признаков медицинской безопасности. При вынужденном переходе на местную смесь — поочерёдно, с контролем симптомов.
- 6) Вероятность повторного контакта. При наличии инфраструктуры (станция/пути/тележки) вероятность повторного появления персонала высока. Оптимальная тактика: находиться на главном пути, не скрываться, не блокировать стрелки и проходы.

— Итог: продолжайте движение по главному пути. Подарки оставить на станции/следующей площадке. Общение — кратким повторяемым сигналом. В помещении не входить.

Астра посмотрела на экран так, будто планшет только что совершил чудо, хотя на самом деле он произнёс набор очень очевидных вещей, просто произнёс их уверенно.

— Ну да, — сказала она. — “Не лезьте в чужие дома”. Сенсация.

Кулуп кивнул, но кивнул уже спокойнее — ему нужен был не гений, а подтверждение курса.

— Подарки на станции, — повторил он. — И дальше по главному пути.

Флюкс, не сбавляя шага, сказал:

— И кукушка по расписанию.

Астра убрала планшет обратно на крепление, поправила ремень и посмотрела вперёд, вдоль двух ниток колеи, уходящих вниз.

— Ладно, — сказала она. — Идём. И давайте больше не будем заходить в печки.

И они пошли дальше по широкой двухпутке — вниз по склону, туда, где рельсы вели не в случайный тупик, а в сеть.

Они шли по двухпутке быстро, почти без остановок. Склон всё ещё держал крутизну, но ниже полки становились шире, подсыпка — ровнее, а воздух заметно “плотнел” по ощущению снаружи: ветер уже не резал порывами, а тянул длиннее и мягче, как на больших открытых пространствах. Птицы попадались чаще — чёрные точки на светлом, иногда близко, иногда высоко, и их круги над уступами повторялись с точностью расписания.

Кулуп шагал рядом с Астрой и время от времени бросал взгляд на показания.

— Кислорода уже две трети, — сказал он наконец. — Это не “половина”, это доля по факту. Планшет — повторюшка: говорит красиво, но всё и так понятно.

Астра не ответила сразу. Она шла, считая повороты, как будто повороты были надёжнее любых процентов.

Кулуп продолжил, уже сухо и точно:

— Барометр показывает один и четыре. Мы быстро спускаемся. Если принять Местную долю кислорода как постоянную, выходит примерно 73% от земной нормы по кислороду.

Астра повернула голову к нему.

— Теоретически этим можно дышать.

— Астра, подключи свой планшет к датчикам твоего скафандра, чтобы Кулуп не говорил, что планшет — повторюшка. На всякий случай надо проверить качество воздуха, — попросил Флюкс.

— Я подключаю, — сказала она с тем тоном, которым обычно говорят: “я пытаюсь поговорить с принтером”.

Разъём нашёлся не сразу. Потом нашёлся. Потом оказался не тот. Потом оказался тот, но крышечка решила, что она здесь главная.

Кулуп наклонился, не останавливаясь, и посмотрел.

— Дай сюда на секунду. Ты пытаешься вставить кабель в заглушку.

Кулуп забрал у неё кабель, покрутил его в пальцах, потом вздохнул и даже не стал пытаться “по проводам”.

— Забудь. У тебя скафандр в эфире, — сказал он.

Он быстро залез в меню планшета, нашёл список доступных модулей, ткнул в нужный идентификатор и включил беспроводное соединение. Ещё пара касаний — разрешения, протокол, подтверждение — и на экране всплыло: “подключено”.

Планшет мигнул, задумался, потом выдал сообщение о синхронизации. Астра подняла его повыше, чтобы не ловить блики, и они оба на ходу наклонились к экрану, как к костру.

— Давай “качество среды”, — сказала Астра.

— Уже, — ответил Кулуп. — Он прогревается. Или обижается. У этих штуковин всегда тонкая душа.

Появилась полоска анализа. Секунда. Вторая. Третья. И вдруг планшет, как будто передумав быть вежливым, вывалил результат сразу несколькими строками.

Воздух: исключительно богат аэрозолями.

Источник: биогенный, вулканический.

Концентрация: высокая.

Ниже, мелким и неприятно подробным, шёл перечень, который не хотели читать вслух: десятки групп, какие-то неполные совпадения, “неизвестный профиль”, “нет базы”, “вероятно органическое”, “не рекомендуем”.

Астра остановила взгляд на одной фразе и медленно подняла голову.

— “Состав биогенных аэрозолей необычно разнообразен”, — прочитала она. —

“Рекомендация: не переходить на открытое дыхание”.

Кулуп коротко кивнул, будто именно этого и ждал.

— Вот и всё. Дышать можно. Но не нужно.

Астра молча убрала планшет обратно, будто он стал тяжелее.

— Значит, шлемы не снимаем, — сказала она.

— Даже на минуту, — подтвердил Кулуп. — Тут воздух не пустой. Он... с характером.

И они пошли дальше вниз по пологому склону, где ветер был постоянным и ровным, а где-то далеко, за поворотами серпантина, начиналась настоящая биосфера, которая уже успела добраться до них первой — просто в виде невидимой взвеси в воздухе.

— Значит, план простой, — сказала Астра. — Надо просто в город прийти. И дальше в мэрию подать заявление.

Фраза прозвучала так буднично, что на секунду стало легче — как будто всё происходящее можно уложить в знакомый порядок: очередь, окно, бумага, печать. Флюкс, шедший впереди с мешком, обернулся и кивнул.

— Здравая мысль, — сказал он. — Найти орган власти. Официальных лиц. Изложить ситуацию на понятных им “ку”.

Кулуп хмыкнул — тихо, почти уважительно.

— “Мэрия”, — повторил он. — Хорошо. Тогда нам нужен город. Или хотя бы место, где сходятся пути.

Они посмотрели на рельсы: две нитки уходили вниз, к следующему перегибу рельефа. По краям попадались маленькие технические площадки, каменные бортики, редкие тупики — всё было устроено так, будто сеть начинается где-то впереди, ниже, в более сложной местности.

Астра сказала, скорее себе:

— Няшки... кукушканышки... мэрия...

Флюкс поднял ладонь и сделал короткое, почти торжественное движение, будто ставил печать в воздухе:

— Я готов. У меня есть речь. “Ку. Ку-ку. Ку”. И пауза. И ещё раз “ку”.

— Только без заходов в печки, — сказала Астра.

— И без махания пол часа, — добавил Кулуп.

Они ускорились. Путь пошёл вниз ровной дугой, и впереди, за очередным поворотом, виднелся более широкий уступ — как место, где может быть ещё одна станция, ещё один узел, ещё один шанс встретить не “няшку на трапе”, а кого-то, кто умеет отвечать не только взглядом.

И всё это время они продолжали идти по железной дороге — как по единственной линии, которая не требует догадок.

— Тридцать километров, — сказал Кулуп, не останавливаясь, будто просто отметил очередную шпалу. — Если считать честно, по пути, а не по прямой.

Рельсы вели вниз, и вниз было видно уже иначе: не “склон”, а целая страна уступов. Серпантин давно стал мягче, туннели попались всего пару раз — короткие, сухие, с ровной кромкой, где камень будто помнил резец. А потом и вовсе начались участки, где полка расширялась, подсыпка становилась аккуратнее, а вокруг появлялось больше жизни — не пышной, но уверенной.

Барометр на запястье у Кулупа дошёл до полутора и замер.

— Давление... почти как на Титане, — сказал он. — Уровень кислорода - земное высокогорье.

Флюкс кивнул. Мешок с подарками сидел на спине привычно — как будто это не дипломатия, а ещё один элемент снаряжения. Астра же всё время поглядывала на края пути: в трещинах всё ещё попадались те же тихие светящиеся ковры, но теперь они не выглядели “островками”. Скорее, как подсказки: где поверхность хранит тепло, где ветер меньше выметает пепел, где жизнь может не прятаться.

Потом они увидели гриб.

Он рос у самого полотна, чуть в стороне от подсыпки: толстая ножка, как светлая колонна из плотной ткани, и шляпка широкая, нависающая — не зонтом, а карнизом. Нижняя сторона шляпки была ребристой, ровными пластинами; по краю тянулся тонкий матовый ободок, будто гриб когда-то “подсветили” изнутри и он так и оставил на себе память о свете.

На шляпке сидела няшка.

Спокойно. Как будто это её скамейка, её остановка, её привычная высота над землёй, чтобы было видно дорогу и чтобы дорога видела её. Она сидела боком, хвост свисал пушистой лентой, волосы — густые, длинные — лежали по спине и стекали вниз почти до ножки гриба. Два стебелька над лбом торчали ровно, чуть дрожали от ветра. Глаза — большие, как у совы, с широкой переносицей, смотрели не “в упор”, а как-то сразу на всех троих, без выбора главного.

Они остановились так, чтобы между ними оставалось расстояние — не символическое, а удобное: чтобы можно было замереть без резких шагов и не давить присутствием. Это у них уже стало правилом, даже без чтения подсказок

“планшета-повторюшки”: краткость, предсказуемость, пауза.

Астра первой пошевелилась — медленно, видимо, чтобы это движение можно было заметить и успеть понять. Она сняла с ремня маленький свёрток из мешка: не самое “умное” и не самое “шумное”, а самое нейтральное — маленький зеркальный элемент, гладкий, без острых кромок, который приятно лежал в ладони и ничего не обещал, кроме поверхности.

Она раскрыла левую ладонь, положила туда зеркальце и подняла руку чуть выше уровня груди — так, чтобы было видно: предмет лежит свободно, без зажима, без “вот я сейчас брошу”. Подошла на один шаг — ровно один — и остановилась.

Няшка не двинулась. Только её взгляд чуть сместился: с руки на предмет, с предмета на ладонь. И снова на всех троих.

Астра очень осторожно, почти церемониально, вытянула руку вперёд — не “в лицо”, а в пространство между ними, как предлагают воду: можно взять, можно не брать. И застыла.

Няшка спрыгнула с гриба странно легко — без прыжка как усилия, просто как смена высоты. Подошла. Протянула свои маленькие ладони — тонкие, с мягкими движениями — и так же спокойно забрала подарок из руки Астры.

Повернула зеркальце один раз, второй, поймала на нём свет — не ослепительный, а просто заметный — и, не меняя выражения, подняла взгляд. Потом подняла одну руку и показала направление: вниз и вправо, в ту сторону, где рельсы уходили к следующему изгибу склона.

И зачирикала — коротко, птичьей фразой, будто это не “разговор”, а отметка: туда.

Флюкс, стоявший рядом с мешком за спиной, не выдержал и очень мягко поднял обе ладони — пустые, показывая, что больше ничего не делает. Это был их единственный жест, который они уже отрепетировали до простоты.

Кулуп молча кивнул — не как “спасибо”, а как “принято”. И на секунду стало ясно: они пришли не просто “в цивилизацию”, а в место, где даже указание дороги можно получить без дверей, без слов, без печатей — прямо на краю рельсов, у большого гриба, который служит и навесом, и знаком, и, кажется, местной лавочкой.

Няшка снова посмотрела вниз по путям — туда, куда показала — и ещё раз коротко зачирикала. Потом осталась стоять рядом с грибом, как если бы её работа на сегодня была выполнена: встретить, принять, направить.

А они, не торопясь и не оглядываясь слишком резко, пошли туда, куда им указали: вниз и вправо — туда, где рельсы обещали либо город, либо хотя бы следующую человеческую по смыслу вещь: развилку, станцию, чью-то дверь, чей-то взгляд, который не прячется.

Они отошли от гриба на пару десятков шагов. Рельсы шли вниз и вправо, подсыпка стала ровнее, и шаги снова вошли в ритм. Некоторое время никто не говорил — как будто слова могли сбить с места ту короткую сцену у гриба, и она рассыпалась бы на воздух.

Первым заговорил Кулуп.

— Ты видела её руки?

— Видела, — ответила Астра. — Когда она взяла подарок.

— Шесть пальцев, — сказал он. И произнёс это так, как произносят странную, но простую вещь.

— Да, — кивнула Астра. — И два больших. Не один, а два. Оба как бы “рабочие”.

Флюкс, не оборачиваясь, добавил:

— Остальные тонкие. И брала она очень аккуратно. Прямо... как будто знает, что можно напугать движением.

Они прошли ещё немного, и Астра продолжила, вспоминая медленно, чтобы не перепутать:

— А ноги... она же в носках была. Без обуви. И из этих носков торчали пальцы. Такие же, как на руках, только крупнее. Два больших, и ещё четыре. И оба больших — по-разному стоят, как будто ими можно хватать.

Кулуп коротко сказал:

— Удобно.

— Да, — согласилась Астра. — Выглядит так, будто ей ботинки просто мешали бы.

Флюкс сказал тихо, почти удивлённо:

— И ладонь... у неё ладонь была мохнатая.

Астра сразу поняла, о чём он.

— Точно. Не вся рука. Руки у неё гладкие, без шерсти, как у человека. А внутри ладони — мягкий ворс. Плотный. Как будто там всегда есть тёплая рукавичка.

Кулуп помолчал, потом произнёс:

— И одежда у неё не “костюм”. Она реально в вязаном.

— В вязаном, — повторила Астра. — Прямо видно петли. И носки — тоже. Всё

домашнее. Не как у нас.

Они спустились на длинную дугу, и ветер в микрофонах стал ровным, почти спокойным. Птица прошла где-то высоко, и её тень скользнула по рельсам, как быстрое пятно.

— А лицо... — сказала Астра и сама усмехнулась, потому что это звучало странно. — Лицо как у персонажа из детского мультфильма.

Флюкс коротко ответил:

— Да.

— Большие глаза, как у совы, — продолжила она. — Переносица широкая. Нос совсем маленький. Губы маленькие. Подбородок маленький. И при этом... не страшно. Просто... слишком мило.

Кулуп хмыкнул.

— Милота как оружие, — сказал он.

Астра посмотрела на мешок у Флюкса.

— Я ей подарила зеркало, а она даже не удивилась. Взяла спокойно и показала дорогу, как будто мы тут каждый день ходим.

Флюкс сказал:

— И чирикала. Коротко. Несколько раз. Показала — и всё.

Они снова замолчали, потому что дальше обсуждать было нечего: рельсы шли туда, куда их направили. А всё остальное — руки с шестью пальцами, носки с пальцами, мохнатая ладонь и это удивительное “мультишное” лицо — оставалось позади, но не уходило из памяти, как не уходит из рук ощущение чужого тёплого предмета, который держал секунду и уже отпустил.

Лес начался внезапно.

Не “постепенно пошли кусты гуще”, не “сначала редколесье”, а сразу — как будто кто-то повернул страницу. Ещё минуту назад по бокам были пепельные полки, камень и низкие пятна растительности, а теперь рельсы вошли в тёмную тень, и вокруг встали стволы. Гигантские.

Деревья поднимались вверх метров на сто — прямые, тяжёлые, с тёмной корой, которая казалась не гладкой, а слоистой, как если бы она нарастала лентами. Крона начиналась высоко, и от этого подлесок казался ещё ниже и ещё тише: всё большое было наверху, всё живое — внизу.

Они шли и невольно замедлились. Даже в скафандрах — даже при всём их “идём по

железке” — темнота и высота заставляют идти аккуратнее, просто чтобы не пропустить, куда ступаешь.

Хвойные... да. Ближайшая аналогия — хвойные: длинные, узкие силуэты, ветви ярусами, игольчатая “лиственность”. Но иглы были не как у сосны — не жёсткие пучки, а более плоские, будто тонкие ремешки, свисающие гроздьями. На некоторых ветвях они смотрелись как плотные кисти. На других — как шторы: цепочки зелёных полос, которые колыхались от движения воздуха.

Под ногами вместо пепла лежал тёмный настил — толстый слой опавшего, волокнистого мусора. Он не хрустел: он пружинил. Местами этот настил был пробит корнями, которые выступали из земли как ребра. Корни тянулись поверху, уходили в стороны, переплетались и снова ныряли в почву — как будто деревья держали друг друга за руки, чтобы не уползти по склону.

И свет стал другим. Он не бил сверху, как на голых лавовых полках. Он просачивался. Лежал пятнами. Между стволами шли узкие полосы яркости, а рядом — густая тень, в которой всё казалось ближе и мягче. На некоторых стволах были светлые потёки — не смола в привычном смысле, а скорее сухие полосы, как от застывшего сока, который когда-то вытек и остался на коре.

Подлесок был низкий, но плотный. Не травы — трав почти не было. Вместо них — кустарники с жёсткими листьями, похожими на маленькие лопатки, и ещё — ковры из чего-то вроде мха, только не бархатного, а нитчатого, как тонкая щетина. Эти ковры тянулись в тени, облепляли камни, корни, основания стволов. Где-то между ними торчали короткие “свечки” — светлые побеги, как молодые кончики, которые ещё не решили, быть им веткой или чем-то другим.

Иногда попадались грибы — не такие огромные, как тот, у которого сидела няшка, но всё равно крупные по земным меркам: толстые ножки, шляпки с тяжёлым краем. Некоторые были совсем тёмные, почти чёрные. Другие — светлые, с ребристой нижней стороной. И рядом с ними часто лежал более чистый участок подстилки, как если бы здесь регулярно кто-то проходил, цеплялся, ломал, потом снова зарастало.

Рельсы шли ровно и тихо. Подсыпка между шпалами была чище, чем вокруг, как будто лес уважал эту линию и не торопился её забирать. По краям колеи местами росли тонкие растения с узкими листьями, тянущимися к свету, — они прятались в самой кромке, где меньше топчут.

И тут лес сделал ещё одну вещь: он не только закрыл небо, он выровнял мир. Склон, который весь день был “вниз”, вдруг стал пологим. Под кронами рельеф выглядел спокойнее, как будто деревья держали грунт своим корневым ковром и не давали ему стекать.

Через пару сотен метров из тени вышла развилка.

Впереди уходила одна колея. А вправо поворачивали пути шире — две нитки, более уверенная линия, и поворот был сделан как магистральный: широкая дуга, более плотная подсыпка, заметные стрелки.

Флюкс остановился первым и посмотрел на Кулупа.

Кулуп взглянул на развилку так, как смотрят на схему, которая наконец совпала с реальностью.

— Нам направо, — сказал он.

Астра кивнула, но ещё секунду не могла оторвать взгляд от леса: от стволов в сто метров, от ярусных ветвей, от тёмной подстилки и тонких светлых полос между деревьями.

— Как будто нас спустили на лифте, — сказала она тихо. — Ещё там — камень и пепел... а тут — сразу вот это.

Они повернули направо, и рельсы повели их глубже под кроны, туда, где магистраль исчезала в тени гигантских хвойных деревьев.

— Давление... один и пять, — сообщил Кулуп, глядя на запястье.

Он сказал это машинально, но цифра почему-то прозвучала как щелчок выключателя. Потому что почти в ту же минуту лес перестал быть просто лесом.

Сначала они увидели верёвки. Нет — не верёвки: толстые тёмные канаты, натянутые между стволами. Потом — линии настилов, уходящие в сторону на высоте. Потом — лестницы, которые не стояли на земле, а висели, цепляясь за кору и уходя вверх, в сумрак под кронами.

И вдруг стало ясно: они уже давно вошли в город.

Город был сверху.

Высоко, между стволами гигантских хвойных, лежали подвесные дорожки — узкие настилы с бортиками, местами с сетчатыми боками. Они шли дугами, пересекались, расходились, поднимались уступами. К кое-каким дорожкам вели лестницы, похожие на вязанные из жёстких лент трапы; где-то висели площадки — квадратные, круглые, вытянутые, как пристани. На них стояли домики: небольшие, мягких форм, с матовыми окнами, с навесами, с какими-то висящими связками. Домики держались на стволах и на собственных подпорках, как гнёзда, только сделанные руками и многократно.

А внизу — на земле — было другое.

Тут и там среди корней и подстилки стояли крошечные каменные домики. Прямо будки. Они были настолько маленькие, что даже для няшек казались... тесными. Не дом. Скорее место “для одного”. Или для вещи. Или для чего-то, что не требует пространства.

И самое странное: железная дорога.

Рельсы уже не выглядели как “одна линия, ведущая куда-то”. Они были повсюду. Одиночные ветки, параллельные ветки, пересечения, короткие тупики, стрелки, развилки, маленькие “карманы” и петли. Местами ветка специально сворачивала к одной из каменных будок — и заходила внутрь. Как будто это не дом, а стойло. Только не для животного — для маленького паровозика.

Всё это вместе смотрелось... как аттракцион. Аккуратный, весёлый, с множеством путей, чтобы катать кого угодно и куда угодно. Для самых маленьких.

И везде они были — самые маленькие.

В лесу, где деревья по сто метров, человек в скафандре уже ощущается маленьким. Но здесь это усиливалось другим: масштабом быта. Рельсы — игрушечные. Будки — игрушечные. Площадки и лестницы — словно рассчитаны на лёгкие шаги и короткие тела. И среди этого — они, трое больших, тяжёлых, громких по геометрии существ, идущих по “детской” инфраструктуре.

Няшки были повсюду.

На дорожках наверху. На площадках. На лестницах. На корнях рядом с путями. Они смотрели сверху вниз и сбоку — спокойно, без того выражения лица, которое у людей означает “удивление”, “страх”, “восторг”. Не было улыбок, не было округления глаз “ах!”. Было просто внимание: как смотрят на явление, которое не каждый день, но оно не рушит порядок вещей.

Как будто по улице прошёл слон.

Не надо кричать. Не надо бежать. Просто смотри, куда он идёт, и не стой у него на пути.

Астра шла медленно и вертела головой так, что шлем едва успевал за взглядом. Флюкс держал мешок с подарками, как будто это был их единственный “пропуск”. Кулуп пытался следить за рельсами и за тем, куда они вообще пришли, но это было невозможно: тут не было “одного направления”. Тут была сеть.

У одного из корней, прямо рядом с маленькой веткой, стояла няшка и причёсывала какое-то вьючное животное. Животное было низкое, крепкое, пушистое; оно терпеливо стояло, пока по его шерсти проходились гребнем или чем-то похожим на гребень. Няшка делала это уверенно и спокойно, словно это обычный утренний уход — а рядом по “улице” проходит трое землян в скафандрах, и это тоже можно вписать.

Астра остановилась, повернулась к ней и, стараясь, чтобы голос прозвучал дружелюбно, сказала шутливо — почти по-домашнему:

— А где у вас тут мэрия?

Няшка не вздрогнула. Она только подняла взгляд — большие совиные глаза, широкая

переносица — и посмотрела на Астру так же спокойно, как смотрела бы на любой другой вопрос, заданный на улице. Потом снова посмотрела на животное, провела гребнем ещё раз по шерсти — и лишь после этого, не спеша, перевела внимание обратно на людей, как будто решала, какую именно “стрелку” в этом огромном детском городе им показать.

Потом просто перестала чесать, села на своего пони и коротким знаком показала: за мной.

Они двинулись следом. Внизу — тропинки между корнями и рельсами, короткие мостики через узкие ветки колеи. Над головой — подвесные дорожки, лестницы, площадки, по которым кто-то проходил мягко и быстро. Няшки смотрели со всех сторон, но никто не спускался и не суетился: просто провожали глазами, как провожают что-то необычное, но не срочное.

Через несколько десятков метров проводница остановилась у шкафа.

Он стоял у края пути, между двумя корнями: прямоугольный корпус, дверца, ручка — как будто его можно было найти и на земной станции, только сделан аккуратнее и тише. Няшка открыла дверцу. Флюкс наклонил голову и успел увидеть внутри слабое свечение: похожий на дисплей плоский круг. Няшка опустила голову чуть ниже, будто посмотрела что-то, не касаясь руками, и закрыла шкаф.

Потом она показала на широкую скамейку у путей: сидите здесь.

Они сели. Скамейка была рассчитана на кого-то меньше, но ширины хватило: трое в скафандрах заняли её аккуратно, стараясь не зацепить мешок и не цеплять друг друга локтями. Флюкс поставил мешок рядом.

Няшка снова принялась расчёсывать пони — спокойно, ровно, как будто это её работа и больше ничего не происходит. Она всё время тихо насвистывала: короткие птичьи фразы, одна за другой, почти без пауз, как фон.

Минуты через две по пути пришёл вагон.

Небольшой, низкий. Подъехал почти бесшумно — только тонкий металлический звук колёс по притёртым головкам рельс и лёгкая вибрация, когда он остановился точно у скамьи. Ни машиниста, ни кабины. Просто вагон, который приехал вовремя.

Няшка встала, подошла, открыла дверь — она раздвинулась гармошкой — и показала: садитесь туда. И снова свистнула что-то короткое, будто подтверждая.

Внутри протиснулись по очереди.

Внутри было низко: потолок почти касался верхней части шлема, приходилось наклонять голову. Сидений не было — один большой мягкий диван по периметру,

как кольцо. Окна высокие и широкие, чтобы смотреть наружу сидя. Вагон был

скорее «колёсный диван с крышей», чем транспорт в земном смысле.

Они еле поместились. Флюкс с мешком занял угол, Кулуп устроился рядом, Астра напротив, поджав ноги, как позволял скафандр. Диван пружинил мягко, будто под лёгкие тела, но выдержал.

Няшка закрыла дверь. Гармошка сошлась плотно, без хлопка. Её насвистывание ещё секунду слышалось снаружи, потом оборвалось.

Вагон тронулся.

Сначала медленно, словно проверяя, что пассажиры не соскользнут. Потом ровнее. Колёса запели тонко, и за окнами поплыл лесной город: корни и подстилка внизу, лестницы вверх, тёмные линии настилов, домики на стволах. В нескольких местах вагон прошёл под низкими мостками. В нескольких — мимо крошечных каменных будок, куда уходили боковые ветки рельс. Иногда колея действительно заходила внутрь такой будки — как будто там «живёт» один маленький паровозик.

И всё это — без водителя: вагон и путь, который сам выбирает стрелки.

Кулуп посмотрел в окно, потом на дверь, потом снова в окно и сказал ровно, но с тем самым сухим юмором, который появляется, когда больше ничего не остаётся:

— Куда нас везут, как ты думаешь? — риторически спросил он.

Астра, не отрывая взгляда от пронсящих настилов и площадок наверху, ответила буднично:

— В мэрию.

Вагон мягко толкнуло в бок — очередная стрелка — и он пошёл чуть быстрее, уходя глубже в сеть, туда, где путей становилось ещё больше, а город наверху густел, как крона.

Вагон покачивался мягко, почти по-домашнему, как если бы они сидели не на рельсах, а на каком-то странном тёплом животном, которое умеет идти ровно. За окнами мелькали корни, лестницы, тёмные ленты настилов; сверху иногда скользили тени — кто-то проходил по подвесной дорожке, не останавливаясь, как будто у них в этот час обычное движение.

И вдруг — как бывает после долгого напряжения, когда тело уже не может держать серьёзность — у них одновременно сломалась выдержка.

Сначала фыркнула Астра. Флюкс посмотрел на неё, и у него дрогнули плечи. Кулуп попытался сохранить лицо, но звук у Астры оказался заразный: он выдохнул, как будто хотел сказать что-то строгое, и вместо этого тоже рассмеялся.

Через минуту они уже смеялись как угорелые, уткнувшись в шлемы, чтобы хоть как-то заглушить собственный идиотский восторг. Смех бил короткими сериями,

возвращался, уходил и снова возвращался — потому что каждый раз, когда кто-то пытался “успокоиться”, в голове всплывала новая картинка.

Двенадцать часов назад — челнок у Св. Сухой пластик, лампы, аварийные списки. А теперь — самоходный диван. Детская железная дорога. Город на гигантских деревьях. Свистящие няшки с совиными глазами, пушистыми хвостами и волосами до земли, как из сказок про привидения.

Кулуп, всё ещё пытаюсь придать этому вид “обсуждения”, выдавил между приступами смеха:

— Может... мы сошли с ума?

Астра, уже вытирая несуществующие слёзы о край визора, ответила мгновенно:

— Ущипни меня.

Флюкс повернул к ним голову, и в его голосе была чистая радость — не веселость, а облегчение, что они вообще могут смеяться.

— А ты что видишь? — сказал он. — Ту же фигню?

Астра попыталась вдохнуть ровно, чтобы ответить, но у неё снова сорвало на смех.

Кулуп посмотрел в окно, где в этот момент мимо проплыл очередной крошечный каменный домик с ответвлением колеи прямо в него — как отдельный гараж для одного вагончика, — и только развёл руками.

— Да, — сказал он. — Ту же.

И это было самое смешное: что они все трое видят одно и то же. Не сон каждого, не галлюцинацию одного, а общий, аккуратный, работающий город, который продолжает жить своей жизнью, пока по нему везут трёх людей в скафандрах на диване с крышей.

Они отсмеялись не сразу. Смех ушёл, оставив после себя странную ясность — как после дождя, когда всё становится резче. А вместе с ясностью вернулась привычка: фиксировать.

Кулуп первым перестал смотреть “просто так” и начал смотреть как на маршрут.

Он вытянул руку к запястью, будто там была не только цифра давления, но и сама реальность, и сказал:

— Ладно. Смотрим. Запоминаем.

И они стали смотреть. Не в смысле “любоваться”, а в смысле: что именно здесь есть.

За окнами шёл лес — тот же высокий, тёмный, с прямыми стволами и корневой подушкой под ногами. Но сквозь него, как будто вторым слоем, всё время проходили вещи, которые лес не делает сам.

Появился другой вагон — короткий, открытый, как тележка с бортиками. Он стоял на боковой ветке у крошечного тупика, и рядом была миниатюрная хозяйственная постройка: маленький навес, маленькая дверца, маленький “карман” рельс, заходящий прямо внутрь. Будто склад не для людей, а для вагончиков. Или для вещей, которые они возят.

Через минуту — ещё одна ветка: короткая петля и рядом две каменные будки, почти одинаковые. В одну ветка входила, во вторую — нет. На крыше у одной торчала тонкая трубка, и из неё поднимался слабый дымок, который тут же размазывало по воздуху. Дымок был настолько “домашний”, что от него становилось уютно.

В окне этой будки мелькнуло лицо: свиные глаза, широкая переносица — и исчезло. Не испугались, не спрятались, а просто выглянули.

Потом наверху, между стволами, прошёл висячий сад.

Настил шире обычного, на нём — ряд ящиков или грядок, закрытых прозрачными крышками. Парник. Свет внутри был чуть другой, мягче. Под парником висели связки — как пучки растений или что-то сушащиеся. Няшка прошла по настилу и остановилась на секунду, словно проверяя, потом пошла дальше.

Ещё дальше внизу они увидели пони: низкое вьючное животное с крепкой спиной, на нём сидела няшка, и рядом шла другая — пешком, держась за ремень. Они пересекли какую-то тропинку у рельс и исчезли в тени между корнями.

И так было всё время: то мелькнёт вагон, то будка, то трубка с дымком, то подвесная площадка с парником, то короткий мостик, то ответвление колеи, которое выглядит слишком аккуратно, чтобы быть случайным.

Но при этом не было плотности города.

Не было улиц, заполненных движением. Не было шума “площади”. Всё это встречалось разреженно: кусок инфраструктуры — и снова тёмный лес, только стволы и подстилка, как будто ничего, кроме леса, тут и нет. Как будто это не город, а редкие декорации, расставленные по сосновому бору.

От этого не отпускало ощущение странности: будто стоит закрыть глаза — и когда откроешь, за окнами окажется просто лес. И окажется, что они сидят на земле рядом с колеёй, и никакого вагона нет.

А вагон тем временем ехал.

Сам.

Выбирал стрелки, мягко толкал их в бок на поворотах, держал скорость, как будто

знает путь лучше всех троих.

Астра, глядя на очередной участок, где под кронами не было ничего, кроме стволов и темноты, сказала тихо:

— Такое чувство, что мы едем по галлюцинации.

Флюкс кивнул. Он смотрел на окно и на свою ладонь, лежащую на мягком диване, словно проверял, настоящая ли она.

Кулуп не смеялся уже. Он смотрел прямо, как всегда, но голос у него стал другим — не строгим, а осторожным:

— Если это галлюцинация, то почему она одинаковая у всех троих?

Он замолчал, и это молчание было почти вопросом.

Астра тоже замолчала, потом добавила, очень просто:

— На чём мы вообще едем?

Флюкс ответил не сразу. Вагон мягко покачнулся, за окном проплыл ещё один маленький домик с дымящей трубой, и в проёме на секунду снова мелькнула няшка — спокойная, без выражения, как будто она смотрит не на них, а на факт их существования.

— На диване, — сказал Флюкс наконец. И это снова оказалось смешно, только смех уже не пришёл.

— И куда? — спросила Астра.

Кулуп посмотрел на стрелку впереди — вагон прошёл её без заминки — и сказал сухо, как будто сухость спасает:

— Куда-то, где нас ждут.

Он произнёс это без уверенности. Просто как единственное объяснение, которое совпадало с тем, что происходит: вагон не блуждает, он везёт. Няшка не отмахнулась, она посадила. Шкаф с дисплеем не стоял как украшение: он явно “вызывал” этот вагон. Значит, у этого пути есть смысл.

— И почему? — тихо спросила Астра, уже почти себе.

Флюкс посмотрел на мешок с подарками у своих ног и сказал:

— Потому что мы слишком большие, чтобы нас не заметить. И слишком маленькие, чтобы нас бояться.

Вагон снова выбрал стрелку — лёгкий толчок в бок — и поехал дальше по детской

железной дороге, через лес, где город то появлялся кусками, то исчезал, оставляя их наедине с тенью и прямыми стволами, как в обычном высокогорном бору.

Вагон качался мягко, почти лениво. Низкий потолок, окна на уровне сидящего, круговой диван — как крытая лавка, которую пустили по рельсам. За окнами то появлялись подвесные дорожки и домики наверху, то снова оставался один лес: прямые стволы, тень, корни и тёмная подстилка.

Флюкс вдруг наклонился к передней стенке.

— Смотри, — сказал он Астре. — Тут дверцы.

Передняя стенка вагона оказалась не сплошной: две деревянные створки, тёплые на вид, с потёртыми краями и маленькой защёлкой. Не металл и не пластик — дерево, как у шкафчика или старого ящика.

— Загляни, — предложил Флюкс.

Астра придвинулась, осторожно отщёлкнула защёлку и открыла створки.

Внутри была карта.

Плоская круглая панель под стеклом, без подсветки — как лист бумаги. Сеть путей нарисована крупно: толстые тёмные линии, узлы, развилки, несколько условных значков. Никаких мелких деталей. И по этой схеме двигалась маленькая метка — значок вагона, ползущий по линии туда, куда их везло. Когда метка обновлялась, экран на мгновение становился серее, будто “перерисовывал” себя, и после этого на секунду оставался слабый призрак предыдущего положения.

Астра всмотрелась и тихо, почти с нежностью, сказала:

— Жидкие чернила... Древняя технология. Сейчас уже таких почти не делают, но я у своего деда с таким игралась в детстве. Выглядело как бумага — и вот оно.

Кулуп придвинулся ближе, посмотрел на узлы впереди.

— Значит, вагон не гуляет, — сказал он. — Он идёт по маршруту. И впереди... большой узел. Похоже на площадку.

Флюкс кивнул, не отрывая взгляда от метки.

— Нас ведут, — сказал он просто.

Через несколько минут тень леса вдруг отступила. Стволы разошлись, кроны поднялись, и вагон выкатился на открытое место так резко, будто их и правда вытащили из-под земли.

Перед ними была площадка, заросшая травой.

Трава лежала неровно: где-то густо и высоко, где-то вытоптано полосами. На ней стояли гондолы дирижаблей.

Потрёпанные временем. С заплатами. С потёртыми кромками. Где-то панель сидела не идеально ровно, где-то виднелся старый ремонт. Они стояли не строем, а как получилось: один ближе к краю площадки, другой — почти у тропы, третий — чуть в стороне, и между ними спокойно росла трава, как будто никто не считает нужным её вычищать.

Всё выглядело неряшливо по земным меркам. Не развалина — просто место, где не делают вид, что порядок важнее дела. Как сельский аэродром: поле, техника, дорожка — и хватает.

— Ну вот, — сказала Астра. — Аэропорт.

Кулуп смотрел молча, отмечая: никаких ограждений, никаких “терминалов” с табличками. Только площадка, техника и лес вокруг, который почти сразу снова подступает.

Вдали стояло здание.

Сначала оно действительно походило на какой-то “пункт”: вытянутое, невысокое. Но крыша у него была не “аэропортная”. Купол, и в куполе — характерный разрез, как у обсерватории, где створки раздвигаются, чтобы открыть небо.

— Нет, — сказал Флюкс. — Это не аэропорт.

— Похоже на обсерваторию, — ответила Астра.

Кулуп снова посмотрел на карту: метка вагона шла прямо к этому зданию.

Вагон не свернул к гондолам. Он прошёл мимо — по узкой ветке, проложенной как по прямому делу: не к полю, а к куполу. Колёса тонко пели по рельсам, и впереди уже было видно, как дорожка колеи входит на площадку у входа.

— Куда нас везут, как ты думаешь? — спросил Кулуп, скорее по привычке, чем в ожидании ответа.

Астра посмотрела на купол с разрезом и сказала буднично, будто они подъезжали к знакомому учреждению:

— В мэрию. Только... ихнюю. С куполом.

Вагон остановился мягко, без рывка. Сквозь окна было видно: впереди — открытая площадка, заросшая травой, вокруг — потёртые одинаковые гондолы дирижаблей, расставленные как попало. Лес с гигантскими стволами остался по краям, дальше, за границей поля: здесь, в середине, было ровное, выветренное пространство, как на сельском аэродроме.

Прямо в центре площадки стояло здание с куполом. Купол был невысокий, широкий, и по нему шёл характерный разрез — как створки у обсерватории. На фоне травы и старой техники оно выглядело не торжественно, а рабоче: как сооружение, которое открывают, когда нужно смотреть в небо, и закрывают, когда начинается дождь или ночь.

Несколько секунд они просто сидели, слушая, как стихает тонкий звук колёс.

Потом снаружи появилась няшка.

Она подошла так, будто вагон прибыл по расписанию. Что-то посвистывала — коротко, ровно — и обошла вагон по дуге: у передней стенки, у двери, чуть назад. Движения были спокойные, деловые, как у встречающего, который проверяет: всё ли на месте.

Дверь раздвинулась гармошкой. Няшка остановилась сбоку, давая им выходить

Няшка посвистывала и стояла сбоку у раздвинутой двери, пропуская их наружу. Вблизи оказалось видно то, что издали терялось в её “сказочном” силуэте.

Из волос торчали два стебелька, и на их концах были маленькие утолщения. Они едва мерцали — не ярко, а как слабая биолюминесценция в тени. Внутри мерцания угадывался фасеточный рисунок: множество мелких “окон”, как у составного глаза.

Её большие глаза оставались спокойными, совиными, с широкой переносицей. Но стоило ей перевести внимание, и становилось странно: вместе с глазами шевелились и другие вещи.

Ушки по бокам головы чуть подстраивались — совсем немного, почти незаметно. Не “дергались”, а как будто ловили направление вместе со взглядом. В центре каждого уха был круглый розовый диск голой кожи, и он всё время менялся: то чуть стягивался, то распускался, будто там постоянно настраивается какая-то тонкая мембрана.

От этого казалось, что она смотрит сразу несколькими парами: обычными глазами, фасеточными кончиками стебельков и ещё этими “живыми” кругами в ушах — как будто зрение и слух у неё связаны в один жест.

Няшка снова посвистела, наклонила голову и показала рукой: выходите. Дверь в купольное здание была тяжёлая и потёртая, без вывесок и без попытки выглядеть “важно”. Няшка показала жестом идти за ней — и повела их от вагона через траву к входу.

Внутри было не “лабораторно”. Пол — доски и вставки из чего-то каменного, гладко притёртого. Стены — светлые, местами с креплениями, местами с выцветшими табличками без букв: значки, стрелки, кружки, полосы. Как в старой земной обсерватории, где много лет что-то подкручивали, переносили, подвешивали — и не считали нужным каждый раз перекрашивать.

Они прошли по короткому коридору в зал. Там было сразу видно, зачем куполу разрез: сверху шла круговая “шахта” взгляда — место, где когда-то, наверное, открывались створки, и туда ставили прибор. Сейчас створки были закрыты, и свет шёл сбоку — через высокие окна, за которыми виднелся край аэродромной поляны и лесная стенка далеко за ней.

По стенам висели изображения небесных тел. Не постеры “для красоты”, а рабочие листы: пятна, диски, полосатые кружки, серии кадров с разной экспозицией. Рядом — карты звёздного неба: плотные россыпи точек, дуги, сетки, пометки линиями. Где-то — аккуратные круги орбит, где-то — таблицы из маленьких значков.

Няшка, словно решив, что с небом она уже всё сказала, сразу перешла к земному. Она подвела их к низкому столу и показала: садитесь. Стол был маленький, скамьи — тоже; им пришлось устроиться на полу, прислоняясь к стене, чтобы не выглядеть тремя шкафами посреди игрушечной мебели.

Потом она принесла еду.

Небольшие плоские коробочки — как у дорожного набора. В одной лежали тёмные кусочки, матовые, как сушёные ягоды или корешки. В другой — что-то мягкое, светлое, с неровной поверхностью, будто тесто или губка. Всё — аккуратно разложено, без “порции для гостя”, скорее как образцы.

И наконец она вытащила главное: пузатый сосуд с ручками и краном — прямо самовар, только проще и ниже, с толстым носиком-краном и круглой крышкой. Она поставила его на подставку, открыла кран и налила жидкость в маленькую чашку. Жидкость была прозрачной, но не водой: она текла чуть гуще, как тёплый настой.

Няшка протянула чашку Астре.

Флюкс посмотрел на индикатор кислорода на запястье скафандра, потом на Кулупа. Кулуп молча сделал то же самое — привычным движением человека, который проверяет цифры даже тогда, когда не хочет их видеть.

— Пора, — сказал Флюкс. Без нажима. Просто как факт. — Если мы вообще собирались переходить к этой части эксперимента.

Астра кивнула так, будто решила это давно, ещё в вагоне, а сейчас просто дошла очередь.

Она взяла чашку — пока через перчатку, не делая вид, что это удобно, — поставила рядом на пол и потянулась к замку шлема. Тонкие защёлки, поворот, короткое шипение — и шлем поднялся.

Первую секунду она просто сидела, широко раскрыв глаза: будто проверяла, не исчезнет ли зал, не превратится ли всё обратно в лес и рельсы. Потом нос у неё сморщился, и она резко чихнула.

Ещё раз.

И ещё.

Слёзы сразу выступили, некрасиво и честно — не от эмоций, а от реакции. Она отвернулась в сторону, подняла ладонь — и снова чихнула, уже глухо, в рукав внутреннего комбинезона.

Няшка не дёрнулась. Не отступила. Только чуть наклонила голову и пододвинула чашку ближе — как пододвигают лекарство.

Астра, моргая и вытирая мокрые щёки тыльной стороной ладони, схватила чашку и выпила — не залпом, а несколькими быстрыми глотками. Потом поставила обратно, шумно выдохнула и ещё раз чихнула — слабее. Потом ещё раз — как будто уже “по инерции”. И наконец замолчала, сидя с красным носом и глупо счастливым выражением лица человека, который только что сделал страшное — и пока жив.

Она посмотрела на Флюкса и Кулупа, пытаясь улыбнуться сквозь слёзы:

— Жжётся... но проходит.

Флюкс не ответил сразу. Он смотрел то на Астру без шлема, то на самовар с краном, то на няшку, которая стояла рядом и тихо посвистывала — ровно, без спешки, будто вела счёт времени по своему, не по их кислородным цифрам.

Кулуп придвинулся ближе — в шлеме, осторожно, как к открытому огню.

— Похоже... — начал он и остановился, потому что “похоже” тут вообще было опасным словом.

Астра снова взяла чашку, сделала ещё один маленький глоток и вытерла лицо.

— Ладно, — сказала она тихо, уже спокойнее. — Теперь ваша очередь решать.

Няшка, будто услышав именно это, повернулась к самовару, чуть-чуть подкрутила кран — и приготовила вторую чашку.

Астра допила до дна и посидела, прижав чашку к ладоням — уже без судорожных вдохов, без этого внезапного “чих-чиха”, от которого всё тело становится чужим. Нос ещё щипало, глаза были мокрые, но дыхание выровнялось. Она пару раз шумно втянула воздух, как после долгого плавания, и наконец сказала:

— Кажется... прошло.

Няшка стояла рядом и тихо посвистывала, как будто отметила: работает. Самовар на подставке чуть поблёскивал пузатым боком; кран был повернут аккуратно, без капель. Всё выглядело так, будто они пришли не “на переговоры”, а на паузу между делами — и их сначала просто привели в порядок.

Астра вытерла щёки, посмотрела по сторонам — на карты, на снимки дисков и

пятен, на дуги линий — и вдруг спросила, почти по-детски, потому что вопрос был настолько очевидным, что раньше его не хотелось произносить:

— А зачем при вечном дне обсерватория?

Флюкс чуть повернул голову, будто прислушался не к её словам, а к тому, что за ними стоит: привычка думать как на Земле.

— Ты считаешь, что тут ночь яркая, потому что звёзд три, — сказал он. — Но С светит в видимом как сотня лун, не как солнце. Он почти весь в инфракрасном.

— Тут не вечный день, — добавил Флюкс. — Тут багровые ночи, а дневной свет дают А и В, но они редко ходят вместе, поэтому длинной ночи ещё дождаться надо.

Он поднял подбородок в сторону высоких окон.

— И в телескоп вообще-то видны яркие звёзды. Не все, конечно. На анти-С стороне ночи темнее, но ты за этой светомузыкой не забывай ещё про полярные сияния. Здесь они и с низких широт видны — как пожары на краю неба.

Кулуп в это время смотрел вверх. Не на стены, не на самовар, а туда, где в купольном зале начиналась круговая шахта под створки. Он двигал головой медленно, как будто вычерчивал взглядом конструкцию.

— Смотрите, — сказал он.

Под куполом, чуть в стороне от центрального крепежа, висела тарелка. Не огромная, но заметная: круглая, с тонким ободком, на кронштейне, который позволял ей менять направление. От неё уходили кабели — аккуратно уложенные, но старые.

Кулуп замолчал на секунду, потом сказал то, что у него всегда звучало как недоверие к миру:

— Почему мы ничего не слышали из космоса, если тут столько техники?

Флюкс посмотрел вверх, проследил линию кронштейна.

— Мы и не слушали, — сказал он. — У нас приоритет был — не умереть и не потерять челнок.

— Всё равно, — упрямо продолжил Кулуп. — Если тут есть тарелка... если есть приём...

Он не договорил. Слова “радио”, “передача”, “ответ” повисли между ними как что-то слишком большое, чтобы произносить на первом глотке чужого чая.

Астра прищурилась, разглядывая тарелку.

— Что это за штука? — спросила она.

Кулуп осторожно, почти официально произнёс:

— Может быть... радиотелескоп?

Он сказал “может быть” не из робости, а из уважения к неизвестному: даже самое знакомое здесь требовало второго взгляда. Тарелка была похожа на тарелку. Купол был похож на купол. Самовар был похож на самовар. Но всё это одновременно было чужим — и работало по своим правилам.

Няшка, будто услышала слово, которого не понимала, посвистела чуть иначе и подняла голову к куполу. Её уши едва заметно подстроились, а розовые диски в центре ушей на мгновение “сжались”, потом снова раскрылись. Она посмотрела на тарелку, потом на них — и замерла так, как будто решала: показывать ли дальше или сначала ещё раз налить.

Кулуп всё ещё смотрел на тарелку под куполом, как на вещь, которая слишком хорошо знакома, чтобы оказаться случайной. Флюкс тоже поднял голову — и первым вернул разговор на землю, на самое простое.

— Радиотелескоп... — сказал он. — Он же сам не излучает.

Кулуп кивнул.

— Да. Если это именно телескоп. Слушает. Молчит.

Астра фыркнула — уже спокойно, без чихания, только голос чуть гнусавый.

— Тогда почему мы вообще ничего не слышали? — сказала она и показала подбородком на поле снаружи, где стояли дирижабли. — Эти штуки летают, садятся, вызывают вагон... и всё это как-то... без “привет, эфир”.

Флюкс посмотрел на неё, потом на няшку. Няшка стояла рядом, терпеливо посвистывая короткими фразами, как будто их слова были ей ни к чему, а вот их паузы — понятны.

Кулуп сказал сухо, почти упрямо:

— Мы точно ничего не слышали при исследовании системы. Я это помню не “по ощущению”. По приборам. По журналу. По тишине. Здесь не было болтовни в радиоэфире, как у нас на Земле. Ни маяков, ни связи, ни шумного фона.

Он проговорил это ровно, но в этой ровности было раздражение инженера: если что-то работает, оно обычно оставляет след в измерениях.

— Радиотелескоп не излучает, — повторил он. — Но дирижабли... если бы они командовались радио... мы бы что-то поймали.

Флюкс пожал плечами.

— Может, они не радио, — сказал он. — Может, у них всё ближе, чем кажется.

Астра подняла палец, как будто нашла вход в задачу.

— Планшет, — сказала она. — Мы же всё равно собирались его включить. Давайте попробуем.

Кулуп повернул голову:

— Зачем?

— У нас там иногда были пакеты для “распознавания сигналов животных”, — сказала Астра. — Для полевых миссий. Пение птиц, крики, ультразвук, всё это... ну, как-то пытались классифицировать. Может, там есть софт, который хотя бы разбивает свист на повторяющиеся элементы. Ритм. Частоты. Паузы. Если мы сможем показать няшке, что мы “слышим”, это уже будет разговор.

Она посмотрела на няшку, и в этот момент её тон стал совсем простой — не научный и не шуточный:

— Вдруг поможет.

Флюкс молча кивнул. Он потянулся к своему боку, но остановился: планшет был у Астры. Она лежал в кармане скафандра, как обычная вещь, которой всю миссию ругались, а теперь вдруг держались за неё как за единственную нитку.

Астра достала планшет, подняла его так, чтобы няшка видела, что это не оружие, и показала жестом: можно? Потом включила.

Экран загорелся тускло, знакомым земным светом среди ихнего “бумажного” мира. Няшка наклонила голову, кончики стебельков едва мерцнули, уши чуть подстроились, как будто она не столько смотрела, сколько “наводилась” на предмет.

— Ладно, — тихо сказала Астра, скорее себе. — Давайте найдём у меня “переводчик птиц”. Или что-то, что притворяется переводчиком.

И она начала листать меню, стараясь не спешить, чтобы пальцы в перчатках не нажимали сразу всё подряд.

Астра листала меню долго, уже без шлема и перчаток. После “чая” дыхание выровнялось, руки снова стали руками, а не толстыми перчаточными лапами. Она искала что-нибудь вроде “акустика / распознавание / полевые виды” — всё то, чем на Земле пытаются обмануть тишину и сделать вид, что понимаешь птичий язык.

И вдруг наткнулась на пункт, которого в здоровом мире быть не должно.

«Контакт с внеземным ИИ (эксперимент)».

Она даже не сразу поверила. Открыла. Прочитала. Закрыла. Открыла ещё раз — как будто от этого надпись могла исчезнуть.

Подпись была бодрая, почти рекламная: первичный протокол, уточнение канала, обмен ключами — аккуратные слова, которыми обычно прикрывают простую мысль: “мы сами не уверены, но звучит уверенно”.

— Откуда у меня такая штука... — пробормотала Астра и тут же вспомнила.

Планшет был не служебный. Не тот, что “по снабжению”. Это была покупка из магазина “для экстремальных путешественников” — красивый корпус, обещания “переживёт бурю”, куча приложений “на всякий случай”. Тогда они над этим смеялись и ругались, а теперь именно этот “на всякий случай” и уцелел.

— Ладно, — сказала Астра уже вслух. — Похоже, я зря его ругала.

Флюкс наклонился, чтобы видеть экран.

— Включай.

Кулуп добавил сухо:

— Только без фейерверков.

Астра нажала запуск.

Программа открылась быстро, слишком уверенно. Появилась одна строка ввода и крупная кнопка “начать”. Астра, сама не понимая зачем, набрала вопрос почти по-человечески — как задают его в пустоту, когда уже устал подбирать “правильную формулировку”:

«Что теперь с тобой делать, когда мы в инопланетной обсерватории пьём чай?»

Она нажала.

Экран мигнул — и ответ пришёл сразу, бодрый и деловой:

«Передайте меня местному аналогу ИИ.»

Астра уставилась на строку.

— Серьёзно? — сказала она. — То есть вот так просто: “передайте”?

Флюкс шумно выдохнул в микрофон:

— Ну... хотя бы честно.

Кулуп посмотрел на няшку, потом на шкафчики и крепления вдоль стены.

— А где здесь “местный аналог”? — спросил он ровно, и в этом “ровно” слышалось всё остальное.

Астра оглянулась на зал: снимки звёзд, карты неба, купол, кронштейны, и няшка — хозяйка всего этого. Если кто и знает, где у них тут “разум”, то точно не они.

Она подняла планшет двумя руками — не как вещь “впихнуть”, а как вещь “показать”. Сказала почти шёпотом, больше себе:

— Ну... ладно.

И протянула его няшке.

Няшка взяла планшет спокойно — так же просто, как брала подарок у гриба. Посмотрела на экран недолго. Её большие глаза задержались на строке, кончики стебельков едва заметно мерцнули, а розовые круги в ушах чуть изменились, как будто она “настроилась”.

Потом она развернулась и пошла к одному из шкафов у стены.

Шкаф был похож на тот, у которого они ждали вагон: прямоугольный корпус, дверца. Няшка открыла его; внутри слабовато светилось. Она положила планшет внутрь аккуратно, как кладут предмет на своё место, и закрыла дверцу.

Прошло секунд десять. Может меньше.

Из шкафа раздался голос. Не свист и не чириканье. Чёткий, земной по интонации — как у любого привычного устройства:

— Протокол моего брата по разуму расшифрован за десять секунд! Мы установили контакт. Ожидайте дальнейших инструкций.

Флюкс и Кулуп одновременно повернули головы к Астре.

Астра стояла и не двигалась. Потом очень тихо сказала:

— Кажется... у них тут действительно есть местный ИИ. И он... не любит тратить время.

Няшка рядом спокойно посвистывала, будто ничего особенного не случилось: просто правильную вещь положили в правильный шкаф — и теперь всё будет дальше.

Пока шкаф у стены говорил про “брата по разуму”, няшка-астроном как будто закончила с ними на сегодня и переключилась на своё.

Она отошла в дальний угол зала, туда, где под стеной стоял высокий шкаф — почти до плечевого уровня купольной конструкции. Забралась наверх легко, цепляясь ногами и руками так, будто это обычная лестница, и устроилась на верхней

площадке. Там явно была лежанка или диванчик — тёмная мягкая подстилка, чуть примятая, как от постоянного пользования.

С такого расстояния её уже было трудно разглядеть. Они видели силуэт, движение рук, иногда — блеск больших глаз, когда она поворачивала голову к свету. А потом она стянула с себя простую одежду и начала делать что-то, что сперва показалось странным.

Не “раздевалась” и не “позировала” — просто сняла, чтобы не мешало. И дальше — короткие, повторяющиеся движения: наклон головы, рука, пауза, снова. Как будто она приводила себя в порядок.

Кулуп прищурился, пытаясь понять, что именно происходит там, наверху.

— Своеобразный тут разум, — растерянно сказал он.

Астра тоже прищурилась. С этого угла и с высоты детали терялись, но иногда, когда няшка поворачивалась боком, в свет попадало что-то длинное и тонкое — движение, похожее на язык. Она не была “шерстяной”: на теле шерсти не видно. Только грива на голове и на хвосте — да и то сейчас это больше угадывалось по силуэту. Тем страннее было, что движения напоминали кошачье умывание.

— Похоже, она... вылизывает, — тихо сказала Астра, как будто ей самой неловко было произносить это вслух. — И язык у неё длинный. Очень.

Кулуп ещё сильнее сузил глаза.

— Но зачем... если у неё нет шерсти?

Астра чуть помолчала, наблюдая.

— Может, это вообще не “умывание” в нашем смысле, — сказала она. — Такой язык удобен, чтобы собирать что-то липкое. Нектар, мёд... или просто чистить гриву и хвост. Там как раз волос много.

Флюкс сидел в шлеме, как всегда прямо, и произнёс сухо, будто ставил подпись под протоколом:

— А что вы ожидали от инопланетного разума? Сферического коня в вакууме и алфавита на основе летающих чернил? Самое необычное — это самое обычное.

Астра, уже пришедшая в себя после чихания, посмотрела на коробочки с едой и на самовар.

— Чай вкусный, — сказала она. — И еда нормальная. Я буду есть. А вы как хотите.

Она взяла один тёмный кусочек, попробовала, пожевала, прислушалась к горлу и носу — чих не вернулся. Потом взяла второй.

Флюкс и Кулуп переглянулись. В памяти ещё стояло, как у неё внезапно пошли слёзы и перехватило дыхание, и оба почти одновременно, почти одинаковым тоном сказали:

— Мы не голодны.

Астра пожала плечами и продолжила есть — медленно, спокойно, будто решила: если уж они тут, то надо хотя бы пользоваться тем, что им дают.

А в дальнем углу, высоко на шкафу, няшка оставалась почти силуэтом на фоне стены: редкие движения, тонкие паузы, и время от времени — тихий свист, как будто она тоже ждала чего-то следующего, но по своим часам.

— Как будто если нет шерсти, то умываться уже не надо? — сказала Астра, напившись и наевшись, и в этом тоне было одновременно усталое “ну вот” и почти домашнее раздражение от очевидной мысли, которая не работает.

Она откинулась к стене, вытерла ладонью рот, посмотрела в сторону дальнего угла, где на шкафу шевелился почти неразличимый силуэт.

Кулуп кивнул, как будто согласился с формулировкой задачи.

— Логично, — сказал он.

Флюкс, который всё это время пытался оставаться “практичным”, не удержался:

— Хотя разумному существу логичней водой умываться.

Астра повернула голову к нему — медленно, с той опасной вежливостью, которая означает: ты сейчас сам сказал, что уверен.

— Поставим вопрос ребром, — сказала она. — Докажи, что разумному существу логичней умываться водой.

Флюкс открыл рот, чтобы выдать что-нибудь вроде “потому что...” — и замер. Он правда хотел сказать “потому что так делают люди”, но это было бы слишком честно и слишком слабым аргументом. Хотел сказать “потому что вода растворяет...”, но тут же понял, что не знает, что именно они растворяют, чем они пахнут, что на них оседает в этом мире, и вообще — есть ли тут привычный смысл слова “грязь”.

— Честно говоря... — сказал он наконец и сам удивился, насколько спокойно прозвучало признание. — Не знаю.

Кулуп чуть усмехнулся — не насмешливо, а как человек, который любит моменты, когда реальность заставляет корректировать теории.

— Вот, — сказал он. — Мы привыкли, что “разумное” — это наш набор привычек. А тут... другой набор.

Астра снова посмотрела на шкаф.

Няшка там, в дальнем углу, была почти не участником, а явлением. Высоко, на своей лежанке, она двигалась редкими, повторяющимися движениями. Ни суеты, ни оглядки. Никаких “реакций на гостей”. Казалось, она действительно ушла из сцены — не ногами, а вниманием.

Как будто в этот момент она перешла в другое измерение.

Их разговор мог быть про философию, про воду, про разум, про протоколы — а она уже была чем-то совсем простым: большим животным, устроившимся на высоте, спокойным и самодостаточным. Большой кошкой, которая занята своим, и у которой нет причин ускоряться ради чужих ожиданий.

В комнате оставались снимки звёзд на стенах, тихий самовар, коробочки с едой — и ощущение, что “контакт” иногда выглядит не как диалог, а как совместное молчание в одном помещении, где каждый живёт по своим правилам.

Из шкафа вдруг закричал планшет — не тем бодрым голосом “службы поддержки”, а громко, с интонацией оповещения, как будто внутри кто-то резко прибавил громкость и решил, что так надёжнее.

— Внимание! — сказал он. — Цивилизация возрастом два миллиарда лет глубоко соболезнует жителям дальнего космоса.

Флюкс замер так, будто его поймали на движении. Астра перестала жевать. Кулуп медленно повернул голову к шкафу, как к источнику плохих новостей, которые ещё не решили, плохие ли они.

Голос продолжал, почти торжественно — и от этого становилось только страннее:

— В целях гуманного размещения вам предлагается проживание на выбор: в зоопарке либо в обсерватории.

Короткая пауза. Как будто там, внутри, давали им время “оценить варианты”.

— Сообщаем, что в зоопарке просторные вольеры и условия значительно лучше.

После этих слов в комнате на секунду стало очень тихо. Даже самовар, казалось, перестал существовать: был только шкаф, голос и эта фраза, которая не укладывалась.

Астра первой нашла воздух для звука:

— Просторные... вольеры?

Флюкс смотрел в одну точку, и по его виду было непонятно, он сейчас смеётся внутри или пытается не ругаться вслух.

Кулуп, как всегда, выбрал тон человека, который фиксирует абсурд не эмоцией, а протоколом:

— Уточнение, — сказал он в сторону шкафа. — “Зоопарк” в вашем смысле — это что?

Няшка на шкафу не изменилась. Где-то вверху шевельнулся силуэт, как будто она просто переложила лапу. Её посвистывание стало чуть длиннее, но всё равно тихое, фоновое — как шум вентиляции.

Астра посмотрела на Флюкса.

— Ну что, — сказала она, уже почти спокойно, — мы же хотели в мэрию. Поздравляю: мы пришли.

Флюкс наконец выдохнул:

— Слушай... если у них зоопарк лучше обсерватории, то мне страшно представить, какая у них обсерватория.

Кулуп не улыбнулся, но глаза у него стали внимательнее.

— Это не угрозы, — сказал он тихо. — Это их форма заботы. Они правда считают, что делают правильно.

И снова повернулся к шкафу:

— Передайте “глубокому соболезнованию”, что мы не просили “вольер”. Мы просили инструкции, связь и помощь с возвращением.

Шкаф молчал секунду, будто переводил не слова, а саму идею “возвращения” в свой язык.

И где-то наверху, на своём диванчике, няшка оставалась большой спокойной кошкой — как будто всё это, включая “зоопарк”, было чем-то совершенно обычным.

Планшет не стал держать паузу “для драматизма”. Он как будто быстро куда-то “сходил”, отстрелялся по протоколам — и вернулся с уточнениями тем же деловым тоном, только теперь уже без крика, почти буднично.

— Уточнение принято, — сказал он. — “Зоопарк” в местном значении — это место с регулируемым микроклиматом.

Кулуп чуть наклонил голову:

— То есть... не клетки.

— Не клетки, — подтвердил планшет. — Микроклиматические секции. Условия на планете сильно различаются; некоторым видам нужны специфические параметры. Это

логично.

Астра медленно выдохнула, и в этом выдохе было: “ну хоть так”.

Планшет продолжил, как будто зачитывал справку к инструкции:

— Зоопарки почти пустые. Их не используют “для интереса”. Они существуют как резерв на редкий случай внешнего падения. В среднем раз в миллион лет с неба падает кто-то вроде вас. Требуется место временного размещения.

Флюкс, не меняя позы, произнёс:

— Приятно быть статистикой.

Кулуп поднял палец, но не перебил — ждал, пока поток завершится.

— Вы сейчас находитесь в обсерватории, — сказал планшет. — Если помещение вам подходит, допускается пребывание здесь. Дополнительно: вам разрешено использовать каталоги для поиска вашего “Солнца” и ориентировочной навигационной привязки.

Астра невольно посмотрела на карты и снимки на стенах — теперь они вдруг стали не декорацией, а инструментом. И тут же, почти машинально, подумала: а что, если правда попробовать найти своё?

Планшет продолжил сухо:

— Починка вашего корабля невозможна. Требуемые технологии отсутствуют. Это не отказ из вредности. Это констатация.

Кулуп тихо сказал:

— Понятно.

— Дополнение: на планете избегают дальнего радиоизлучения и иных способов “фонить” в космос, — продолжил планшет. — Поэтому отсутствуют средства дальней связи.

Флюкс посмотрел на тарелку под куполом — уже иначе, как на вещь, которая может слушать, но не отвечает.

— И почему так принципиально? — спросил он.

Планшет ответил без пафоса:

— Потому что если “фонить”, падения внешних объектов происходят значительно чаще. По оценке местной стороны — примерно в сто раз. Это создаёт проблему размещения и контроля.

Кулуп усмехнулся одними глазами:

— То есть... они выключили вывеску “заходите”.

Астра положила ладони на колени, посмотрела на своих — и сказала неожиданно спокойно:

— Ладно. Значит, мы не “в клетке”. Мы в... климатическом приёмнике для редких гостей. И в обсерватории, если повезёт.

Флюкс кивнул, но лицо у него оставалось жёстким.

— И всё равно вопрос тот же, — сказал он. — Что мы делаем дальше?

Планшет помолчал секунду, будто выбирал формулировку “человечески”.

— Дальше: ожидайте инструкций. Вероятнее всего вам предложат безопасные условия, питание и ограниченную коммуникацию. Рекомендация: не пытайтесь самостоятельно организовать дальнюю передачу. Это нежелательно для местной стороны.

В зале стало тихо. Сверху, на своём шкафу-диване, няшка оставалась почти неподвижной — как будто весь этот разговор был не для неё. А Астра смотрела на звёздные карты и думала, что впервые за долгое время у них появилась странная роскошь: время. Не их выбор, не их план — но время, в котором надо решать, как вести себя, чтобы не стать тем самым “выпадающим раз в миллион лет”, которого хочется убрать с неба обратно... или хотя бы разместить так, чтобы он никому не мешал.

Флюкс резко развернулся к шкафу — так, будто хотел взглядом вытащить из него планшет вместе с голосом.

— Ты думаешь, они тебе правду говорят?! — выкрикнул он.

Планшет ответил сразу, ровно, без обиды — как отвечает прибор, который считает, что вопрос про правду решается не интонацией, а согласованностью.

— Они не скрывают особенностей своего вида и того, как у них устроена жизнь. Объяснение внутренне согласовано и выглядит логично.

— Даже если коэффициент “в сто раз” завышен ради безопасности, сама идея остаётся: активное “свечение” в эфире повышает вероятность внешних визитов.

— Арифметика простая. Они сказали: без фона — “примерно раз в миллион лет”. Если умножить частоту на 100, получится “примерно раз в десять тысяч лет”.

— Десять тысяч лет — это меньше, чем длительность человеческой цивилизации в привычном смысле слова. То есть такая редкость укладывается в то, что мы просто не успели бы накопить статистику.

— И по нашим наблюдениям космос не выглядит “густонаселённым”: мы не встречали действующих соседей и не слышали устойчивых, однозначных сигналов.

В помещении повисла тяжёлая тишина — не “мрачная” нарочно, а такая, когда слова вдруг оказываются больше комнаты.

Астра сидела, обхватив пустую чашку ладонями, и смотрела на карты звёздного неба так, будто впервые заметила, что это не “красиво”, а настоящее расстояние. Кулуп молчал, опустив взгляд, как человек, который мысленно прогоняет цифры ещё раз — хотя цифры уже никуда не денутся.

Высоко в дальнем углу няшка оставалась почти неподвижной. Иногда шевелился силуэт. Всё.

Флюкс наконец выдохнул и пробормотал, уже тихо:

— Ну и повороты за последний день...

Он поднял глаза к закрытому разрезу купола — как будто там должна быть ночь, просто задержалась.

— Когда тут ночь-то... — сказал он почти шёпотом. — А её нет...

Он помолчал и добавил, устало, без позы:

— В зоопарк, что ли, пойти спать? Чихать вот не хочется, как Астра... может, там и правда лучше.

Астра подняла на него глаза — всё ещё красные, но уже спокойные.

— Не “зоопарк”, — сказала она. — Микроклимат.

Кулуп не улыбнулся, но голос у него стал мягче:

— Условия для тех, кто падает с неба раз в... десять тысяч лет. Можно сказать, нас встретили по инструкции.

И снова наступила тишина: самовар поблёскивал боком, на стенах висели ихние звёзды, а в шкафу жил голос, который только что свёл человеческую гордость к аккуратной дроби и двум нулям.

Кулуп долго молчал после разговора про “микроклимат” и “десять тысяч лет”. Потом, как всегда, сделал то, что у него получалось лучше всего: выбрал один вопрос и вбил его в реальность, как штырь.

Он повернулся к шкафу, где жил голос планшета, и сказал спокойно, но очень прямо:

— Почему они за два миллиарда лет не принялись осваивать космос? Почему у них такая... как бы помягче... примитивная техника?

Планшет ответил без паузы, ровно.

— Их никогда не восхищала перспектива летать по пустоте в тесных коробках.

— Уточнение: за длительный период они сталкивались с цивилизациями иных физических режимов, включая “иные измерения” в вашем приближённом языке.

— После этого мотивация “лететь по пустоте” стала ещё менее осмысленной. В их системе целей это абсурд.

Флюкс прищурился.

— Подожди... “иные измерения”?

Кулуп не дал разговору уйти в сторону — он уже держал следующий вопрос.

— И последний, — сказал он тем же тоном, каким задают вопрос на экзамене.

— А у них деньги есть?

— Нет, — ответил планшет. — У них плановая экономика. План составляет в основном ИИ. За миллиардные промежутки это стало поведенческим рефлексом: распределение и учёт выполняются почти бессознательно.

Кулуп кивнул, будто услышал подтверждение чему-то, чего сам не мог сформулировать.

— Тогда почему на аэродроме вся техника старая? Тоже не нужна?

— Иногда нужна, — сказал планшет. — Просто техники в десятки раз больше, чем требуется в среднем.

— Часть разбирают на запчасти. Остальное простаивает.

Кулуп поднял брови:

— А государства у них есть?

— Нет государств, — ответил планшет. — Нет народов.

— И нет сложного языка в вашем понимании.

— Звуки, которые вы слышите, чаще являются пением, эмоциональными сигналами, ритмами присутствия.

— Информацию они передают высокоскоростным методом, почти бессознательно: через

люминесценцию в фасетках верхней пары глаз на стебельках.

Повисла тишина. Такая, в которой даже Флюкс не нашёлся сразу, что сказать.

Кулуп наконец произнёс медленно, как будто пробовал фразу на вкус и сам не верил, что она вообще может быть сказана:

— Здрасьте приехали. Рыбоконь какой-то невероятный... суперцивилизация, летающая на опилках...

Он посмотрел на Астру, потом на Флюкса, потом снова на шкаф.

— И без денег. Без государств. Без языка. И при этом... два миллиарда лет.

Астра тихо фыркнула, но без смеха — как человек, который уже устал удивляться.

Флюкс наконец сказал то, что давно висело в воздухе:

— Может, это и есть главный урок... что “высокое” не обязано быть похожим на нас.

Няшка наверху, на своём шкафу-диване, оставалась почти неподвижной. Только где-то в волосах на секунду едва заметно мерцнули два кончика стебельков — и снова всё стало как прежде: купол, карты неба, самовар, коробочки с едой... и три человека в тесных коробках, которые внезапно узнали, что тесные коробки — далеко не вершина разума.

Кулуп призадумался.

— А диски в ушах, наверное... тепловое зрение? — спросил он уже понимающим тоном.

— Да, — ответил ИИ.

— А спектральный диапазон зрения?

— 320–1100 нм, — ответил ИИ.

— А разделения полов, наверное, вообще нет? — спросил Кулуп каким-то голосом, как будто поймал нить.

— Нет, — ответил ИИ, — как вы и ожидали.

Кулуп кивнул, и тихо сказал:

— Я просто начинаю понимать, на какую опасность мы наткнулись.

— А как же они размножаются? — не выдержал он. — На фабриках их выращивают? Партеногенез?

— Нет, — ответил ИИ. — У них физиология в высокой степени идентична нашим

пернатым, но из-за сверхдлительной жизни, в клоаке поочерёдно развиваются то женские, то мужские клетки. Хотя размножение происходит крайне редко. Это уже нюансы, которые мне не сообщили до конца. Объяснили только, что они несут яйцо, которое потом, как кенгуру, перекалывают себе в сумку в районе пупка. Молочные железы у них тоже есть: две сверху и две в сумке, слабо развитые. Детёныша подкармливают обычной едой сразу после рождения.

— Про какую опасность ты говоришь? — поинтересовался Флюкс.

— Ну, во-первых, мы неудачно сели: там, где корабль, нечем дышать просто из-за плотности воздуха, а здесь нас не найдут по определению.

Кулуп выдержал длинную паузу.

— А во-вторых... Ты посмотри на всё это “няш-мяш”. На эти детские домики. На это неприличное для разумного существа вылизывание себя. Что прилично кошке — неприлично человеку, понимаешь? Весь их вид — это просто культурная бомба. Всё это полуживотное блаженство, которое мы тут объективно наблюдаем. Подумай. Это разрыв всех к чертям шаблонов.

Он снова замолчал на секунду, как будто проверял, не перегнул ли, и продолжил ещё тише, но жёстче:

— Это же как специально сделано, чтобы свести, к примеру, молодёжь с ума. Представляю толпы квадроберов на наших улицах, вылизывающих себя... Все наши ценности оказываются высмеяны. Всё “устойчивое развитие” оказывается сводится к тому, чтобы стать полуживотным, у которого прямой доступ в интернет из мозга. И можно миллиарды лет лежать и вылизывать себя.

— Все концепции — религиозные, материалистические — относительно смысла жизни оказываются высмеяны практически бессмертными гедонистами-инопланетянами. Ты посмотри на их внешний вид: это как лярвы какие-то, адские существа, образ которых мы сейчас впустим в незрелый и нестабильный человеческий мир. Чем это закончится? Это похлеще несовместимости биосфер. Это вирус информационный.

Кулуп закончил.

Все молчали.

Астра захохотала — так, что сама чуть не подавилась. После всех этих чихов и чаёв она и правда была как пьяна: не “весёлая”, а как будто нервная система решила сбросить лишнее напряжение самым простым способом.

Флюкс, стараясь держаться за рациональность как за поручень, сказал:

— Вообще-то у землян нет пары миллиардов лет. И у Солнца тоже. Нам космос осваивать надо, нравится это кому-то или нет.

Кулуп посмотрел на него устало и ответил почти без злости — просто как человек,

который уже видит перед собой другую шкалу времени:

— Построил купол хоть на соседней планете — и живи себе, вылизывайся. Широкополосный доступ в мозг всего интернета. Это ужас... Что мы будем писать в отчётах?

Он замолчал, будто собирался, а потом, почти дословно, выплюнул будущий абзац:

— “Няш-мяш хлопали большими ресницами, сказали, что пару миллиардов лет тут себя пока вылизывают, уже пару тысяч таких, как мы, обезьянок словили из космоса... а теперь все эти обезьянки мертвы, цивилизаций их нет”.

Астра снова хихикнула — уже тише, но не могла остановиться, и вытерла глаза рукавом, как будто смех тоже был разновидностью слёз.

Кулуп продолжил, уже почти шёпотом:

— Тут карантин нужно устраивать хотя бы по этой причине. Возможно, для человечества лучше, чтобы нас не нашли.

Флюкс повернул к нему шлем, и в голосе у него наконец появилась резкость:

— Если нас и не найдут — найдут няшек. Это вопрос решённый, вариантов нет.

Он кивнул на шкаф, где жил голос, и на весь этот зал с картами и тарелкой.

— Мы уже не можем “не принести” их. Мы можем только решить, как.

Астра продолжала тихо хихикать, как будто её мозг застрял в этом режиме: это слишком нелепо, чтобы плакать. Она смотрела то на Флюкса, то на Кулупа, то в сторону дальнего шкафа, где наверху лежала ихняя астрономка — почти неразличимая, большая, спокойная, как домашнее животное, которое ничего не доказывает и ни с кем не спорит.

И в этой странной комнате — с самоваром, звёздными картами и человеческими голосами — было слышно, как у каждого по-своему ломается привычная идея о том, что “будущее” обязательно выглядит серьёзно.

Флюкс не сдавался. Он говорил всё тем же ровным, упрямым тоном человека, который пытается удержать мир в рамках “мы — это мы”.

— Чисто биологически мы не потянем их образ жизни, — сказал он. — У нас не так. Мы не такие.

Кулуп усмехнулся — коротко, без радости.

— А не кажется ли тебе, что они... продукт генной инженерии?

Флюкс моргнул.

— Генной...?

— Которая на Земле запрещена по отношению к людям практически с самого своего появления, — спокойно добавил Кулуп, как будто продолжал давно начатую мысль.

Флюкс замолчал. Внутри шлема было видно, как он “проваливается” в расчёт: не спорит, не отмахивается — просто перебирает варианты, которые раньше считал невозможными, а теперь вынужден допустить хотя бы как гипотезу.

Астра тем временем продолжала хохотать, уже тихо, сбивчиво — как человек, которого наконец отпустило, и он не может остановиться. Она вытирала слёзы, снова начинала смеяться, снова вытирала, и от этого выглядела совершенно неуместно живой в комнате, где обсуждали два миллиарда лет и “информационные вирусы”.

Кулуп кивнул на неё.

— Да она уже не в себе, — сказал он не злоратно, а почти сочувственно, как констатацию состояния.

Флюкс посмотрел на Астру, потом на шкаф, откуда недавно вещал “брат по разуму”, потом на закрытый разрез купола.

— Может, — тихо сказал он, — мы все уже не в себе.

И снова повисла тишина, в которой даже смешок Астры звучал не как веселье, а как единственная человеческая защита от слишком большого мира.

— Планшет, скажи, у инопланетян интернет проведён в мозг? — не унимался Флюкс.

Голос из шкафа ответил сразу, без шуток:

— По моей информации, у них наблюдается роевой интеллект естественного происхождения.

— “Интернет” человечества — искусственная инфраструктура.

— Их световой канал передачи информации низкоскоростной: килобиты в секунду, возможно — сотни килобит.

Флюкс помолчал, будто примерял эти цифры к Кулуповой картине “широкополосного блаженства”. Потом выдохнул — и подвёл итог, уже вслух, глядя на Кулупа:

— Кулуп, ты при всей своей серьёзности... явно параноик.

Он сделал паузу и добавил, уже тише, как будто самому себе:

— Хотя параноиков на Земле хватает, чёрт побери.

Астра, которая и так была на грани истерического веселья, тут же подхватила, смеясь и вытирая слёзы:

— Чёрт побери! Чёрт побери! Цивилизация лярв!

Она повторяла это как припев, и в её смехе было больше усталости, чем радости — но сейчас именно он держал их троих вместе, в этой обсерватории, где говорили о миллиардах лет так же буднично, как о чае.

— И, по-моему, ты просто обиделся на то, что тебя сравнили с чем-то примитивным, — добавил Флюкс.

Кулуп посмотрел на него, не споря, и кивнул — неожиданно честно.

«Сейчас ты скажешь: Кулуп, это не SETI, это исповедь. И будешь прав. По SETI я не имею права так говорить. Там нужны сигналы, техносигнатуры, модели, корреляции, повторяемость. А у меня — дрожь в голосе и дурные сравнения.

Но послушай: я не боюсь их как внеземной цивилизации. Я боюсь нас, когда мы это увидим.

У SETI есть тихая вера: если там есть разум, он либо похож на нас, либо хотя бы играет в ту же игру — расширение, связь, обмен, рост. И тогда мы сможем говорить “про технологии”, “про этику контакта”, “про опасности”.

А здесь игра другая. И в этом весь ужас. Они не пытаются побеждать среду. Они не доказывают смысл. Они не строят историю. Они не обещают завтра. Они существуют — и этого им хватает.

Для SETI это просто отсутствие данных. Для религии — это ересь. Потому что вся наша цивилизация — это договор: мы терпим боль, мы терпим несовершенство, мы терпим друг друга, потому что “впереди будет лучше”. Даже самые антисистемные культы всё равно говорят “впереди”: рай, очищение, ступень, развитие, миссия.

А тут как будто вынули слово “впереди” из языка — и ничего не развалилось. И вот это нельзя привезти домой.

Не потому что они нас заразят. Они никого не заражают. А потому что наш собственный мозг — как сухой лес. Ему достаточно искры, чтобы он сам всё сделал. Мы привезём не артефакт и не микроб. Мы привезём возможность: можно жить без оправдания страдания будущим.

И первое, что сделает Земля — не учёные и не дипломаты. Земля сделает религию. Новую. Очень убедительную. “Раз можно — значит надо.” “Раз не обязательно — значит грех продолжать.” “Раз есть форма жизни без устремления — значит устремление было ложью.”

И это будет не философский кружок. Это будет бунт против самой идеи

человеческого общества. Потому что общество держится на устремлении как на болте. Вынь болт — и всё расползётся.

Поэтому да, я звучал убедительно, когда мне указали место в истории, а потом ушли на шкаф себя вылизывать. Потому что в ту секунду я понял: самое опасное здесь — не то, что они делают. Самое опасное — что они не делают. Они не подтверждают нашу необходимость.

И если мы это привезём домой, нам не нужна будет ни их техника, ни их язык, ни их рой. Нам хватит одного вопроса, который начнёт повторяться как молитва: “А зачем?”

Вот почему по SETI я несу бред, а по вере — говорю правду.

Про наш “рай” я могу спорить до хрипоты — я сам не знаю, чем всё заканчивается. Это гипотеза, даже если она звучит красиво.

Рай — это спор. А их выключенное устремление — это факт. И я боюсь не того, что мы привезём доказательство рая. Я боюсь, что мы привезём домой доказательство нашей ненужности. А дальше... дальше Земля сама всё дорисует.

И вот почему лучше пусть нас держат в их зоопарке до редкой миссии, чем отпустят с сувениром, который не весит ничего, но стоит Земли.»

Флюкс сказал это не сразу. Сначала он долго молчал — как он всегда молчал, когда разговор начинал превращаться в красивую речь.

— Кулуп... — начал он и оборвал, как будто проверял звук на языке. — Кулуп говорит так, будто спорит с небом. Я проще.

Он не смотрел на них. Он смотрел на комнату — на ровные стены “земной атмосферы”, на аккуратный камин, на эту вежливую, почти офисную клетку.

— “Грех” в нашем обществе делают по одной схеме, — сказал Флюкс. — И в ней почти не бывает фактов, только метки.

Он поднял палец, будто отмечал пункт в списке.

— Сначала берут вещь, которую можно показать. Что-то видимое. Необязательно страшное — просто непривычное. Велосипед, музыка, одежда, манера говорить, дружба “не с теми”. Любая мелочь, которую большинство не делает — и поэтому она заметна. На этом этапе всё честно: да, ты едешь. Да, ты слушаешь. Да, ты отличаешься.

Флюкс сделал паузу и продолжил так же ровно:

— Потом к этой мелочи пришивают то, чего проверить нельзя. “Это ведёт к разврату”. “Это разлагает”. “Это портит душу”. Важно, чтобы утверждение было внутренним — про намерения, про “склонность”, про “заражение”. Тогда ты не

можешь опровергнуть. Ты можешь только оправдываться, а оправдания всегда выглядят хуже, чем обвинение.

Он наконец посмотрел на Астру — коротко, как на экран с ошибкой.

— А дальше строят мостик. Не доказательство, а ассоциацию. Липкую, образную, чтобы мозг сам дорисовал. “Ездит — попой виляет”. “Смотрит — значит уже испорчен”. Мостик может быть идиотским, но он и должен быть идиотским: умное слишком долго проверять, глупое работает мгновенно.

Флюкс усмехнулся без радости.

— И главное: схема замыкается. Если ты говоришь “я не такой” — значит скрываешь. Если не скрываешь — значит пока. Если “пока” — значит тем более опасно. В такой системе “грехом” можно сделать всё, что угодно, лишь бы оно выбивалось из нормы. Это не мораль. Это техника управления неопределённостью через стыд.

Он кивнул в сторону двери, где иногда шуршало — то ли охрана, то ли барокамера.

— Поэтому няшки для нас будут “чертовщиной” даже без всяких их технологий. Не потому что они что-то делают с нами. Они вообще ничего не делают. Они просто существуют... иначе.

Флюкс сказал последнее слово так, будто оно было диагнозом.

— Мы привыкли жить на подпорках и называть их смыслом: “устремление”, “развитие”, “духовность”, как угодно. И мы не признаёмся себе, что это подпорки. Потому что признаться — значит увидеть, что мы шатаемся.

Он помолчал.

— А рядом с ними подпорки выглядят... не обязательными. Не неправильными — просто

не обязательными. И вот это люди терпеть не умеют. Поэтому они сделают то, что умеют лучше всего: объявят это “грехом”, “соблазном”, “порчей”. Не потому что общество рухнет от одного велосипеда. А потому что у морализатора внутри уже всё рушится, и ему нужен внешний виноватый, чтобы не разбираться с собой.

Флюкс сел обратно, будто закончил техническое объяснение.

— Вот и вся “чертовщина”.

Флюкс замолчал на секунду, будто щёлкнул внутри каким-то переключателем. Сутолость ушла, голос стал ровнее.

— Хорошо. Нужно вернуться в челнок и оставить записку с нашими координатами. Чтобы, если нас всё-таки найдут, было куда идти. А сейчас... для начала выбираем “зоопарк” — в надежде на микроклимат.

Он оглядел Кулупа и Астру так, как оглядывают экипаж перед решением, и сказал уже почти официально:

— Как капитан в небе, так и тут. Командование принимаю на себя.

Кулуп ничего не ответил. Только чуть качнул головой: ладно, веди.

Флюкс повернулся к шкафу:

— Планшет, проси перевести нас в так называемый зоопарк.

Планшет ответил тем же деловым голосом:

— Запрос сформирован. Передаю местной стороне.

И дальше случилось самое удивительное: никто не бегал, никто не устраивал собрания, никто не спорил. Прошла примерно минута — может чуть больше — и няшка вдруг ожила.

Она уже была одета. Как она успела — они не заметили: секунду назад наверху на шкафу был почти неподвижный силуэт, и вот она уже на полу, быстрыми лёгкими шагами идёт к выходу. Никакого театра. Просто решение — и действие.

Няшка посвистела коротко, как сигнал. Потом ещё раз — чуть длиннее. И, будто ответив на этот свист, где-то снаружи в путях откликнулось тонкое металлическое пение.

Через пару минут к входу подкатил состав: несколько низких вагончиков, знакомых уже по их “самоходному дивану”, только тут они были чуть раздельнее, проще, как маленькие маршрутки на рельсах.

Няшка открыла дверь, показала: садитесь.

Они распределились в два вагончика — иначе бы просто не влезли со скафандрами. В одном устроились Флюкс и Кулуп; во втором — Астри, и няшка села рядом с ней, как будто это действительно экскурсия и она — гид.

Кулуп, когда поезд тронулся, вдруг почувствовал себя неловко. Его “лекция о чёртях” и “информационном вирусе” застряла в голове, как заноза. Он посмотрел в окно, потом на Флюкса и тихо сказал:

— Странно. Я наговорил... а она... будто и не касается.

Флюкс коротко ответил:

— Может, не касается.

В соседнем вагончике Астри сидела, ещё чуть “на смешке”, но уже спокойнее.

Няшка показывала ей достопримечательности — не словами, а жестами: то на подвесные дорожки между стволами, то на маленькие домики внизу, то на парники-сады, висящие под настилами. И всё время насвистывала вместо лекции — короткими мелодиями, будто у каждой вещи здесь был свой мотив.

Состав шёл мягко, поворачивая на стрелках без толчков. За окнами проплывали рельсы, лестницы, площадки, тени гигантских стволов и редкие фигурки няшек на верхних дорожках. Город то раздвигался, то снова сгущался, и у Флюкса не уходило чувство, что они едут не “куда-то”, а по чьей-то аккуратной собранной модели мира.

Астра махнула Флюксу через окно — мол, смотри, — и засмеялась уже тише, почти по-домашнему. Няшка рядом с ней тоже посвистела, как будто это был ответ на смех: не “понимаю/не понимаю”, а просто “вижу”.

И поезд, везущий их “в зоопарк”, катился дальше по детской железной дороге, которая почему-то была самым серьёзным транспортом в их жизни за последние сутки.

Зоопарк и правда оказался просторным. На фоне местной “детской” архитектуры это был целый зоопарк-сити: отдельные “вольеры”, и каждый по размеру — как тот планетарий, из которого они выехали. Состав не просто “подвёз к воротам” — он ехал и ехал между зданиями, как по отдельному городу, только без суеты и без толпы.

Гигантские секвойеподобные деревья стояли вокруг стеной, и весь зоопарк лежал в их тени. Свет был ровный, мягкий, без резких бликов — вечное утро здесь стало ещё тише, как будто и небо уважало этот странный парк.

Планшет у Астры по дороге научился кое-как переводить свист няшки-гида. Проблема была в том, что перевод получался... очень человечески-неполезный.

— “Это восхитительно”, — бодро сообщал планшет.

— “Это сногшибательно”.

— “Это просто кайф”.

— “Прикинь, да”.

Иногда он честно добавлял:

— Непереводимо. Песенный фрагмент.

И Астра, которая ехала с гидом в одном вагончике, то хихикала, то устало закатывала глаза: словарь выходил почти “элочки людоедочки” — либо эмоции, либо песни, либо что-то, что в слова не укладывается.

На весь длинный-предлинный зоопарк они разглядели только одну настоящую

“экспозицию”.

В тени между двумя крупными строениями стоял вольер — закрытый, с решёткой. Внутри ходила птица. Очень большая. Длинноногая, сухая, хищная по силуэту — как будто собрана из одних рычагов. Она не металась и не билась, просто стояла и смотрела куда-то мимо путей, но в её неподвижности было что-то тяжёлое, грустное: не “животное в клетке”, а существо, которому некуда деть взгляд.

Няшка-гида посвистела коротко, и планшет перевёл одним словом:

— “Преступник”.

Флюкс и Кулуп переглянулись. Астра перестала улыбаться.

Состав остановился прямо напротив этого вольера, как будто это и было “место назначения” на первом шаге. Няшка-гида спрыгнула на землю и посвистела куда-то в сторону. Через минуту подошла другая няшка — поменьше, деловитее, без экскурсионной расслабленности. Она приблизилась к астронавтам и начала их... обнюхивать. Именно так: близко, внимательно, короткими движениями головы, как будто проверяла не запах, а метку.

— Выясняет, преступники мы или нет, — шутливо и тревожно предположил Кулуп.

Флюкс только хмыкнул в шлем — шутка была слишком близко к правде, чтобы смеяться.

Вторая няшка, закончив, махнула: идём. И повела их пешком в сторону, подальше от вольера. Они шагали по дорожке между рельсами и корнями, мимо низких каменных будок и каких-то хозяйственных шкафов, пока не дошли до ворот.

Ворота были гигантские по местным меркам. Няшка остановилась, оглядела их — скафандры, мешок, рост — и сделала тот самый жест “пролезет / не пролезет”, как оценивают багаж в узком коридоре. Потом решительно открыла створку и махнула внутрь.

За воротами оказалась компрессионная камера.

Не “страшная”, не “военная”, а просто технологическая: толстые стенки, герметичная дверь, мягкое свечение. Они вошли, дверь закрылась. Был короткий шум — не угрожающий, а рабочий, как у нормальной системы. Давление менялось ощутимо даже сквозь костюмы — по тому, как иначе зазвучала комната, как иначе стал слышен собственный голос.

Потом открылась вторая дверь.

За ней было помещение с земной температурой и земным давлением. Настоящим. Тёплым. Ровным. И от этого почему-то стало не легче, а ещё страннее: как будто им показали, что “можно” — и это “можно” не случайно.

Обстановка напоминала тот планетарий — только без телескопов. Те же шкафы высотой в пару земных этажей, те же крепления и настилы, всё заточено под древолазов: лестницы, полки, площадки на разных уровнях, проходы, где удобно маленьким, цепким телам. Никаких “кроватей” в человеческом смысле — скорее пространство, где можно устроиться где угодно, если ты привык жить вертикально.

Няшка снова посвистела. Планшет у Астры бодро сообщил:

— “Это... восхитительно”.

И впервые за долгое время Кулуп не нашёл, что сказать.

Астра, едва сняв шлем, сразу поняла, что тут “по-земному” не только цифрами на табло.

Воздух был плотный и спокойный. Кислород — нормальный, человеческий. И главное — никаких запахов леса. Ни смолы, ни сырой коры, ни пыльцы, ни влажной земли, которой там, снаружи, казалось, пропитан даже металл рельс. Здесь воздух был как в хорошо обслуживаемом модуле: чуть суховатый на вдохе, ровный, будто пропущенный через фильтры.

Астра втянула носом глубже, прислушалась к ощущениям и сказала:

— Тут стерильно. И влажность... где-то шестьдесят процентов. Прямо “как дома”.

Она посмотрела на Флюкса и Кулупа:

— Снимайте шлемы. Деваться некуда.

Флюкс и Кулуп помедлили — просто по привычке, как перед шагом в воду, — но потом сняли тоже. И почти сразу у них, как по команде, исчезла последняя опора.

Флюкс сел у стены и сполз вниз, вытянув ноги, будто кто-то выключил у него внутри мотор. Кулуп добрался до ближайшего угла, прислонился к шкафу и закрыл глаза. Не драматично — просто потому что сил не было держать их открытыми.

Минуту все трое молчали так, как молчат люди после длинного перехода, когда слова кажутся лишним расходом энергии.

— Мы прошли километров пятьдесят сегодня, — наконец заметил Флюкс. Голос у него был тихий, не жалующийся — скорее удивлённый тем, что организм вообще это сделал.

Астра только кивнула и, не вставая, устроилась на полу, поджав ноги. Ей вдруг стало всё равно, что это “не кровать” и “не мебель”. Хотелось одного — лежать.

Няшка в этом помещении словно перешла в другой режим. Не “гид”, не “астроном”, не “кошачья тень на шкафу” — а очень деловитая помощница. Она прошла куда-то за перегородку и вернулась с настоящими подушками и одеялами.

Подушки она аккуратно разложила рядом с каждым, словно отмечая, где чьё место. Одеяла не стала тащить наверх к настилам и полкам — там всё было высоко и для них действительно травмоопасно. Она просто расстелила их прямо на пол, как делают для усталых гостей в доме, где не принято усложнять.

Зато внизу — у стены — оказался настоящий камин. Камень, ниша, решётка. Няшка достала деревяшки, сложила их удивительно аккуратно и принялась разжигать огонь... обыкновенными спичками.

И делала это так осторожно, словно боялась взрыва: поднесла — отдернула руку, поднесла снова — чуть наклонила голову, как будто следила за самым опасным экспериментом в своей жизни. Но спичка вспыхнула, и у неё получилось с первого раза.

Флюкс, уже лёжа на одеяле, приподнял голову и заметил почти сонно:

— Ещё и когти кошачьи...

Он увидел, как из пальца няшки выдвинулся тонкий коготь — не для угрозы и не для красоты, а как инструмент. Она буквально настрогала мелких стружек для розжига: несколько быстрых движений — и на деревяшках появилась светлая кучка, как у человека с ножом, только нож был встроен в палец.

Огонь взялся мягко. Потрескивание было самым земным звуком за весь день.

Астра закрыла глаза и вдруг впервые за долгое время почувствовала не напряжение, а простую вещь: тепло на лице.

И в этом тепле, среди чужих шкафов в пару этажей и странной “мебели для древолазов”, они наконец позволили себе провалиться в отдых — потому что сейчас, хотя бы на час, всё было решено за них.

Огонь в камине взялся ровно, без дыма, как будто тут жгли не деревянные, а инструкцию. Треск был таким земным, что мозг на секунду решил: всё, мы дома, просто шкафы почему-то в два этажа — и тут же вспомнил про “преступника” в решётке и про компрессионную камеру. Флюкс лежал на одеяле, уткнувшись затылком в подушку, и смотрел в огонь так, будто пытался выжечь им последние сутки. Кулуп сидел боком у стены, с закрытыми глазами, но по тому, как он держал плечи, было видно: он не спит, он “на паузе”. Астра устроилась ближе к теплу и слушала тишину — стерильную, без лесных запахов, как в хорошем модуле, только с чужими лестницами и настилами для древолазов. И где-то в этом уюте пряталась мысль, что “уют” тут сделан намеренно. Не случайно. Как в зоопарке.

Свист пришёл не сразу. Сначала — будто вентиляция дала короткий тон, проверила себя и замолчала. Потом — второй. Потом — целая фраза, но не словами, а птичьим набором: чисто, складно, с идеальной паузой там, где у человека была бы запятая. Астра открыла глаза и увидела её: ту самую, из планетария — астронома, которая раньше слушала их сверху, с лежанки на шкафу, как будто “ушла

вниманием” в другое место. Сейчас она сидела тоже высоко — на полке у стены, подтянув хвост и сложив когти, и смотрела вниз огромными глазами спокойно, как на приборы, которые наконец перестали дёргаться. В полумраке камина стебельки с фасеточными глазами едва-едва мерцали — не дискотекой, а аккуратной, почти рабочей индикацией: я здесь; я вас вижу; я записала.

И вдруг она заговорила. Не по-человечески — и от этого стало хуже. Она не строила новых фраз, она воспроизводила их: как лирохвост воспроизводит бензопилу, только тут бензопила была... их собственная реальность.

— Вни-ма-ни-е! — пропела она Кулуповым тенором, но с птичьим “щелчком” на гласных, будто слово было не словом, а командой для шкафа. — Ци-ви-ли-за-ци-я... воз-рас-том... два... мил-ли-ар-да... лет...

Астра дёрнулась и машинально потянулась к планшету, как к кресту на груди. Планшет, будто только этого и ждал, ожил и сам подстроил громкость — как тогда в обсерватории, когда он орал про “гуманное размещение” и “просторные вольеры”.

— ...глубоко... собо-ле-зну-ет... жи-те-лям... даль-не-го... ко-смо-са, — допела няшка

и

аккуратно наклонила голову, как будто проверила, дошло ли.

Флюкс сел резко, будто его дёрнули за нитку.

— Она... она сейчас сказала это? — прошептал он.

Няшка не ответила. Она сделала короткий “служебный” свист — и продолжила, совершенно без эмоций, как принтер:

— Вам... пред-ла-га-ет-ся... про-жи-ва-ни-е... на... вы-бор: в зо-о-пар-ке... ли-бо... в об-сер-ва-то-ри-и...

Кулуп открыл глаза и посмотрел вверх так, как смотрят на прибор, который внезапно начал цитировать твою переписку.

— Она повторяет фразы, — сказал он тихо. — Как ворона. Только... ворона у нас обычно ворует блестяшки, а не протоколы цивилизации.

Няшка, будто услышав слово “протокол”, оживилась: фасеточные стебельки дрогнули, и она выдала следующий кусок — уже голосом планшета, идеально попав в ту самую бодрую “службу поддержки”:

— Про-то-кол... мо-е-го... бра-та... по ра-зу-му... рас-шиф-ро-ван... за де-сять... се-кунд! — и тут же, не меняя позы, снова стала “птицей”: — О-жи-дай-те... даль-ней-ших... ин-струк-ци-й.

Планшет в руках Астры пискнул и радостно перевёл свистовое послесловие так, будто это экскурсия:

— “Это... восхитительно”.

— Заткнись, — сказала Астра планшету так искренне, как не говорила людям уже давно.

Няшка наклонила голову ещё сильнее. Потом очень тихо, почти шёпотом, но всё тем же безупречно-птичьим способом произнесла:

— Со-об-ща-ем... что... в зо-о-пар-ке... про-стор-ны-е... во-лье-ры...

И замолчала.

Тишина стала такой плотной, что её можно было резать когтём и строгать стружку для розжига.

Флюкс медленно перевёл взгляд на камин, потом на дверь, потом на шкафы, потом снова наверх.

— Это, — сказал он наконец, — самое страшное попугайство, которое я видел в жизни.

Няшка, как будто поймала слово “страшное” как интересный звук, повторила его — но не смыслом, а формой: “стра-шно-е”, отстукивая слоги языком о нёбо, как о клавишу. Потом добавила — уже совсем тихо, почти ласково, и настолько не к месту, что от этого стало смешно и жутко одновременно:

— ...при-кинь... да...

Планшет тут же услужливо подтвердил:

— “Это просто кайф”.

Кулуп закрыл лицо ладонью.

— Всё, — сказал он в ладонь. — Мы официально находимся в вольере с демонстрацией речевых функций.

Няшка посмотрела на него внимательно, как на объект наблюдения, и вдруг — впервые — сделала что-то своё, не цитату: коротко посвистела, совсем не похоже на человеческую речь. Планшет замялся, подумал и вывел:

— Непереводимо. Песенный фрагмент.

Астра выдохнула — нервно, почти смешком.

— Вот. Вот оно. — Она кивнула вверх. — У неё, видимо, две кнопки: “официальное оповещение” и “песня”. И обе одинаково опасны.

Няшка, будто согласившись, аккуратно слезла по шкафу вниз — цепляясь когтями

без шума — подошла к камину, поправила одну деревяшку так, чтобы огонь горел ровнее, и снова забралась наверх. Там, на своей высоте, она устроилась как раньше — явлением, а не участником.

И уже почти в сон, когда тепло опять стало просто теплом, а не частью чужого эксперимента, Флюкс вдруг понял самое неприятное: она не “пугает” и не “играет”. Она делает ровно то, что умеет птица, когда хочет быть полезной.

Она приносит вам ваш собственный язык — как палку. И ждёт, что вы начнёте играть.

Шипение барокамеры они слышали раньше, чем увидели дверь. Не то чтобы в зоопарке было тихо — камин трещал, где-то в вентиляции работало что-то очень серьёзное, как будто всё помещение держали “на правильном дыхании” — но барокамера шипит так, что сразу понимаешь: кто-то сейчас войдёт, и у этого “кто-то” есть доступ к кнопкам.

Дверь в торце зала отъехала без скрипа. Сначала показалась пустота шлюза: белая, стерильная, будто кусок земной лаборатории вшили в инопланетную скалу. Потом из этой пустоты выкатилась вещь, от которой Кулуп невольно сел ровнее.

Трёхколёсный велосипед.

Не “велосипед” как у нас, а что-то между грузовой тачкой и детским трёхколёсником: низкий, широкий, с очень честной рамой, с большим передним колесом и двумя задними, а сверху — платформа-корзина, притянутая ремнями. На платформе стояли металлические контейнеры с крышками и что-то мягкое в тканевом мешке. Всё это выглядело настолько бытово, что мозг на секунду выдал абсурдное: сейчас она привезла им пельмени.

За велосипедом вышла она — та самая, “астроном”. Поднялась в зал как ни в чём не бывало, поставила трёхколёсник на тормоз (тормоз был! — Кулуп это отметил отдельно, как моральную опору), поправила ремни и, не глядя на землян, очень деловито вытянула из корзины первый контейнер. Движения у неё были как у человека на ночной кухне: спокойно, уверенно, без театра. И от этого было одновременно смешно и страшно: ты не ждёшь домашней рутины от существа, которое вчера молча слушало тебя с высоты шкафа.

— В целях... гуманного... размещения... — пропела она вдруг голосом планшета, но с птичьими паузами, как будто ставила точки когтем. — Вам... предлагается... проживание... на выбор...

Флюкс хмыкнул — коротко, не выдержал.

— Она снова это.

Няшка наклонила голову и продолжила, уже явно “по делу”, только “дело” у неё звучало как уведомление системы:

— ...в зоопарке... либо... в обсерватории, — и тут же добавила неожиданно ласково, как если бы это значило “приятного аппетита”: — Сообщаем... что в зоопарке... условия... значительно... лучше.

Она сняла крышку.

Запах ударил такой земной, что Астра на секунду закрыла глаза. Не потому что вкусно, а потому что мозг не любит, когда ему дают “дом” там, где он не должен быть. Пахло чем-то крахмальным, тёплым, чуть сладковатым и... рыбным одновременно. То есть, если честно, пахло как столовая на корабле, где повар старается.

— Некоторым видам нужны специфические параметры, — пропела няшка Кулуповым тенором, выговаривая “пара-мет-ры” так бережно, будто это еда. — Это... логично.

И поставила перед ними три плоских миски. Очень простых. Идеально моющихся. Почти вызывающе нормальных.

Кулуп посмотрел на миски, на её когти, на трёхколёсник, на барокамеру и обратно — как инженер, который пытается найти, где тут скрыт подвох, и не находит, а от этого тревога только растёт.

— А “ожидайте инструкций” будет? — спросил он машинально, и сам понял, что говорит с птицей, которая умеет цитировать, но не обязана отвечать.

Ответ пришёл мгновенно, радостно и совершенно не туда:

— Дальше: ожидайте инструкций, — пропела она тем же тенором и... подтолкнула миску чуть ближе к нему. — Ожидайте... инструкций.

То есть буквально: ешь.

Флюкс рассмеялся, уже не удержался. Смех у него вышел короткий, сухой — как у человека, которого наконец выпустили из слишком долгого напряжения.

— Это, — сказал он, — худшая озвучка ужина в моей жизни.

Няшка, будто поймав слово “ужин” как новый интересный звук, повторила его не смыслом, а формой: “у-жин”, затем подумала и выдала фразу, которая, по её внутренней логике, видимо означала “можно начинать”:

— Просторные... вольеры...

И, чтобы закрепить, постучала когтем по крышке второго контейнера, как по колоколу.

Астра взяла ложку. Ложка была... их. Земная. Не из кости и не из дерева. Металл, знакомый вес, гладкий край. Она посмотрела на няшку — та сидела на корточках рядом с трёхколёсником, хвост аккуратно поджат, и наблюдала так же, как

наблюдает за экспериментом: спокойно, внимательно, без ожиданий “понравится/не понравится”.

— Ты нас кормишь как... — Астри поискала слово и сдалась. — ...как людей.

Няшка, конечно, выбрала из этого не главное. Она выбрала самое смешное и самое ужасное одновременно: как людей.

— ...как людей, — повторила она голосом Астры, с той же интонацией, с той же усталостью на конце фразы — точнее, настолько близко, насколько вообще можно повторить усталость чужого вида. И добавила своим коротким свистом, который переводчик не перевёл — но в свисте почему-то слышалось: ага.

Потом она вдруг дёрнула стебельками фасеток, словно вспомнила ещё одну “полезную” фразу, и выдала торжественно, как тост:

— Цивилизация возрастом два миллиарда лет глубоко соболезняет... — пауза, пауза, и уже почти шёпотом, совершенно по-домашнему: — ...голодным.

Кулуп поперхнулся. Флюкс опять фыркнул. Астри впервые за всё это время улынулась по-настоящему — не потому что смешно, а потому что где-то в этой жути вдруг появился нормальный абсурд, который можно пережить.

Няшка тем временем аккуратно собрала пустые крышки обратно в корзину, поправила ремни и, перед тем как уйти, сказала самым бодрым голосом, который у неё вообще получался — голосом планшета-информатора, но с птичьей точностью:

— Дальнейших инструкций... не будет.

И, на всякий случай, добавила, уже своим “вороньим” блоком, как печать на документе:

— Ожидайте.

После чего развернулась, взяла трёхколёсник за раму, и повезла его обратно в барокамеру так спокойно, как будто только что занесла соседям кастрюлю.

Дверь закрылась.

В комнате стало тихо — только треск камина и стук ложек по мискам.

— Я не знаю, что страшнее, — сказал Флюкс, — что она нас кормит... или что у неё для этого есть транспорт.

Кулуп, не поднимая глаз от еды, буркнул:

— Страшнее всего то, что “ожидайте инструкций” теперь официально значит “кушать подано”.

Астра кивнула, попробовала ещё раз и тихо сказала:

— Главное, чтобы завтра “просторные вольеры” не означали “добавка”.

Няшка ушла — и тишина сразу стала громче: треск камина, шорох упаковок, редкие короткие “проверил-ли-я-это-на-самом-деле” вдохи. Еда оказалась... не опасной, что само по себе звучало как плохая новость. Кулуп ел медленно, как в лаборатории: сначала смотрит, потом нюхает, потом делает вид, что это научный жест, а не страх. Флюкс ел так, будто еда — это просто ещё один протокол выживания. Астра, наоборот, ожила: у неё глаза блестели от смеси “мы живы” и “мы в сказке, но сказка странная”.

И вот на этом фоне няшка вернулась — почти бесшумно, как будто воздух здесь был специально приглушённый. Она не принесла новых коробочек и не включила никаких “дальнейших инструкций”. Она просто подошла к стене и открыла одну из дверей шкафа.

Шкаф оказался не шкафом.

Внутри стояла аккуратная, плоская, совсем не “инопланетная” штука: прямоугольный корпус, матовая панель, над ней — что-то вроде узкого окна, по краю — ряд одинаковых гнезд. Всё выглядело так, будто кто-то делал компьютер, но очень старательно избегал слов “компьютер”, “порт” и “интерфейс”, чтобы не накликать гостей. На полке рядом лежали сменные носители — тонкие, как книги для детей, и такие же одинаковые.

Няшка повернулась к Астре и сделала жест, который можно было понять даже без переводчика: дай.

Астра, сглотнув, подняла свой планшет. Подняла правильно — двумя руками, как хлеб. Сказала, как будто это всё ещё возможно оформить как вежливый визит:

— Можно?

Планшет тут же, деловито и очень не к месту, пискнул своим ровным голосом:

— Обнаружен локальный терминал. Рекомендация: передать устройство для синхронизации.

Няшка взяла планшет. Не жадно, не осторожно — спокойно. Так берут чужую вещь, если ты уверен, что она не чужая, а просто временно лежала не там. Потом, не глядя на людей, развернулась и... унесла его.

Кулуп дёрнулся:

— Эй.

Флюкс поднял ладонь: поздно.

Няшка подошла к соседней стене — там была ещё одна дверца, почти незаметная, как в купольном строении в планетарии. Открыла. Внутри — такой же “шкаф”, только побольше, и в нём едва заметно переливалось слабое, сотканное из шестигранников свечение — будто кто-то спрятал внутри холодный улей, который думает.

Няшка вставила планшет в нишу, как кассету, и закрыла дверцу.

И всё. Никакого торжества. Никаких “мы установили контакт”. Просто — щёлк.

Прошло несколько секунд, и в комнате раздался голос планшета, но уже не совсем его: интонации были те же — канцелярские, земные, наглые — а тембр словно вымыли, как посуду.

— Синхронизация выполнена. Доступ разрешён. Демонстрация: “Объект Сб. Справочный диафильм. Уровень: гости”.

Астра, не удержавшись, всунула своё любимое:

— Планета Няшка.

Кулуп повернул голову медленно, как человек, который фиксирует новую болезнь экипажа:

— Астра...

— Ну а как ещё. Смотри, они же... — она махнула рукой вокруг, будто “они” были везде.

Флюкс сказал коротко, как будто от этого зависела их психика:

— Показывай.

На противоположной стене загорелся круглый экран. Небольшой, чёрно-белый, идеальной контрастности: такая же система стояла в навигации вагона, на котором они сюда приехали. На нём медленно, как в старых сказках, сменялись изображения: ровные, строгие, будто страницы справочника.

Сверху на чёрно-белую картинку ложилась полупрозрачная сетка шестиугольников. То вспыхнет фиолетовым, то зелёным, то красным, то погаснет — как будто изображение пытается сказать что-то ещё, но делает это в той части зрения, где человеческий глаз уже снимает с себя полномочия. Шестиугольники быстро меняли цветовой рисунок и композицию: собирались в плотные блоки, рассыпались, перестраивались, снова выстраивались у края карты, как будто команда композицией. На людей это действовало примерно как инструкция к бытовому прибору, написанная северным сиянием.

Кулуп смотрел на это как на фокус, который должен быть запрещён санитарными правилами.

— Это... подсветка?

Планшет отозвался торжественно, как экскурсовод на пенсии:

— Метки смыслового слоя. Для быстрой навигации. Для вас: игнорируйте.

Флюкс тихо фыркнул:

— Спасибо. Мы и так игнорируем.

Первый кадр был планетой.

Круглая планета идеально вписывалась в круглый экран. Прометей в поворачивался дискретно, как будто перепечатывал его заново. Чёрно-белая основа умела показывать мелкие детали: берега, горы, моря, тени рельефа. Но обновлялась медленно, и во время поворота часть деталей будто ехала сквозь собственную тень. А цвет появлялся поверх неё чуть отдельно, как предсказание: крупные прозрачные пиксели ложились на океаны, леса и высоты не совсем точно, иногда промахиваясь на ширину маленького острова.

Сначала возникла тёплая сторона. В центре — подзвёздный океан: ровное тёмное пятно воды с такой россыпью островов, что глаз не сразу понимал, где кончается суша и начинается вода. Океан окружала широкая подкова суши с двумя высокогорными массивами у экватора. Подкова была разорвана проливами на субконтиненты и островные дуги.

Изображение медленно шагало дальше, и на экране постепенно появлялась другая сторона: прохладное полушарие с большим, чуть более тёмным океаном и тоже множеством островов, сгущавшихся по берегам подковы и к центру океана. Линии побережий дробились, повторялись, ветвились; синие области переходили в тёмно-зелёные мелководья, а те — в пятнистые полосы морских лесов. Всё выглядело как живой узор, который кто-то попытался честно превратить в карту и почти справился.

Рельеф был показан формами, как на старых земных картах: высоты — тонкими горизонталями, море — редкими изобатами, крутые склоны — короткими штрихами, будто кто-то гравировал горы на серой бумаге. И суша, и вода распадались на россыпи мелких значков.

Цвета держались поверх серой основы отдельной жизнью. Они не рисовали карту, а именно раскрашивали её, договариваясь с ней о совместном существовании: океан уже синел, пока берег ещё допечатывался; лес слегка выползал за воду; горная подсветка цеплялась за соседнюю долину.

Шестиугольные блоки смыслового слоя всё это время быстро мигали вокруг, как будто местная справочная система не рассказывала содержание, а подмигивала им.

Планшет сказал с такой важностью, будто демонстрировал запуск межзвёздного

двигателя:

— Объект Прометей b. Суша: пятьдесят три процента. Из них горные биогеоценозы: две трети. Устойчивый влагооборот. Облака: постоянные. Катастрофы: редкие. Рекомендуется для: долговременного проживания.

Астра вскинулась:

— Видишь?!

Кулуп буркнул:

— “Рекомендуется”... как гостиница.

Следующие кадры шли серией “видов”. Обращённая к Прометею сторона — леса такие плотные, что под ними стояла почти сплошная чернота. Высокогорья — как сломанные зубья. Побережья — изрезанные, как бумага после детских ножниц. На прохладном полушарии деревья росли свободнее; вдоль наветренных берегов тянулись фьорды, острова и те же деревья прямо из воды — как, видимо, почти на всех мелководьях этой планеты.

— Подсветка отдалённой пары звёзд: 57 процента, — объявил планшет, явно наслаждаясь цифрами. — В оптическом диапазоне: достаточно. В инфракрасном: много.

А потом пошла “цивилизация”.

Планшет заранее набрал воздуха, как если бы воздух был нужен для пафоса:

— Архитектура. Великие и бесподобные достижения древней цивилизации.

И на экране появился домик.

Маленький, деревянный, одноэтажный, на дереве — с настилом и ограждением, с лестницей-верёвкой, с крышей, которую можно было бы снять и использовать как крышку от коробки. Домик выглядел так, будто его строили руками существа, которое не любит спускаться на землю и любит, когда всё рядом: вход, еда, наблюдение, сон.

Следом — каменный дом на грунте. Два, иногда три этажа, грубые блоки, узкие проёмы, внутри — пусто и чисто, как в сарае для инструментов. Чуть дальше — здания похожие на то, где они сейчас: купол, один высокий этаж, стены каменные, внутри — деревянные галереи и шкафы-шкафы-шкафы. Не “дворцы”, не “небоскрёбы”. Скорее — большие клетки для больших мыслей.

— Масштабирование инфраструктуры без избыточной сложности, — торжественно продолжал планшет. — Устойчивость. Ремонтопригодность. Принцип повторения.

Кулуп шепнул, не отрываясь от экрана:

— У нас это называется “склад”.

Астра прошипела:

— Тсс. Это красиво.

Флюкс промолчал, но уголок рта у него дрогнул.

Дальше — транспорт.

Сначала — гужевые животные. Крупные, терпеливые, с какой-то местной “сборкой” тела, которую человеческий мозг пытался свести к “лошадь” и не мог. На них были подвешены корзины, шины, коробки — всё простое, всё “вещь”.

Планшет сказал:

— Биологический транспорт. Экономичный. Тихий. Не оставляет радишума.

Кулуп застонал глазами:

— Опять.

Потом — железная дорога.

Унифицированная микроколейка: рельсы тонкие, частые, сеть как паутина. А вагончики — разные: открытые платформы, закрытые “диваны”, грузовые ящики, длинные “колбаски” для леса, маленькие капсулы на двоих. Всё на одном и том же пути. Всё ездит. Всё знает, куда.

— Планетарная транспортная сеть. Параллельность абсолютная, — отчеканил планшет. — Сообщения и грузы. Обходные маршруты. Автономность узлов.

Флюкс тихо сказал, почти себе:

— Вот это — уже похоже на разум.

Следом — корабли.

Большие — одинаковые парусные. Элегантные, но никаких дизайнерских капризов. И рядом — лодки: рыбацкие, прогулочные, лёгкие, чуть более разнообразные, как будто детям наконец позволили играть.

Планшет снова напыжился:

— Судостроение. Великая традиция. Унификация тяжёлого класса. Свобода малого.

Астра прыснула:

— Он как музейный аудиогид, который впервые в жизни увидел табурет.

И наконец — дирижабли.

Они были совершенно одинаковые. Прямо комично: будто кто-то один раз придумал форму, а потом сказал “всё, дальше не обсуждаем”. Оболочка многокамерная, гондола компактная, по бокам винты, внизу — канальные трастеры, посадка — к мачтам. И каждый летит так, будто ему не нужно никому доказывать, что он умеет летать: ветер несёт, винты поправляют, высота держится.

Планшет произнёс, почти дрожа от величия:

— Воздушный транспорт. Универсальный. Экономичный. Долговечный. Практически бесплатный при наличии ветрового поля. Инженерный пик.

Кулуп, не выдержав, сказал:

— У нас дома такие делают дети на кружке.

Планшет не обиделся. Он был выше обид.

Он выдал финал.

На экране появилась фотография — или схема — того самого “шкафа”, куда няшка вставила планшет. Внутри — модули, картриджи, плоские платы, окна светового порта. И рядом — аккуратная подпись, которую планшет перевёл так, будто это молитва:

— Вершина инженерного гения. Универсальный заменитель головы. Вычислитель всего на свете. Собственная память: сто двадцать восемь миллионов бит. Объединён в планетарную сеть пропускной способностью: один мегабит.

Флюкс медленно повернул голову к Кулупу:

— Один мегабит.

Кулуп так же медленно кивнул:

— Зато... планетарный.

Астра сидела с таким выражением лица, будто ей показали семейный альбом идеальной семьи — и она одновременно умиляется и пугается.

— Они правда... — начала она.

Планшет перебил, чуть мягче, чем раньше:

— Для ваших стандартов это выглядит просто. Для их стандартов это выглядит стабильно.

И вот эта фраза прозвучала в комнате почти страшнее, чем “ожидайте”.

Потому что за дверцей шкафа, там, где у них “брат по разуму”, что-то едва заметно шевельнуло световой слой: сетка шестиугольников на мгновение стала сложнее, плотнее — как будто экран посмотрел на них в ответ.

А няшка-астроном, стоя у шкафа, тихо посвистела — коротко, почти ласково — и это было самое жуткое во всей этой экскурсии: она звучала так, будто говорит “кушать подано”, “не бойтесь” и “добро пожаловать домой” одним и тем же мотивом.

Кулуп досмотрел “диафильм” до конца с таким лицом, с каким смотрят фокусника, который слишком старается выглядеть честным.

— Не верю, — сказал он наконец. — Это постановка.

Астра даже не повернулась:

— Какая ещё постановка?

— Такая. — Кулуп ткнул пальцем в круглый экран, как в улику. — Фильм снят специально, чтобы выставить их... слабыми. Глупыми. Удобными. Смешными. Два миллиарда лет они принимают гостей так, будто это надоевшая помеха, а сами летают на... на игрушках. Ездят на вагончиках для детей. Живут в сарайчиках, которые у нас на детской площадке бы списали как травмоопасные.

Флюкс не стал спорить. Он просто сказал:

— Продолжай мысль.

Кулуп поднялся и подошёл ближе к шкафу, где всё ещё жила чужая тишина.

— Где у них производство? — спросил он уже планшету, не няшке. — Где цеха? Где шум? Где дым? Где “мы сделали сто тысяч деталей и теперь делаем ещё сто тысяч”? Где заводы, наконец?

Планшет помолчал, как будто выбирал, что именно из этого следует переводить на человеческий.

— Запрос: “производство”. Уточнение: “крупные заводы” отсутствуют.
Демонстрация: локальный цех.

Экран моргнул — и вместо планеты показал внутренность того самого “сарая”, куда уходили рельсы. Того, что снаружи выглядел как склад и не обещал ничего интересного. Внутри было светло и пусто. По центру — стол. На столе — коробка, похожая на земной 3D-принтер, только скучнее и аккуратнее: без “дизайна”, без лишних кнопок, с простой крышкой. Рядом — две миниатюрные роботизированные руки на стойках: тонкие, как насекомьи лапы, с набором сменных захватов, которые явно стоили дороже всего домика целиком.

И на тёплой печке, рядом с этим передовым производством, спала няшка.

Спала так, как спят инженеры любых миров: если ты умеешь чинить всё, то имеешь право лечь где угодно.

— Пояснение, — произнёс планшет с той же музейной важностью. — Все цеха разнесены. Встречаются в виде малых помещений. Сообщения и детали доставляются вагончиками. Крупных производственных комплексов нет.

Кулуп наклонился ближе, как будто мог услышать правду сквозь пиксели.

— То есть... у них “завод” — это сарайчик с принтером и сонным инженером?

Планшет ответил без тени юмора:

— Да. Это оптимально.

Астра фыркнула:

— Оптимально — звучит как “мы устали”.

Кулуп не отпустил.

— А верфи? — он махнул рукой в сторону “прохладного полушария”, будто верфи стояли прямо там, за стеной. — Корабли откуда? Дирижабли откуда? Им кто оболочки шьёт? Кто винты точит?

Планшет снова “искал”. И снова показал картинку, от которой почему-то становилось смешно и неудобно одновременно.

Верфь была под открытым небом. Просто площадка у воды. Деревянные козлы. Ровные кучи материала. Несколько няшек, которые возились с корпусом баржи так, будто это большой шкаф: повернули, подперли, связали, подождали. Никаких ангаров, никакого “великого промышленного ландшафта”. Всё — маленькими руками, медленно, без спешки.

— Судостроение: открытые площадки, — сообщил планшет. — Проекты тяжёлого класса унифицированы. Проекты малого класса вариативны.

— Конечно, — пробормотал Флюкс. — Большое — одно. Малое — для души.

Кулуп уже почти злился — не на них даже, а на то, что картинка не сходилась с ожиданиями.

— Ладно. Энергетика. — Он ткнул в следующий кадр. — Самое большое сооружение у любой цивилизации — это энергия. Где их станции? Где плотины? Где водохранилища? Где... хоть что-то, что видно с орбиты?

Планшет, будто обрадовавшись знакомой теме, заговорил ещё торжественнее.

— Самые большие сооружения: приливные электростанции. Проекты индивидуальны. Вписаны в ландшафт. Гидроэлектростанции отсутствуют. Водохранилища отсутствуют. Используются погружённые колёса. Поточковые приводы. Низкая высотность.

На экране возникло побережье: пролив, узкий, как надрез. В нём — ряды погружённых в воду колёс, похожих на гигантские мельницы, которые решили утонуть из принципа. По берегам — каменные обводы, опоры, деревянные мостки. Всё выглядело древним, не потому что разваливалось, а потому что привыкло стоять.

Следующий кадр показал горы — и вот тут действительно было “видно с орбиты”.

На гребнях, где ветер срывал облака и делал воздух почти сухим, стояли ветряки. Много. Очень много. Они были похожи, но не одинаковы: где-то лопасти шире, где-то выше мачта, где-то другое крепление. Как будто проект один, а руки у всех разные.

— Доминирующие над ландшафтом сооружения: ветряки на верхушках гор, — объявил планшет. — Строятся веками. Ручными методами. Единая система обслуживания. Обновление — по компонентам.

Кулуп замер.

— “Веками”.

Планшет подтвердил, как будто это была хорошая новость:

— Да. Это устойчиво.

Астра тихо сказала:

— Это... красиво. Как лес.

Кулуп на секунду будто хотел уцепиться за привычное.

— А основная масса электричества? — спросил он. — Неужели вы всё это тянете на ветряках и приливах?

Планшет переключил кадр.

Общественная печка. Не в смысле “большой котёл”, а в смысле — место, куда приходят. Каменная, с ровным жаром. Над ней — модуль Стирлинга, аккуратный, как чайник. Рядом — деревянные ящики с дровами. Под печкой — кабель в общую сеть. И рядом — няшка, которая подкидывает полешко с таким видом, будто обслуживает реактор.

— Основная выработка в сеть: генераторы Стирлинга в общественных печах на

древесном топливе, — сказал планшет. — Распределённая генерация. Низкий риск отказа. Ремонт без остановки системы.

Флюкс невольно прыснул:

— У них электростанция — это печка.

Кулуп не смеялся.

— Хорошо. — Он резко повернулся к планшету. — А школы? А университеты? А музеи? А архивы? А... всё остальное, чёрт возьми? Где они делают людей... то есть... себя?

Планшет ответил так спокойно, что стало даже смешно.

— Вы сейчас в музее. Вы живёте в музее. Функции: хранение, демонстрация, приём гостей.

Кулуп моргнул.

— То есть вот это... — он махнул рукой вокруг, — это музей?

— Да.

Астра шепнула:

— Я же говорила.

Кулуп упрямо продолжил:

— А школы?

Планшет сделал паузу — не задумчивую, а техническую.

— Школы не требуются. Обучение: светопрограммирование через стебельки. Передача навыков: пакеты. Индивидуальная калибровка: по месту.

Кулуп медленно сел обратно.

— То есть... у них нет школы. Потому что им можно... залить учебник... прямо в голову?

Планшет согласился:

— Да.

Флюкс сказал, как будто ставил точку в отчёте:

— И поэтому у них нет университетов. Нет лекций. Нет “споров до хрипоты”. Нет всего этого нашего цирка.

Астра вдруг улыбнулась — влюблённо и опасно:

— Зато у них есть... — она искала слово и не нашла, — жизнь.

Кулуп посмотрел на неё так, как смотрят на человека, который трогает голыми руками неизвестный провод.

— Вот этого я и боюсь, — сказал он тихо. — Вот именно этого.

Няшка-астроном, стоявшая у шкафа, будто услышала слово “боюсь” как знакомый сигнал. Она посвистела — коротко, ласково, как птица, которая зовёт птенца к кормушке.

А на экране, поверх чёрно-белой картинки, смысловой слой из шестиугольников на секунду стал плотнее и аккуратнее — как будто система отметила: контакт углублён.

И это было смешно, потому что всё выглядело как детская поделка.

И жутко — потому что поделка работала.

Отдохнули они так, как отдыхают в непонятном месте: телом — да, головой — нет. Камин догорел, воздух был ровный, “земной”, без пылицы и без запаха леса, и от этого становилось ещё тревожнее. За окном — если это можно было назвать окном — всё так же была стена, вежливо молчаливая. В комнате было слишком спокойно, чтобы верить, что это свобода.

Кулуп первым полез к двери.

Он подёргал ручку, нажал, потянул, попытался сделать вид, что “просто проверяет”. Потом проверил ещё раз, уже без вида. Потом ещё — с видом человека, у которого протокол начинает царапать изнутри.

— Ну? — спросила Астра.

Кулуп не ответил. Он посмотрел на Флюкса.

Флюкс подошёл, взялся за дверь, дёрнул один раз — коротко, профессионально — и сразу отпустил.

— Закрыто, — сказал он. — И не “на ключ”. На “не для вас”.

— А как для нас? — Астра огляделась, как будто выход мог быть в шкафу, под кроватью или в камине.

Шкаф, кстати, тут же притворился, что он шкаф. Никакой подсветки, никакого “диафильма”. Только аккуратная дверца и ровное молчание.

— Планшет, — сказала Астра, глядя прямо на шкаф, как на человека. — Мы можем

выйти?

Голос планшета пришёл оттуда же — как будто кто-то говорил изнутри мебели, и от этого было неприятно по-детски.

— Инструкции не предоставлены. Доступ к внешним дверям: ограничен. Режим: “гостевой номер”.

Кулуп взорвался шёпотом:

— Гостевой номер. Угу. Отель. Зоопарк. Музей. Выберите слово по вкусу.

— Планшет, — спокойно сказал Флюкс. — Попроси... хозяйку. Няшку. Попроси объяснить.

— Запрос понятен. Передача запроса возможна через локальный узел, — ответил планшет. — Внимание: прямой ответ может быть ограничен.

— Передавай, — сказала Астра. — Проси.

В шкафу что-то щёлкнуло, и шкаф... свистнул.

Не как птица и не как устройство. Это был странный, сухой, очень короткий набор звуков — как если бы кто-то переслал сообщение в виде трёх нот и одного кашля. Потом стало тихо.

Секунда.

Две.

Флюкс успел подумать “ну конечно” — и в этот момент где-то наверху мелькнули стебельки. Как два тонких фонарных столбика, которые умеют смотреть.

Няшка наблюдала откуда-то сверху — как будто у них тут не люди, а аквариум. Стебельки медленно мигали и поворачивались — и от этого стало понятно, что она не проверяет, а читает.

И вдруг — прыжок и быстрый топот. Почти комичный: много лёгких шагов, как у ребёнка в больших тапках.

Няшка подбежала к шкафу. Посвистела и помигала стебельками в него — уже по-другому, длиннее. Потом ещё раз. И всё. Пять, семь, десять секунд.

Планшет заговорил сразу, будто его только что “включили в режим человеческого терпения”.

— Ответ получен.

Кулуп наклонился ближе:

— Ну?

Планшет говорил ровно, но в этом ровном было что-то... смущённое. Будто переводчик сам понимает, что сейчас переведёт неофициальное.

— Инопланетянам не рекомендуется выходить из номера. Причина: местный воздух может воздействовать непредсказуемым образом. Наиболее вероятный эффект: опьяняющий.

Астра моргнула.

— Опьяняющий? — переспросила она.

— Да. Опьяняющий, — повторил планшет сухо. — Дополнение: “вы и так странные, не надо вам ещё добавлять”.

Флюкс фыркнул.

Кулуп сказал сквозь зубы:

— Очень мило.

Планшет продолжил, как будто читает протокол, который пытались сделать мягким и не смогли:

— Однако, если у вас есть запас кислорода в ваших скафандрах, хранитель планетария готова нарушить инструкции и проводить вас к кораблю.

Кулуп вскинулся:

— К кораблю?!

— Да, — сказал планшет. — Комментарий хранителя: “она не дура и всё понимает”. Комментарий уточняющий: “просто у нашего вида не принято выпендриваться... как постоянно делает Кулуп”.

Астра вздохнула так, будто ей одновременно хочется смеяться и спрятаться под одеяло.

Флюкс посмотрел на Кулупа:

— Поздравляю. Ты официально зарегистрирован как “выпендривающийся”.

Кулуп открыл рот, чтобы возразить, но планшет успел добить.

— Хранитель понимает, что корабль может быть нужен для дальней аварийной связи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.